
HOMO RES SACRA

Հայ-Ռուսական համալսարան

Լ Ր Ա Բ Ե Ր

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ

ՍԵՐԻԱ՝

ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(35)

ՀՌՀ Հրատարակչություն

№ 2/2020

Российско-Армянский университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(35)

Издательство РАУ

N 2/2020

Редакционно-издательский совет

«Вестник» РАУ

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский университет, 2020г.

ISSN 1829-0450

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК32(091)

Поступила: 20.08.2020г.
Сдана на рецензию: 21.08.2020г.
Подписана к печати: 09.09.2020г.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОВАННЕСА ЕРЗЫНКАЦИ ПЛУЗА

К.А. Мирумян

Российско-Армянский университет
karmirrau@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье проанализированы социально-политические взгляды одного из энциклопедически образованных людей армянского средневековья Ованнеса Ерзынкаци. Особое внимание уделено его взглядам на социальную структуру общества, отношения между властвующими и подвластными, сущность и классификацию власти, пути морального совершенствования общественных отношений, утверждение в обществе законности и справедливости, роль народа в оценке деятельности власти, критерии справедливого правления. В статье обосновывается мысль о том, что мыслитель в соотношении права и закона первенство отдает праву. Право он делит на естественное и установленное (позитивное), считая естественное право незыблемым атрибутом человека.
Ключевые слова: Ованнес Ерзынкаци, социальный слой, общественные отношения, власть, пределы власти, подданные, справедливость, право и закон, естественное и позитивное право.

Ованнес Ерзынкаци Плуз *(1225/30–1293гг.) – выдающийся философ, ученый, поэт, педагог, политический мыслитель и общественный деятель Он – один из энциклопедических умов средневековой Армении. Родился в городе Ерзынкагавара Екегяц Великой Армении. Первоначальное образование и воспитание получил в монастыре св. Минаса на горе Сепух. С целью совершенствования своих знаний он отправляется в Северо-Восточную Армению и становится учеником известного ученого-педагога Вардана Аревелци в одном из монастырей Кайедзора. Здесь он изучает философские и естественнонаучные дисциплины, космографию, искусство врачевания, грамматику и музыку. В 1268г. Ерзынкаци получил ученую степень вардапета. 1270–1280 годы – период его наиболее активной и плодотворной общественно-*

политической и научно-литературной деятельности: участвует в культурной и политической жизни страны, в борьбе против униатов, путешествует по городам Армении и Киликийского армянского государства, посещает Иерусалим и Тпхис (Тифлис), где выступает с научно-философскими и богословскими речами и проповедями. В своих назидательно-поучительных речах и церковных канонах он отстаивает идею независимости армянского государства и церкви, сохранения остатков армянской государственности. С целью спасения и сохранения для потомков рукописных сокровищ армянской культуры он основывает ряд книгохранилищ, налаживает копирование и размножение ценных памятников армянской письменности.

Ерзынкаци был духовным руководителем и наставником «Братства» ремесленников и торговцев города Ерзынка (1280г.) и написал его «Устав». В конце 80-ых годов вследствие болезни возвращается в монастырь св. Минаса и целиком посвящает себя научно-педагогической работе. Его письменное наследие охватывает почти все области средневекового знания: философию, естествознание, космографию, грамматику, эстетику, этику, педагогику, толкования, каноны, назидания, политику, богословие, поэзию и др. Многие его произведения имеют просветительский и назидательно-поучительный характер, направлены на пробуждение интереса к учению, знаниям и наукам, на раскрытие сущности и значения нравственных ценностей и норм, что должно служить делу просвещения и воспитания народа, устранения пороков, несправедливости и порождающих их причин в общественной жизни. ***В мире все временно и преходяще и лишь знание – вечно, оно – вечный источник добра и справедливости*** *– таков девиз великого ученого и гражданина. Назидания и поучения Ерзынкаци адресованы всем социальным слоям общества с учетом возрастного и образовательного факторов. Научно-педагогическая, литературная и общественно-политическая деятельность Ованнеса Ерзынкаци – одна из ярких страниц в истории науки, культуры и просвещения средневековой Армении.*

Общественно-политические взгляды Ованнеса Ерзынкаци преимущественно отражены в его посланиях, канонических наставлениях и проповедях. В условиях отсутствия государственности в исторической Армении и ослабления центростремительной политики Армянской Апостольской церкви, канонические наставления и послания приобретали существенное значение в урегулировании правовых, политических и социальных отношений, в деле преодоления существующих социальных противоречий. Следуя Мхитару Гошу, причиной возникновения социального расслоения и социального

неравенства Ерзынкаци считает частную собственность, которая приобретается четырьмя способами: а) собственным трудом; б) по наследству; в) с помощью денег; г) силой оружия (ведением войн).

Будучи ученым и идеологом своего народа, Ерзынкаци сознавал всю пагубность и социальную опасность существующих беззаконий, социальных антагонизмов и социальной несправедливости для судеб нации. Поэтому важной составляющей его социально-политического учения является идея о необходимости совершенствования общественных отношений и достижения социального согласия и мира. Он выдвигает четыре способа установления законности и социальной справедливости:

1) правильная, то есть разумная организация всех сфер общественных отношений (правовой, политической, социальной, экономической и т.д.);

2) упорядочение, регламентация и умерение существующих отношений между власть имущими и подвластными, господами и слугами;

3) пресечение своеволия правителей и господ – ограничение их власти на основе закона;

4) моральное наставление и духовное совершенствование всех социальных слоев – от правителя до простолюдина.

Ерзынкаци особо останавливается на проблеме власти, при рассмотрении которой отталкивается от библейской идеи, что сотворенный Богом мир упорядочен и иерархичен, в нем нет хаоса. Он почти дословно повторяет мысль Давида Анахта о том, что «всюду мы замечаем, что одни только господствуют, как, например, Бог, а другие господствуют и подчиняются, как человек, ибо человек подвластен Богу и господствует над бессловесными тварями, а остальные только подчиняются, как… бессловесные твари» [1]. Таким образом, власть и подчинение обеспечивают порядок и гармонию всего мироздания.

Власть, по Ерзынкаци, бывает троякой: «господской», «положительной» и «естественной». «Господская власть» принадлежит одному только Богу – Творцу всего сущего. «Положительной властью обладает человек», сотворив которого, Бог поставил его господствовать над всеми сотворёнными «тварями». «А естественной властью» обладают животные, которые наделены ею от природы. Так, лев властвует среди зверей, а орел – среди птиц. И только человек властвует над всеми тварями. Соответственно этому «кто-то только властвует, кто-то и властвует и находится под властью, а кто-то лишь находится под властью [2]. Этот порядок был установлен Богом во время творения, поэтому – он вечен и незыблем.

Такой же порядок действует и в человеческом обществе, государстве, так как в противном случае воцарился бы хаос, ибо «безвластие во всём есть зло и причина лишения человека спасения» [3]. Социальная и политическая иерархия, упорядоченность и гармония социальных отношений являются естественной основой нормального существования и функционирования общества. В духе мировоззрения эпохи он убеждён, что структура современного ему феодального общества отражает структуру «Небесного царства» («земное царство схоже с небесным и вечным царством») [4]. Степень соответствия земного царства небесному и определяет естественный, то есть законный характер, существующих политических, правовых, социальных и других отношений. Поэтому задача любого правителя (князя, царя) заключается в том, чтобы, следуя божественным установлениям, приблизить своё земное царство к небесному. Источником власти является Бог, так как тот, «кто является князем (т.е. властвует), является таковым по воле Бога, потому что необходимо, чтобы некоторые властвовали, а другие – находились под властью» [5].

Подразделяя общество на ряд социальных слоев, он классифицирует их с точки зрения отношения к власти, выделяя три группы: 1) те, кто только властвуют; 2) те, кто и властвуют и находятся под властью другого; 3) те, кто лишь находятся под властью других. В этом смысле трудно согласиться с мнением, согласно которому социальная и политико-правовая иерархичность, по Ерзынкаци, есть «результат собственности» [6].

Соотнося концепцию о божественном происхождении власти с общественно-политической практикой эпохи, Ерзынкаци вместе с тем задается вопросом: «Неужели все князья рукоположены Богом, так как многие добиваются власти путем беззакония, грабежа, лишений?». В таком случае возникает другой вопрос: если источником власти является Бог, то «почему же Бог наделил властью злых, ибо всевидящий Бог знает, что от них нет пользы» [7]. Возникает противоречие между абсолютно добрым и справедливым Богом и своевольными, деспотическими действиями князей и правителей, между господствующей политической идеологией и политической реальностью. Указанное противоречие мыслитель решает посредством выдвижения концепции, согласно которой Бог не несет ответственности за действия всех без исключения князей и, в первую очередь, тех, кто нарушает действующие законы и совершает злодеяния в отношении своих подданных. Князь (или царь) как человек также наделён Богом свободой воли (и выбора), поэтому он лично несёт ответственность за все свои действия, в том числе в сфере управления страной.

Если Бог является источником власти, то почему Он не лишает власти «злобствующих» правителей, которые не следуют Его же установлениям и законам. Как идеолог своего времени Ерзынкаци считает, что и в этом случае вечно добрый и милосердный Бог не лишает их власти, дает им возможность стать на путь истины и познать всемогущего Бога. В данном случае, по-видимому, речь идет о том, что Бог «терпит» таких правителей, но не благословляет их, как сказал бы Фома Аквинский. А за свои беззакония и преступления они ответят перед Богом во время Страшного Суда. Следовательно, правители не подлежат суду в земной жизни, но они будут наказаны потом, в конечном счете. Суть сказанного заключается в том, что все преступники и правонарушители получат наказание за содеянные злодеяния, но лишь с одной разницей: все в этой земной жизни, а цари и князья – в потустороннем мире.

В таком случае как определить «богоустановленность» власти конкретного правителя, каковы критерии божественного происхождения царской власти? Эта проблема была одной из стержневых для всей средневековой политико-правовой мысли и имела важное мировоззренческое и идеологическое значение. Ерзынкаци выдвигает ряд способов различения. Во-первых, власть исходит от Бога и является доброй, если князь знает и беспрекословно следует божественной воле и установлениям божьим и держит подданных в рамках божественных законов. Во-вторых, если ***власть правителя удостаивается одобрения его подданных*** – ***народа*** (курсив наш – К.М.) [8]. Хотя власть как таковая дана Богом, однако богоданность власти конкретного правителя опосредована «одобрением» народа. Иными словами, для выявления богоданности власти необходимо от политико-правовых следствий идти к первопричине (Богу).

Кроме того, человек, сотворенный «самовластным» и наделенный свободной волей, наделен также способностью к творчеству и инициативе (разумом). Поэтому, хотя источником власти является Бог, однако практическое осуществление власти в государстве, ее сохранение и упрочение целиком и полностью зависят от воли и мудрости князей-правителей, точнее от формы правления и ее одобрения или неприятия со стороны народа. Следовательно, важнейшим ***критерием дифференциации богоданной или насильственно узурпированной*** (тиранической, деспотической) ***власти является восприятие и отношение народа к власти,*** что, в свою очередь, обусловлено практическими действиями правителя, его моральной и социальной характеристикой.

Ерзынкаци, как и Егишэ, дает собственную интерпретацию известного положения апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установ-

лены» [Рим., 13, 1]. Он трактует власть как 1) власть вообще, как отвлеченное отношение между властвующими и подданными безотносительно к их конкретной форме и происхождению; 2) конкретный способ установления или приобретения власти (законный или вследствие узурпации); 3) практику властвования, конкретную форму осуществления власти.

Из этого следует, что только в своей сущности власть, то есть власть как таковая (в первом смысле) имеет божественное происхождение. Что касается власти во втором смысле, то она может не только не иметь божественного происхождения, но и противоречить божественной сущности власти, ибо конкретные формы власти в конкретных случаях устанавливаются не свыше, а людьми и имеют вполне земное происхождение. Сказанное относится и к практическому осуществлению власти. Оно происходит или по доброй воле, или по произволу правителей, то есть является справедливым или несправедливым. Несправедливая власть также бывает двух видов: несправедливо приобретенная (узурпированная) власть и злоупотребление властью. Кроме того, носитель справедливо приобретенной власти может злоупотребить ею. Они не имеют и не могут иметь божественное происхождение [9]. Однако Ерзынкаци обходит вопрос об отношении народа к несправедливой власти.

Данная классификация видов власти получила более развернутое обоснование в трудах современника Ованнеса Ерзынкаци, крупнейшего представителя западноевропейского богословия и схоластики ***Фомы Аквинского*** (1226–1274гг.), которая сыграла важную роль в формировании и развитии западно-христианской модели правовой государственности.

Добрые князья правят на основе знания и мудрости, божественных и позитивных законов, а также справедливости. Таких правителей подданные любят по трём причинам: 1) по природе; 2) вынужденно и 3) по необходимости. «По природе как сыновья доброго и милосердного отца, по принуждению – как богоустановленного князя, и по необходимости – как обладающего судебной властью и правосудного» [10]. Правильная организация вертикали власти имеет важное значение для социальной стабильности и благоденствия всей страны: «Лишь та страна или город остаются благоустроенными, где князья подчиняются божественным законам, а город и страна – князьям» [11].

Ерзынкаци считает, что настоящий («богоустановленный») князь должен обладать четырьмя основными качествами: добротой в отношении к своим подданным, покорностью души, истинностью своих слов и справедливостью совершаемых дел, а также щедростью. Истинный князь должен стре-

миться во всём походить на вечно доброго и справедливого Бога. Он в то же время похож на врача, так как «и князь, и царь являются врачевателем всего народа». Потому что и они «имеют больницу – царский двор, учеников – слуг, больных – народ, и если он не знает ***пределов царской власти и царское дело***, то он является неистинным царем (курсив наш – К.М.» [12]. Таким образом, царская власть не является абсолютной, она имеет пределы функционирования. Ее основная задача – в постоянной заботе о благоденствии своего народа, «лечении его ран», то есть в решении существующих в обществе социально значимых проблем, в сглаживании социальных противоречий. В аспекте истории политико-правовой мысли несомненный интерес представляет само понятие ***пределы царской власти***, которое становится одним из стержневых понятий Нового времени.

Кроме того, князь должен обладать незапятнанным моральным обликом, чувством справедливости, быть безукоризненно правдивым и честным как в словах, так и в делах, не порицать всуе других, преследовать и наказывать правонарушителей и преступников независимо от их социального положения, быть неподкупным. Он призывает князей и паронов воздерживаться от пристрастия к вину, так как пьянство, времяпровождение в окружении гусанов и непристойной музыки наносят большой вред всем людям. Но это особенно опасно для князей и паронов, потому что они несут ответственность не только за себя лично, но и за весь народ. Так, «князь должен быть храбрым, деловым и бодрым, чтобы в течение ночи обдумать вчерашние дела, между тем вино наводит сонливость и мешает этому. И память парона должна быть острой, а вино делает его забывчивым. Облеченный властью [человек] должен быть чувствительным, а вино притупляет чувства и приносит много других бед» [13]. Мыслитель призывает правителей быть скромными и соблюдать меру в еде и питье.

Все это, по мнению Ерзынкаци, необходимо для поддержания нравственного и политического статуса власти на подобающем уровне, потому что господствующие в стране нравы, социально-психологическая атмосфера, следовательно, и стабильность в государстве в значительной мере зависят от личных качеств князя-правителя, от его морального облика. Князь по своему статусу является примером подражания для своих подданных. Поэтому слухи о его аморальности и своеволии, необдуманных поступках быстро распространяются в народе и могут привести к серьёзным негативным социальным последствиям, ибо даже «незначительный проступок князей, распространяясь, заражает весь народ» [14], порождая соответствующие действия со стороны всех социальных слоев.

Ерзынкаци строго разграничивает фактическое обладание властью и владение искусством правления. Он убежден, что искусство управления государством, подобно другим наукам и искусствам, не является врожденной способностью человека (правителя), не передается ему по наследству, как в случае с властью, а приобретается путем длительного обучения и упорным трудом. Социальное происхождение не имеет принципиального значения. Более того, он в духе Платона искусство правления считает более сложным и труднодоступным, чем все другие искусства и науки. Поэтому овладение им требует бо'льших усилий и времени.

Для того, чтобы при управлении страной избежать незаконных поступков и действий, князь должен иметь в виду следующее. Во-первых, он должен помнить, что «его подданные тоже являются «человеками», сотворенными Богом из той же материи, как и он сам, что они не имеют никакого недостатка по сравнению с ним, кроме власти». Как Божьи твари, все люди равны и обладают одинаковыми естественными правами. Во-вторых, князь должен знать и всегда помнить, что его власть не абсолютна, ибо абсолютной властью обладает только Бог, что он «сам находится под властью Бога» [15]. В-третьих, он должен помнить, что его власть преходяща. По этой причине не следует унижать своих подданных, нарушать естественные права человека и задевать его достоинство, потому что каждый человек в равной мере является и разумным, и свободным существом. Ерзынкаци убежден, что если князь усвоит всё это, он никогда не нарушит закон – ни божественный, ни земной. Поэтому, продолжает он, «город процветает, когда горожане являютсяпокорными своим князьям, а князья – Законам Божьим» [16].

Примечательно, что Ерзынкаци обходит вопрос участия церкви при определении богоданности власти. Известно, что автор первого политического трактата в Западной Европе ***Иоанн Солсберийский*** (1115–1180гг.) считал, что для того, чтобы стать государем, необходимо быть богоизбранным, что в его понимании означало получить одобрение церковной власти. А из тезиса, что государь подвластен Богу, выводит, что он подвластен также и духовенству, которое «представляет Бога на земле». Эти идеи получили более развернутое обоснование в концепции Фомы Аквинского, который в русле папской идеологии обстоятельно обосновывает верховенство церковной (папской) власти во всем христианском мире. В частности, Фома отмечает, что «поскольку духовное отделено от земного, вручено не земным правителям, а священникам и особенно высшему священнику, наследнику Петра, наместнику Христа папе римскому, которому все цари христианского мира должны подчиняться, как самому Господу Иисусу Христу» [17].

Признавая правомерность единовластия (царской власти), Ерзынкаци выступает против единоначалия. Чтобы правление было «безошибочным», совершенным и справедливым необходимо, чтобы важнейшие проблемы, стоящие перед страной и народом, и принимаемые по ним решения обсуждались коллективно при участии мудрых «советников», так как князь, каким бы одаренным он не был, как бы хорошо не владел искусством правления, не в состоянии единолично осуществлять справедливое правление. Ерзынкаци пишет: «Князю нужен советник, так как будучи человеком он является смертным и немощным. Бог сотворил человека не самодостаточным, а нуждающимся в наставителе и советнике. Поэтому необходимо отправлять власть при помощи мудрых советников» [18].

Этот принцип правления особенно важен для централизованной царской власти, в функции которой входит решение общегосударственных задач, в частности, войны и мира, перемирия, экономического развития страны, строительства и т.д. В подобных случаях «царь советуется со своими князьями относительно мирного существования страны, благоденствия и победы над врагом». При этом «князья должны смело говорить со своим сюзереном о благоденствии страны». Однако общественно-политическая практика показывает, что цари и князья не всегда желают иметь мудрых советников, высокомерно полагая, что не нуждаются в них.

Исходя из этих соображений, Ерзынкаци выступает против абсолютной, неограниченной власти, единоличного решения общегосударственных задач, другими словами – деспотического правления. Подобный подход он обосновывает как с точки зрения средневековой антропологии и морали, так и философии права. С одной стороны, греховная природа человека (каковым является и монарх) не может быть носительницей абсолютной власти, абсолютных достоинств и обладать абсолютными правами. С другой стороны, источником права и власти в таком случае пришлось бы признать не Бога, а человека (монарха), что является абсурдом с точки зрения средневековой политико-правовой мысли (и не только средневековой!). По той же логике мыслитель исключает единовластие в церковной организации.

В свете сказанного можно согласиться с мнением Э. Багдасаряна, согласно которому отвергая единовластие в сфере духовной и светской власти, а также непогрешимость человека, в том числе светского монарха и церковного иерарха, он одновременно «дает отпор распространяемой в Киликии католической идеологии, целью которой являлось представить человека в лице папы, как обладающего неограниченной духовной и светской властью и непогрешимостью» [19].

В отношениях между властвующими и подданными Ерзынкаци подчеркивает ещё одно обстоятельство – носитель власти (царь, князья и пароны) должен любить и уважать того подданного, который смело высказывает своё мнение в лицо, особенно относительно важнейших вопросов развития государства, а при незаконных действиях правителя – критикует. Так, «парону приличествует любить того, кто открыто высказывает свое мнение и критикует, когда тот совершает противозаконное действие, потому что такой человек душою доброжелатель. А тот, который во всем согласен с правителем или пароном, он с виду доброжелатель, а душой – злопыхатель» [20]. Более того, когда князья и пароны, исходя из личных побуждений и интересов, льстят и угодничают царю, то тем самым «не позволяют царю увидеть» и исправить свои ошибки [21], что, в свою очередь, создает почву для новых ошибок и беззаконий, и естественно, сказывается на системе правления и состоянии всей страны.

Ерзынкаци полагает, что реализация любой формы власти должна происходить в рамках установленных в стране законов. Он высоко оценивает значение закона в жизни государства и народа, выдвигая в духе Аристотеля тезис о власти закона, а не князей-правителей. Этот принцип, по его мнению, более характерен для городов, так как «право» (закон и справедливость) является основой обеспечения благоденствия каждого города. В городах законы составляют «душу города» и «жители городов – немощные и нищие – мертвы без установленных законом прав. И подобно тому, как невежественные врачи наносят вред больным, так и князья-правители, которые не знают установленных законом прав, или не соблюдают их, наносят вред праведным и невинным [людям]» [22]. Поэтому необходимо укрепляющуюся в городах правовую систему распространить по всей стране: единым управлением и единым законом упорядочить политические, правовые и другие отношения в обществе в целом, обуздать своеволие и противозаконные действия князей, в том числе направленных против городов и горожан.

Дело в том, что армянские города в тот период приобрели определенную самостоятельность и права князей на города были существенно ограничены, что, естественно, давало повод для различных поползновений с их стороны. Поэтому требовалось смягчить и сгладить создавшиеся противоречия, что по мнению мыслителя, возможно осуществить путем подчинения всех общегосударственным законам.

Представляет интерес и интерпретация Ерзынкаци понятий «право» и «закон». Считая, что «право и закон являются добродетелью для людей», он, вместе с тем, строго разграничивает эти понятия. В духе античных традиций

он считает, что «право дано от природы, а закон есть установление [законодателя]», результат волеустановления людей. Далее: «То, что дано от природы предпочтительнее, чем то, что дано установлением, потому что сначала надо дать людям права и лишь потом – законы. Иными словами, сначала надо украсить человеческую природу правами во избежание бесправия (несправедливости) и только потом установить законы», дабы люди следовали им [23].

Приведенные суждения мыслителя позволяют сделать ряд важных выводов.

Во-первых, право и закон воспринимаются во взаимосвязи, они – необходимое условие для нормального функционирования общества. Вместе с тем эти понятия не тождественны.

Во-вторых, правом человек обладает от природы и имеет естественное происхождение, является неотъемлемым атрибутом человеческой природы (естественное право). Закон же устанавливается человеком (царем, князем), то есть является волеустановленным (позитивное право).

В-третьих, приоритет отдается праву в широком смысле, так как без права нет и закона. Ведь и сам законодатель должен обладать правом издания законов.

В-четвертых, проводится различие между естественным и волеустановленным (позитивным) правом. В данном контексте закон рассматривается как осуществленное, позитивное право.

Преодоление социальных и внутригосударственных противоречий необходимо для всей страны и всего народа, поэтому правители должны осознавать эти реалии, со всей ответственностью подойти к вышеизложенным проблемам. Более того, чем выше власть, тем бо́льшую ответственность несет ее носитель. Он должен не только неукоснительно следовать закону, но и стремиться к утверждению власти закона.

Царь и князь наделены большими правами и властными полномочиями, они обладают также военной силой для защиты и осуществления этих прав. При этом, обращение к силе оружия Ерзынкаци считает оправданным лишь в трех случаях: 1) для защиты независимости государства и обеспечения его безопасности, пресечения агрессии со стороны внешних врагов; 2) для наказания преступников и разбойничьих банд внутри страны; 3) для «освобождения из иноземного плена» своих соплеменников и единоверцев.

Ерзынкаци призывает царя и князей проявлять осторожность и гибкость особенно в вопросах внешней политики, сверхзадача которой – в защите своих подданных и страны. В сфере внешней политики Ерзынкаци особо выделяет проблему войны и мира. Подобно предшествующим полити-

ческим мыслителям он принципиально отвергает захватнические войны, агрессивную внешнюю политику, защищает идею мирного сосуществования народов и государств. их взаимовыгодное сотрудничество. Считая завоевательные войны противоестественными, мыслитель оправдывает оборонительные войны, которые ведутся во имя защиты свободы и независимости страны. Однако даже в этом случае необходимо проявлять осторожность и мудрость – учитывать реальный военный и экономический потенциал как страны, так и противника, временной и другие факторы и соответственно этому принимать решение о целесообразности войны или мира. Лишь после всестороннего анализа сложившейся ситуации и уверенности в положительном исходе противостояния следует на войну отвечать войной. Например, если царь после всестороннего анализа приходит к выводу, что его 10.000 армия может противостоять 20.000 армии противника, то война оправдана, а если нет, то лучше выбрать путь «мира» и, уплатив завоевателю дань, пошлины и т.д., спасти страну от разрушений и гибели, так как главной целью государственной политики является – «всеми средствами спасти страну» и народ. Отсюда мыслитель в духе Нерсеса Ламбронаци делает важный вывод: «надо сделать все, принимая во внимание изменение времени и следовать за временем» [24].

Кроме того, в духе Егишэ он считает возможным использование во имя защиты отечества и спасения нации самых различных способов, хитростей и уловок – вплоть до клятвопреступления и ложного вероотступничества, которые во все времена являлись испытанным средством дипломатического инструментария.

Одной из важных властных структур общества является суд, находящийся в ведении князя и судьи. Судопроизводство должно совершаться на основе и в рамках действующих в стране законов, а судья должен быть носителем и проводником принципа законности и справедливости, быть неподкупным, чтобы знатные и богатые члены общества не имели бы каких-либо привилегий по отношению к низшим социальным слоям. Действенность закона и правосудия обеспечивает упорядоченную (естественную) жизнь города, составляя его «душу» и придавая жизненность. Между тем «неправедное и извращенное» судопроизводство подобно паутине, которая может поймать муху и москита, но оса и пчела легко разрывают ее, высвобождаясь от пут. Подобным же образом ***неправедные законы любят нищих и немощных, а знатные и богатые пробивают их и освобождаются, не подчинившись законам*** (курсив наш – К. М.)» [25].

Институт правосудия и законность – необходимая опора общественной жизни и благоденствия страны. Если их нет, то страна оказывается на грани уничтожения («страна погибает»). В этой связи Ерзынкаци подчеркивает всю значимость правильного выбора судьи, его личных качеств и достоинств, опосредовано высказывая также идею о его независимости: «Если захотите назначить судью города, то ***выбирайте*** того, кто руководствуется собственным умом, может вести собственную жизнь и украшать свои нравы». Если кто-либо может в одном доме установить порядок, то такой человек может обеспечить закон и порядок также в городе [26].

Государственную жизнь Ерзынкаци сравнивает с семьей. Так, для благосостояния любого дома, семьи необходимы четыре условия: человек должен быть добрым и честным по отношению к собственной жене; любить сыновей и воспитывать их в богопослушании; своих крепостных и слуг держать в рамках закона; чтобы доходы и расходы были бы соразмерными. Если доходы превышают расходы, то человек уподобляется свинье, лишенной всяких человеческих качеств, а если расходы превышают доходы, то такой человек является развратным и пустым. Однако, «сохранять пропорцию расходов и прибыли – дело умного человека» [27].

Ерзынкаци считает, что общественный статус человека обусловлен его красотой, силой, богатством и мудростью. Первые три достоинства изменчивы, преходящи, служат «мечом в руке человека». «Кто красоту растрачивает в грехе или силу употребляет во зло, или богатством творит беззаконие, тот убивает себя своим же мечом» [28]. Только мудрость не подвластна изменению времени, только «мудрость бессмертна».

По мнению Ерзынкаци, человеческое достоинство не связано с его социальным происхождением. Поэтому следует любить и уважать того человека, который «**по природе** является хорошим, и дела его – добрые, но не того, кто родовит» [29]. Между тем в реальной жизни, вследствие господства несправедливости и беззакония, мудрые и достойные почестей люди часто страдают, становясь объектом пренебрежительного отношения со стороны общества, а «злодеи и неправедные люди приобретают славу, почести и власть» [30].

Общественно-политическую жизнь Ерзынкаци сравнивает с бушующим морем, где не каждому человеку удается оставаться на плаву, найти свое место в жизни и в обществе. Особенно трудно приходится низшим социальным слоям. Поэтому люди, не обладающие властью и богатством, особенно представители низших социальных слоев, чтобы противостоять социальным бедствиям, своеволию и беззаконию паронов, должны объединяться

в братства и товарищества (право на создание общественных организаций), создать коллективную силу. Он лично участвовал в создании такого «Братства» в городе Ерзынка и написал его «Устав». Он обращается к членам братства со следующими словами: подобно тому, как «собранное в одном месте множество камней превращается в стену для укрепления и защиты города, так и вы, как живые камни, соединенные божественной любовью, неприступной мощью пребывайте в твёрдости» [31].

Политическая позиция Ерзынкаци проявилась также в религиозной и догматической сфере, где пересекались не только церковно-религиозные, но и многие национальные и политические вопросы, тем более что а) Армянская Апостольская церковь была единственной центростремительной, объединяющей рассеянные по земле части нации, организацией; б) В XIII веке усилилась тенденция по установлению унии между Армянской Апостольской и Римско-католической церквами, инициированной папской курией.

Как национальный идеолог, он стремился восстановить былой авторитет и славу Армянской Апостольской церкви, ее материальную и финансовую базу, статус общенационального фактора и института. Это требовало также идейно-теоретического опровержения стратегических притязаний проводимой папством политики унии, которая возымела бы губительные последствия как для Армянской церкви, так и всего армянского народа. Так, в связи с формулой о «двоякой природе» Христа, он пишет: «Так как две природы означают две воли, два таинства и двух господ, а разделенное царство разрушает личность, потому что две природы антогоничны друг другу, или одна – господин, другая – слуга». Кроме того, двоякая природа Христа означает, что «Бог воюет со своим телом как друг с другом, и как он может дать мир другим, которого он сам не имеет» [32].

Безотносительно к христологическим тонкостям, здесь проявляется политическая тенденция, а именно – естественный характер централизованной политической власти. Государство может иметь только одного царя, одну верховную власть. В этом гарантия стабильности и суверенитета государства. Будучи идеологом централизованного государства как высшей национальной ценности, он подвергал критике сепаратистские устремления армянских князей, полагая, что во имя политической независимости страны, социального мира и военной мощи, способной отстоять назависимость страны, необходимо, чтобы князья подчинялись царю, а слуги – своим господам.

Осуществление политических и правовых идей и принципов, выдвинутых Ерзынкаци, предполагало более широкое распространение просвещения и образования, развитие наук и искусств. Поэтому он призывает князей уде-

лять особое внимание созданию учебных заведений, так как обучение и знание не только укрепляют веру, но и делают нацию мудрой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анахт Давид*. Сочинения / Сост., пер. с древнеарм., вступ. статья и примеч. С.С. Аревшатяна. М., 1980. С. 69.
2. *Ерзынкаци Ованнес*. Сочинения. Т.I. Речи и проповеди / Тексты подготовлены к изданию А. Ерзынкаци-Тер-Срапян и Э. Багдасаряном. Ер., 2013. С. 153. (на арм. яз.)
3. Там же.
4. Там же. С. 149.
5. *Ерзынкаци Ованнес*. Послание князьям области Екегяц // Э.М. Багдасарян. Ованнес Ерзынкаци и его назидательная проза. Ер., 1977. С. 206. (на арм. яз.).
6. *Багдасарян Э.М.* Ованнес Ерзынкаци и его назидательная проза. С. 99.
7. *Ерзынкаци Ованнес*. Сочинения. Т.I. С. 152.
8. *Ерзынкаци Ованнес*. Послание князьям области Екегяц. С. 206.
9. *Закарян С.А*. Ованес Плуз Ерзнкаци о власти и управлении // «Вестник Ерев. Ун-та». Арменоведение, № 1. Ер., 2016. С. 8–9. (на арм. яз.).
10. *Ерзынкаци Ованнес*. Сочинения. Т.I. С. 155.
11. *Ерзынкаци Ованнес*. Послание князьям области Екегяц. С. 207.
12. *Ерзынкаци Ованнес*. Сочинения. Т.I. С. 163.
13. *Ерзынкаци Ованнес*. Послание князьям области Екегяц. С. 208.
14. *Ерзынкаци Ованнес*. Сочинения. Т.I. С. 164.
15. *Ерзынкаци Ованнес*. Послание князьям области Екегяц. С. 217.
16. Там же.
17. *Аквинский Фома*. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI – XVII вв. Л., 1990. С. 242.
18. *Ерзынкаци Ованнес*. Сочинения. Т.I. С. 164.
19. *Багдасарян Э.М.* Ованнес Ерзынкаци и его назидательная проза. С. 100.
20. *Ерзынкаци Ованнес*. Послание князьям области Екегяц. С. 218.
21. *Ерзынкаци Ованнес*. Сочинения. Т.I. С. 296.
22. Там же. С. 159.
23. Там же. С. 158.
24. *Ованнес Ерзынкаци*. Сочинения. Т.I. СС. 159–160.
25. *Ованнес Ерзынкаци*. Послание князьям области Екегяц. С. 217.
26. Там же. С. 216.
27. Там же.
28. Там же. СС. 212 – 213.
29. Там же. С. 21.
30. *Ерзынкаци Ованнес.* Сочинения. Т.I. С. 49.
31. *Ерзынкаци Ованнес*. Устав братства // Э.М. Багдасарян. Ованнес Ерзынкаци и его назидательная проза. С. 227.
32. *Ерзынкаци Ованнес*. Сочинения. Т.I. СС. 196–197.

HOVANNESE ERZYNKATSI PLUZ'S SOCIO-POLITICAL CONCEPT

K. Mirumyan

ABSTRACT

The article analyzes the socio-political views of one of the encyclopedically educated people of the Armenian Middle Ages, Hovhannes Yerzynkatsi. Particular attention is paid to his views on the social structure of society, the relationship between rulings and subordinates, the essence and classification of power, ways of moral improvement of social relations, the establishment of law and justice in society, the role of the people in assessing the activities of power, the criteria of fair government. The article substantiates the idea that the thinker in the relationship between law and law gives priority to law. He divides law into natural and established (positive), considering natural law to be an unshakable attribute of a person.

Keywords: Hovhannes Erzinkatsi, social stratum, social relations, power, limits of power, subjects, justice, law and law, natural and positive law.

УДК 327 Поступила: 07.07.2020г.
Сдана на рецензию: 10.07.2020г.
Подписана к печати: 09.08.2020г.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КИТАЯ

П.А. Енгоян

Ереванский государственный университет
paylak.yengoyan@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматривается внешнеполитическая концепция и другие составляющие роли Китая на мировой арене. Столетиями, в условиях преобладания конфуцианства, китайская внешняя политика в основном была направлена на обеспечение безопасного и обособленного развития страны. С победой социалистической революции и приобщением общественного сознания народа к мировой идеологии коммунизма у китайской элиты и большей части населения Китая сформировалось масштабное видение современного мирового политического процесса. Беспрецедентные успехи страны в деле развития собственной экономики, достигнутые благодаря кардинальным преобразованиям 1980-ых годов, позволили ей занять более достойное место в мировой политике и экономике. Были созданы необходимые предпосылки для последующей трансформации внешнеполитической концепции в сторону активизации роли Китая в мировых делах и превращению страны в один из мировых центров силы, играющей огромную роль в формировании нового многополюсного миропорядка.

Ключевые слова: внешнеполитическая концепция, мировой порядок, многополярность, архитектура международных отношений, центр силы, экономическое развитие, геополитика, цивилизационный центр.

В течение всей своей истории Китай, практически всегда, выступал в качестве значимого как в социально-экономическом, так и в политическом отношении субъекта в международных отношениях. Однако, несмотря на многие достижения и преобладание во взаимоотношениях с другими странами, Китай не претендовал на глобальное господство, не стремился превращать свою империю в мировую державу, навязывая свои ценности остальному миру. Конечно, это во многом определялось как географическим месторасположением, так и уровнем социально-экономического развития

страны. Однако, возможно, именно такой подход к международным отношениям позволил этому государству просуществовать тысячелетия, сохранив свою неповторимую цивилизацию и культуру.

Заметный сдвиг в переоценке мировых политических процессов в Китае произошел в результате социалистической революции, которая приобщила этот древнейший народ к претендующим на мировое преобладание коммунистическим ценностям. Новая социалистическая система позволила сконцентрировать весь потенциал Китая на приоритетных направлениях развития своей отсталой экономики, усовершенствовать социально-политические отношения внутри страны, обеспечить скачкообразное развитие сферы культуры и, в первую очередь, образования и многое другое. Конечно, как и в колыбели социалистической революции, такие преобразования сопровождались многими трагическими обстоятельствами и процессами. Однако на уровне общественного сознания приобщение к общемировой идеологии сделало китайский народ участником и активным проводником новой ценностной системы, внося, тем самым, элементы масштабного мышления в повседневную общественную жизнь страны.

Тем не менее, вплоть до 90-ых годов XX века Китай оставался почти на «обочине» мировой политики, не составляя особой конкуренции с другими развитыми в военно-политическом или экономическом отношении странами. Единственной отличительной чертой китайской социально-экономической жизни оставался демографический фактор, превративший страну в самую перенаселенную в мире с ее, практически, неограниченным рынком. Однако это обстоятельство, при наличии издержек социалистической формы производства, никак не способствовало обогащению государства и благополучию граждан.

Положение в стране стало резко меняться в лучшую сторону с начала 1980-ых годов, когда были задуманы и в спешном порядке осуществлены широкие социально-экономические преобразования. Их вектор был задан тогдашним руководителем Китая Дэн Сяопином на Пленуме ЦК Компартии Китая в 1978г. Основное внимание на нем было уделено вопросам широкомасштабного экономического преобразования страны. Что касается внешней политики, то ей отводилась лишь вспомогательная роль. Был изменен весь комплекс внешнеполитических приоритетов, начался процесс становления новой китайской внешнеполитической концепции. Вопросы национальной безопасности стали основными целями, что должно было обеспечить поступательное развитие Китая [1].

Основой теории «мира и развития» Дэн Сяопина стала переориентация с теоретических догм марксизма на объективную «реальность», т.е. на действительное положение дел. Дэн Сяопин продвигал концепцию открытости Китая миру, его активной интеграции в глобализирующемся мире и в мировой экономике, предполагающей расширение географических и внешнеполитических интересов страны, уход от «узкого регионализма». В связи с недостатком в государстве собственных средств было решено открыть Китай для иностранных инвесторов. Новая внешнеполитическая концепция предполагала как экономическую, так и политическую, культурную, социальную открытость страны миру. Эта теория получила название «социализм с китайской спецификой». Она предполагала сохранение социалистического строя в стране при постепенной переориентации на капиталистическую экономику. Традиционный маоистский тезис о том, что «лучше бедный социализм, чем богатый капитализм», был подвергнут сомнению [2].

Экономические реформы, начатые Дэн Сяопином, к началу XXI века превратили страну в один из крупнейших объектов для иностранных инвестиций и важную составляющую мировой экономики. Многим ведущим игрокам на мировой арене необходимо было налаживать качественно новые по характеру взаимоотношения с Китаем, который стал вести суверенную внешнюю политику. Благодаря бурному экономическому росту у Китая появлялось все больше ресурсов для защиты своих геополитических и экономических интересов, которые стали постепенно распространяться далеко за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай заявил о себе как о лидере во многих сферах, и даже в такой неспецифичной для себя отрасли, как освоение Космоса [3].

Небывалый рост экономики Китая совпал с процессом распада мировой социалистической системы, а потом и СССР. Воспользовавшись этим, в мире значительно активизировалась американская внешняя политика, стремящаяся «подмять под себя» практически весь остальной мир. Это обстоятельство разбудило в КНР страхи касательно потенциала создания «монополярной» мировой архитектуры, что, естественно, не могло негативно не сказаться на набирающей обороты экономике Китая. Внешнеполитическая концепция Китая пополнилась, тем самым, новой идеей, указывающей на недопущение мирового преобладания и господства какого-либо государства, которое повышало бы степень уязвимости комплексной системы безопасности КНР. Внешнеполитическая концепция Китая стала ориентироваться на формирование многополярного миропорядка.

Однако, отмечая формы «многополярности», различные китайские исследователи имели о ней свои представления. Существует мнение, что «архитектура» международных отношений развалена всецело, а многополярная пока находится в процессе становления и не имеет окончательной конфигурации [4,5,6]. Все еще наличествуют терминологические разночтения[1]. По мнению китайских исследователей, особенностью «полюса» является длительное неизменное противоборство за преобладание в мире с привлечением все большего числа государств в свою внешнеполитическую орбиту. Сущность же понятия «центр» состоит в том, что главенствующее положение этой страны обусловливается, в первую очередь, цивилизационными и социально-экономическими факторами.

Другие исследователи [7,8] более подробно рассматривают структуру сложившихся международных отношений, подразделяя ее на различные подсистемы. Так, по их мнению, в мире существует одна сверхдержава (США), несколько сильных держав (Германия, Япония, Россия, Китай и другие), три экономических полюса (США, Европа, Япония), два военных полюса (США и Россия), пять политических полюсов (США, Россия, Китай, Великобритания, Франция – пять постоянных членов СБ ООН). Поэтому многополюсная система пока еще окончательно не сложилась и переживает процесс становления.

Высказывалось мнение, что «многополярность» никак не является переходным этапом. В будущем его следует рассматривать как стабильный период, которому соответствует архитектура «одна сверхдержава – много сильных держав» [9]. Значительное различие по сравнению с 1980-ыми годами заключается в том, что практически во всех перечнях, предлагаемых китайскими политологами, место одного из полюсов отводится Китаю, хотя раньше довольно часто делались заявления о том, что Китай не имеет целью стремиться к статусу «полюса», точно так же как и к статусу «сверхдержавы».

Создание новых региональных центров, по мнению многих китайских политиков, послужит основой для образования многополярного глобального миропорядка. Вопросы присоединения Гонконга и Макао, а также бескомпромиссную позицию по проблеме Тайваня необходимо определять, именно,

[1] Например, многие аналитики полагают, что употребление понятия «полюс» неправомочно и предлагают заменить термин на другой – «центр». В соответствии с этим высказыванием, по окончании Холодной войны понемногу образовалась многоцентричная мировая архитектура с пятью основными значительными силами – США, Японией, Китаем, Россией и Германией. Сложилась ситуация «одна сверхдержава – много сильных держав». В этой многоцентричной архитектонике, если сравнивать с биполярной архитектоникой этапа Холодной войны случились не только легкие изменения по форме, но и модификации по качеству.

как шаги в этом направлении. В апреле 2005г. в Джакарте председатель КНР Ху Цзиньтао выдвинул идею «построения гармоничного мира». В числе важнейших внешнеполитических целей КНР назывались «укрепление взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами, углубление регионального и субрегионального сотрудничества, активизация экономической интеграции со странами АТР» [10].

Выступая в 2006 году в Йельском университете, Ху Цзиньтао раскрыл основные положения новой концепции. В ее основу были положены традиционные китайские «гармоничные» ценности. По словам Ху Цзиньтао, «социальная гармония» всегда являлась неотъемлемой частью менталитета китайского народа, его ценностей и культуры, поэтому Китай сейчас выступает в роли строителя гармоничного общества. Китайская Народная Республика выступает за хорошие отношения с соседними странами и стремится к тому, чтобы все государства мира жили в гармонии друг с другом [11].

В 2007 году на XVII съезде в контексте создания «гармоничного общества» и «гармоничного мира» особое место отводилось научной концепции развития. Суть ее состояла во всестороннем, гармоничном и устойчивом развитии при едином и комплексном планировании, ориентированном на человека, выступающего как главный центр и основа этой концепции [12]. «Гармоничный мир» – это устойчивое развитие и разумное использование невоспроизводимых ресурсов и энергоресурсов, преодоление различий между Югом и Севером и победа над страданиями человечества: бедностью, болезнями, войнами, насилием и террором [13].

Согласно Ху Цзиньтао, основное положение теории «гармоничного мира» заключалось в сотрудничестве всех акторов мировой арены для обеспечения всеобщей безопасности, установления продолжительного, устойчивого по предсказуемости мира и всеобщего процветания. Преследуя в своей внешней политике цель построения «гармоничного мира», КНР «будет стараться, строго соблюдая принципы ООН, активно участвовать в международных делах, выполнять международные обязательства, содействовать установлению нового, справедливого, разумного мирового порядка» [14].

Как отмечает глава Центра сравнительных экономических и политических исследований Юй Кэпин, «выдвинутая Китаем теория гармоничного мира имеет много общего с распространенной в мире теорией глобального управления. Обе они коренятся в заботе об общей судьбе человечества, обе выступают против… гегемонизма, обе подчеркивают решение общих вопросов каждого государства через международное сотрудничество, обе выступают против «мира, управляемого Америкой», и подчеркивают повышение

роли ООН, обе настойчиво утверждают новый мировой политико-экономический порядок. Это китайский взгляд на глобальное управление, это мировоззрение Китая в условиях новых реалий и тенденций в изменяющемся мире» [15].

Как считают в КНР, в предстоящем столетии произойдет радикальное смещение движущего центра мировой экономики из региона северной Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Совершенно привычной для китайских аналитиков стала фраза о том, что «XXI век станет веком АТР». Некоторые китайские исследователи раскрывают смысл этой фразы следующим образом: «XXI век – век Китая» [16]. АТР в финансовом смысле наиболее оживленный регион, КНР – это наиболее динамично развивающаяся страна АТР.

Китайские аналитики считают, что становление нового миропорядка – это довольно долгий процесс противоборства с гегемонизмом и силовой политикой. По их мнению, сегодня сложно сказать, сколько времени займет переходный этап к установлению новой архитектуры международных отношений. В работах китайских политологов часто говорится о том, что «китайское правительство и китайское общество всецело понимают, что обеспечение справедливого, рационального международного политического и экономического порядка является долговременной целью, которая требует стараний многих поколений» [17, 18, 19, 20]. Китайские специалисты выявили характеристику нового миропорядка – в сравнении с предшествующими этапами это перенесение акцента на состязание в сфере комплексной государственной мощи [21]. Особая роль при этом отводится установлению нового мирового экономического строя, который является краеугольным камнем в новом миропорядке.

Исторически Китаю всегда приходилось учитывать основные принципы жизни десятка соседних стран с разительно разными историями и устремлениями. Когда же конфликты интересов случались, китайские государственные деятели очень редко шли на риск и действовали по принципу «все или ничего». Их стилю ближе всего подходила разработка долговременных ходов. По мнению известного американского политолога Генри Киссинджера «там, где в западных традициях предпочли бы упор на героические подвиги, для китайцев идеальной тактикой являлись подчеркивание дипломатических тонкостей, использование окольных путей и терпеливое накопление относительных преимуществ» [22].

Подобная ментальность китайцев наиболее отчетливо проявилась в национальной интеллектуальной игре «вэйци», которая на Западе часто име-

нуется японским именем «го» и строится по принципу «стратегического окружения» соперника. Эту национальную специфику также заметил Г. Киссинджер. По его словам, если шахматы – игра за решающую победу, то «вэйци» – игра затяжной кампании. Шахматный игрок стремится к полной победе, а игрок в «вэйци» – к получению относительного стратегического преимущества. «Вэйци» учит искусству стратегической гибкости [23].

Еще две с половиной тысячи лет назад китайские мыслители создали концепцию, согласно которой победа должна достигаться не прямым столкновением, а достижением психологического преимущества над противником и недопущением прямого конфликта. Основателем этой концепции является полководец Сунь-цзы, автор знаменитого трактата «Искусство войны». Сунь-цзы обращается к средствам создания доминирующей политической и психологической позиции – такой, при которой результатом конфликта становится отказ от конфликта. Для Сунь-цзы победа не просто триумф вооруженных сил, наоборот, это достижение тех наивысших политических целей, которые, как предполагалось, могли бы быть обеспечены при помощи военного столкновения. Гораздо лучше вызова противника на поле боя подрыв его морального духа или втягивание его на невыгодные ему позиции, откуда спасение невозможно. Стратегия сводится к психологическому соревнованию [24]. Так, согласно Сунь-цзы, «высшим совершенством является не достижение победы в каждом сражении, а нанесение поражения противнику, даже не начиная битвы. Наивысшей формой войны является удар по стратегии [неприятеля]…» [25].

По мнению китайского исследователя Янь Сюэтуна, по окончании «холодной войны» Китай понял, что мышление старой эпохи уже не отвечает новому времени и состоянию [26]. Что касается, самых важных обстоятельств формирования международной безопасности в новой концепции безопасности, ее ядром можно считать общие интересы безопасности, доверие и развитие экономики вместо силового превосходства. Вне зависимости от разницы в силе, если имеются общие интересы, то это значит, что существует и основа для взаимовыгодного сотрудничества в сфере безопасности: «Безопасность не может опираться на рост вооружений, не может основываться на военном союзе. Безопасность должна опираться на взаимном доверии и общих интересах» [27].

Возросшая экономическая мощь современного Китая позволяет ему значительно активизировать свою внешнюю политику, стать полноценным центром силы в мировой политике. По словам председателя Государственного комитета по делам развития и реформ КНР Хэ Лифэна за прошедшие

годы экономика Китая ежегодно регистрировала рост, в среднем, на 7,2%. В 2017–2018 годах обеспечен рост экономики Китая на 6,5%. Среднегодовой вклад в рост мировой экономики превысил 30% [28]. КНР широко известна как «глобальная фабрика», определяющая в значительной мере международную финансово-экономическую ситуацию.

По некоторым макроэкономическим показателям Китай постепенно стал вытеснять США с ведущих позиций в мире. Сложилась такая ситуация, при которой китайская экономика с огромным профицитом бюджета и ее колоссальными ресурсами с целью обеспечения собственного воспроизводства поставила страну перед необходимостью активного участия в геополитических процессах.

Американская аналитическая “RAND Corporation”, которая заслуженно носит неофициальный титул «альтернативного ЦРУ» причисляет Китай к разряду стран, представляющих самую большую угрозу для США. Хотя непосредственная сухопутная граница между ними отсутствует, тем не менее, экономически Америка с ним уже граничит. За короткий исторический период Китаю удалось завоевать практически все мировые рынки сбыта продукции, и даже потеснить американскую на самом американском рынке. К 2017 году КНР стал ключевым рынком сбыта для товаров 13 стран, формировавших 9,2% мировой экономики, являясь при этом основным источником импорта для 49 государств, формировавших в сумме 53,9% мирового экономического пространства. Тогда как Соединенные Штаты в 2000 году являлись главным потребителем товаров из 33 стран и поставщиком в 28, а в 2016 их стало 30 и 20 соответственно. Следовательно, Пекин уже вытесняет Вашингтон из мировой торговли по всему миру и в будущие два десятилетия этот процесс очевидно усилится. Особенно учитывая пекинский план «Сделано в Китае 2025» и цель по удвоению ВВП страны к 100-летию со дня основания КНР в 2049г. [29].

По мнению специалистов RAND Corporation, в случае их успешной реализации к 2040 году Китай превратится в центрального (или хотя бы ключевого) экономического партнера, по меньшей мере, для 70 стран, охватывающих 66% населения и 34% ВВП планеты. В сочетании с активным долговым закабалением это откроет КНР возможности политического влияния на ведущие страны, в том числе, в вопросах противостояния с США [30].

Темпы роста китайской экономики в значительной мере позволяют стране широко использовать свои возросшие материальные ресурсы в процессе осуществления своей внешнеполитической стратегии. В настоящее время глобальный Китай, вполне соответствует стремлению нового руково-

дителя китайской компартии Си Цзиньпина к «Новой эре», которую он называет «сообществом общих судеб»[2].

Политика Си Цзиньпина – это как бы продолжение, а не радикальный разрыв с прошлым. Ху Цзиньтао в своем докладе на партийном конгрессе еще в 2012 году призвал Китай принять «активную роль в международных делах и работать для того, чтобы сделать международный порядок более справедливым…» [31]. Теперь же говорится, что Китай будет «играть свою роль в качестве одной из основных стран и примет активное участие в реформировании и развитии глобальной системы управления» [32]. Разница тонкая, но значительная. Тот Китай, который описывает Ху Цзиньтао, растет довольно уверенно, и нет никаких сомнений в том, что он уже является великой державой, способной влиять на международный порядок.

Как Си Цзиньпин, так и Ху Цзиньтао обещали «закрепить знамя мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды», однако первый пошел гораздо дальше, предложив, чтобы партия и лично он занялись спасением всего мира – «новый вариант» для «развивающихся стран» и «модернизации… при сохранении независимости». А «китайская мудрость и китайский подход» теперь предлагают уникальное решение проблем, стоящих перед человечеством» [33].

«Сообщество общих судеб» – это примерно то, о чем писал философ и историк религии Эрнст Ренан. В труде «Что такое нация?» он предложил идею о том, что народы не объединяются благодаря этническому признаку или культуре, а просто глубоко ощущают чувство своей общности и общей судьбы [34]. И теперь Си Цзиньпин применяет примерно ту же концепцию в международном контексте. Теперь она занимает центральное место в более активной внешней политике Китая.

Подобно «Новой эре» Си Цзиньпина, его «новая модель отношений с великими державами» преподносится как новшество. Китайская газета «Жэньминь жибао» писала, что концепция «взаимовыгодного сотрудничества воплощает новый тип международных отношений» и противопоставляется «старой модели» международных отношений, которая связана с Соединенными Штатами и западными державами. «Общая судьба», по мнению китайцев, основана на «беспроигрышных» отношениях, а старая модель –

[2] В марте 2013 года он впервые предложил эту идею в Московском государственном институте международных отношений. В январе 2017 года он повторил ее на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Поскольку экономическая глобализация подверглась критике со стороны Дональда Трампа, речь Си Цзиньпина принесла ему высокие дивиденды и у себя дома, и за рубежом.

рудимент «мышления с нулевой суммой» и того, что называется «менталитетом холодной войны» [35].

На различных международных конференциях Китай не перестает подтверждать концепцию «межцивилизационной гармонии», ориентированную, прежде всего, на азиатские страны вокруг проблемы «единой судьбы Азии и человечества», о чем свидетельствуют речи Председателя КНР Си Цзиньпина [36]. Однако особое место в концепции отведено России, которая наряду с Китаем рассматривается как гарант стабильности глобального мира на основе целей и принципов Устава ООН, а также драйвером роста мировой экономики, противостоящей вместе с КНР протекционизму и односторонним подходам США [37]. Тем самым, складывается впечатление, что остальное евразийское пространство рассматривается как ареал распространения российского влияния.

Объединенная Евразия, по мнению китайских политиков – это не китайская повестка, а российско-китайская. На наш взгляд, именно такое распределение «ролей» в мировой политике соответствует взаимным геополитическим устремлениям стран. Ведь это позволяет держать под контролем известный геополитический Хартленд, беспрепятственно проложить основные коммуникации в Европу, а также ограничить вызовы, исходящие из «беспокойного» Большого Ближнего Востока, в стабилизации которого, безусловно, заинтересованы как ряд стран этого региона (Иран, Турция, Египет, Индия, Израиль и другие), так и многие государства Европы.

Российский политолог Сергей Караганов, которого называют «русским Киссинджером» говорит о том, что новый мир стал многополярным, но с двумя вероятными гегемонами – США и Китаем. В будущем России предстоит обеспечивать баланс между ними [38]. Именно это обстоятельство прекрасно осознают в среде китайских политических деятелей и в этой связи выстраивается новая китайская внешнеполитическая концепция.

Вместе с тем, современная либеральная парадигма глобального развития сближает две, казалось бы, совершенно разные, цивилизационные кластеры – российскую и китайскую, функционирующие на иной ценностной системе. По мнению того же С. Караганова, Россия «близка Китаю в плане общей истории, хотя их разделяют колоссальные культурные различия. Вплоть до XV века обе находились под игом империи Чингисхана, которая была самой большой империей в истории. Если Китай ассимилировал монголов, то Россия в итоге изгнала их. Но за два с половиной века подчинения Россия вобрала в себя многие азиатские черты» [39].

Китай и Россия стараются предстать перед миром в качестве авангарда нового альтернативного цивилизационно-ценностного полюса. Все отчетливее проявляется противопоставление приоритетных в этих странах морально-нравственных и духовных ценностей доминирующим неолиберально-либертарианским нормам поведения, и атлантизму. По мнению армянского исследователя А. Енгояна, на фоне разворачивающихся геополитических процессов на евразийском пространстве вырисовываются два цивилизационных центра, которые критически относятся к неолиберальному «нигилизму» и выделяются своими особенными ценностными ориентациями. Первый из них основан на культуре народов стран Юго-Восточной Азии, второй же базируется на морально-нравственных нормах, универсальных для православия, шиизма и суфизма. Второй центр ориентирован не только на культуру народов Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока, но и Северной Африки. В целом, складывающиеся культурно-цивилизационные центры «запрограммированы» на утверждение равноправия, взаимоуважения и справедливости в мире, на создание условий для сохранения традиций и идентичности народов, на диалог между цивилизациями, направленный на их взаимообогащение, а не на навязывание ценностных ориентиров [40].

Кроме этого, необходимо учесть и то обстоятельство, что КНР полностью меняет свою стратегию и в военной области, взяв курс на радикальную модернизацию армии. На XIX съезде Компартии Китая Си Цзиньпин заявил, что «к 2050 году Народно-освободительная армия должна стать силой мирового класса» [41].

Последние десять лет в обстановке сильно меняющейся международной обстановки Китай дает понять, что упрочение отношений с развивающимися странами – это не преходящий конъюнктурный момент, а долгосрочная стратегия. Толчок этому дал еще бывший руководитель КНР Цзян Цзэминь, который посетил страны Африки и выступил с речью, где изложил 5 основных положений, из которых Китай исходит, налаживая со странами Африки долгосрочные стабильные взаимоотношения полного сотрудничества, ориентируясь на XXI век. Это: искреннее товарищество, «остающаяся верной в хорошую и дурную погоду»; равенство в отношениях, взаимное уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела друг друга; взаимная выгода, устремление к общему развитию; активизация консультаций, тесное сотрудничество в международных делах; создание гармоничного мира в будущем [42].

Китай на многих международных форумах всецело поддерживает взгляды развивающихся государств, объясняет свои соображения понятия

«права человека», «право на существование» и «право на развитие», категорически голосует против попыток западных стран использовать вопрос о правах человека для вмешательства во внутренние дела Китая и других стран. В том, что Китай, начиная с 1989г., подряд на девяти конференциях по правам человека сокрушает антикитайские настроения, есть заслуга и развивающихся стран, твердо стоящих на стороне Китая [43].

На протяжении большей части прошедшего десятилетия можно было наблюдать все большее переплетение экономических взаимосвязей между ЕС и Китаем. Двусторонняя торговля товарами и услугами выросла за последнее десятилетие примерно на 60%, до более чем полтриллиона евро в год. Великобритания, до своего выхода из ЕС, открыла дорогу для китайских инвестиций.

В других частях ЕС столь необходимые крупные китайские инвестиции в порты, железные дороги, телекоммуникации и энергосистемы предоставили таким странам, как Греция, Италия и Португалия, а Китаю – определенную степень влияния внутри блока, в котором сейчас находится 27 стран. Италия даже официально присоединилась к китайскому проекту Нового «Шелкового пути» стоимостью в триллион долларов, и даже в разгар пандемии COVID-19 стремилась углубить свои отношения с КНР [44].

Но само это углубление экономических связей между ними также вызвало подозрение и обеспокоенность в связи с тем, что Китай скупает некоторые стратегические компании. Лидеры Франции и Германии, в частности, обеспокоены тем, что приобретение Китаем ключевых компаний может подорвать национальную безопасность[3][45].

Таким образом, можно заключить, что многократно усилившаяся за последние десятилетия экономическая мощь КНР подвергла серьезным изменениям внешнеполитическую повестку страны, сориентировала ее не только на обеспечение защиты экономики от внешних посягательств, но и на поступательное ее развитие в качестве мирового центра. Прежде всего, это относится к активизации геополитических устремлений Китая, что создает необходимые условия для дальнейшего укрепления экономики и продвижения китайской модели экономического развития далеко за пределами стра-

[3] Обнародованный в середине 2020 года план ЕС, в рамках которого иностранные промышленные субсидии должны рассматриваться по тем же строгим правилам, какие Брюссель применяет внутри блока для противодействия незаконной государственной помощи, является лишь ярким признаком того, что экономическая модель, возглавляемая Китаем, слишком сильно беспокоит ЕС. Глава внешнеполитического ведомства блока Жозеп Боррель напрямую говорит о Китае как о «сопернике» ЕС, обостряя риторическое противостояние, которое неуклонно нарастало в последние годы.

ны. Однако, в отличие от других центров силы, Китай стремится не навязывать свое видение мирового развития и ориентируется, прежде всего, на заинтересованное участие других стран в совместных проектах. При этом упор делается на необходимости соблюдения всеми странами основных принципов свободной и честной торговли, которые были разработаны всем сообществом наций за последние десятилетия. Естественно, все это вызывает беспокойство среди западных стран, которые все чаще обвиняют Китай в геополитической экспансии, которая, по их мнению, осуществляется под прикрытием миролюбивого концепта «гармоничного и взаимовыгодного развития равноправных наций мирового сообщества».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буров В.Г.* XVIII съезд КПК и стратегия развития Китая // Новая и новейшая история, РАН, 2013, № 3. С. 27.
2. *Тараканова Т.С.* Внешнеполитические концепции Китайской Народной республики // «Научно-технические ведомости СПбГПУ»: Гуманитарные и общественные науки, 2016, № 3 (250). С. 69.
3. *Басов А.* Китай как новая космическая держава // Проблемы Дальнего Востока, РАН, 2010, № 5. С. 20.
4. См.: *Xuetong Y.* Yichao duoqiang Zouxiang ZhongMei chaoji duojihua shihui (Movement from “one superpower and many powerful states” to “two superpowers – the US-PRC and a multi-format power”), 2012.: http://www.guancha.cn/multiple-pattern-super-country/2012_01_13_64309.shtml.
5. См.: *Qing J.* How China’s ancient past can shape its political future. Princeton, N.J., 2013. 236p.
6. См.: *Yaqing Q.* Quanqiu zhili shiling yu zhixu linian de jiangou (Failure of Global Governance and Establishment of Order Concept) // Shijie jingji yu zhengzhi (World economics and politics), 2013, № 4. PP. 32–54.
7. См.: Peng Y. On the changes in the international order // Contemporary international relations, 2014, Vol. 24, № 4. PP. 34–63.
8. См.: *Xingzuo W.* Guoji lei qigan fazhan xianzhuang, wenti yu qiangjin fangxiang zuotanhui jiyao (Summary about discussion meeting The present situation in International periodicals, problems and trends of development) // Xiandai guoji guanxi (Contemporary international relations), 2013, № 1. PP. 12–32.
9. *Седунов А.В.* Внешнеполитическая стратегия Китая на рубеже XX–XXIвв.: http://politika.snauka.ru/2014/04/1528.
10. *Стегареску М.Н., Колпакова Т.В.* «Мягкая сила» как механизм реализации интересов КНР на международной арене // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Сб. ст., 2011, № 9. С. 80.
11. Speech by Chinese President Hu Jintao at Yale University.: http://ph.china-embassy.org/eng/xwdt/t259486.htm.
12. Ху Цзиньтао об углубленном претворении в жизнь научной концепции развития // «Женьминь Жибао», 2007г. : http://russian.people.com.cn/31521/6283410.html.

13. *Ли Син.* Внешнеполитическая философия современного Китая: о связи между научным развитием и гармоничным миром // Россия и Китай в евразийской интеграции. Сотрудничество или соперничество? С-Пб., 2015. СС. 41–48.
14. См.: *Сун Сейфен.* Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Jiaoyu kexue yanjiu (Научное воспитание и исследования), 2007, № 11. СС. 59–70.
15. *Yue Keping.* Hexie shijie linian xia de zhongguo waijiao (The ideal of a harmonious world and Chinese diplomacy) // Liaowang xinwen zhoukan (Weekly periodicals), 2007, № 17. P. 31.
16. *Свешников А.А.* Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике, М., 2001. С. 137.
17. См.: *Qing J.* How China's ancient past can shape its political future.
18. См.: *Xuetong Y.* Ancient Chinese thought, modem Chinese power, Princeton, N.J., 2011. 312p.
19. См.: *Peng Y.* On the changes in the international order.
20. См.: *Xinchun N.* On China's international identity: A horizontal analysis // Contemporary international relations, 2015, Vol. 25, № 1. PP. 64–75.
21. *Чжао Хуашэн.* Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества, М.: Московский Центр Карнеги, 2005. С. 63.
22. См.: *Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2014. СС. 39–40.
23. См.: Там же. СС. 40–41.
24. См.: Там же. СС. 42–43.
25. *Sun Tzu.* The Art of War, trans. John Minford, N.Y., Viking, 2002. С. 14.
26. См.: *Янь Сюэтун.* Лекция в МГИМО. – https://mgimo.ru/about/news/main/yan-xuetong/.
27. См.: Там же.
28. Сводка новостей. news.am. Среднегодовой вклад Китая в рост мировой экономики превысил 30%.: https://news.am/rus/news/416867.html.
29. См.: RAND об американской глобальной стратегии. – https://regnum.ru/news/2602016.html.
30. См.: там же.
31. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК: http://russian.people.com.cn/31521/8023973.html.
32. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК.: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
33. Там же.
34. *Ренан Э.* Что такое нация? – pandia.ru/text/77/147/1775.php.
35. *Хененкова Е.* Дом, который построил Китай: сообщество общей судьбы для всех народов: http://regnum.ru/news/2343234.html.
36. См.: *Павленко В.* Пекинский форум цивилизаций и перспективы евразийской консолидации: http://regnum.ru/news/2630500.html.
37. См.: *Павленко В.* Китай в Мюнхене: какие уроки следует извлечь России: http://regnum.ru/news/2578180.html.
38. См.: *Пепе Э.* Россия намерена реализовать великую евразийскую мечту. Asia Times (Гонконг): https://inosmi.ru/politic/20200615/247606145.html.
39. См.: Там же.
40. См.: *Енгоян А.П.* К вопросу о трансформации парадигмы глобального развития // «Вестник Ереванского Университета». 2020, № 1. СС. 29 – 41
41. *Заквасин А., Петров С.* Сила мирового класса: как Китай намерен укреплять мощь своей армии. – https://russian.rt.com/world/article/441105-kitay-armiya-ukrepleniye.
42. *Дейч Т.Л.* Африка в стратегии Китая, М.: Институт Африки РАН, 2008. С. 327.
43. *Collins A.* Building a People-oriented Security Community the ASEAN Way, N.Y., 2013. P. 89

44. См.: *Исаев Максим*. Любовь прошла, но Евросоюз не спешит разводиться с Китаем: https://regnum.ru/news/2993831.html.
45. См.: Там же.

THE FORMATION OF CHINESE MODERN FOREIGN POLICY CONCEPT

P. Yengoyan

ABSTRACT

By centuries in conditions of the predominance of Confucianism the Chinese foreign policy was directed on the safe and isolated (separated) development of the country. After the socialistic revolution and the entrance of the inclusion of the public consciousness of the people in the communist world ideology, the Chinese elite and most of Chinese people formed a large-scale vision of the modern world political process. China's unprecedented successes in economic development, which were made thanks to radical reforms in 1980-s, let China take a proper place in world policy and economy. Essential circumstances were created for the subsequent transforming of the foreign policy concept to extension of China's role in world affairs and turning the country into one of the world centers of power, which plays a huge role in the formation of a new multipolar world order.

Keywords: foreign policy concept, world order, multipolarity, architecture of international relations, center of power, economic development, geopolitics, civilization center.

УДК 35.354

Поступила: 22.04.2020г.
Сдана на рецензию: 24.04.2020г.
Подписана к печати: 21.09.2020г

ЭТНОС И НАЦИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Ж.А. Тадевосян

Российско-Армянский университет
polit.jane@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье ставится проблема определения, трактовки и соотношения понятий «нация» и «этнос», а также рассматривается обоснованность примордиалистской, модернистской и конструктивистской трактовок последних. Особое внимание уделено подходам, сформированным в армянской научной литературе, в частности, взглядам Х. Алишана, С. Врацяна, Ов. Каджазнуни и Г. Манандяна.

Ключевые слова: нация, этнос, национализм, национальная культура, конструктивизм, примордиализм.

Широко используемые в социальной философии, социологии, политологии, этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии, и ряде других научных дисциплин, категории «нация» и «этнос» до сих пор не имеют одного общепринятого содержания. Это обусловлено не только спецификой предметной области и категориального аппарата наук, но и, в значительной мере, связано с культурно-исторической эволюцией обыденного и научного употребления этих терминов, отголоски чего можно найти во многих научных (профессиональных) и околонаучных текстах. Отмеченная проблема, имея, прежде всего, методологический характер, имеет также прикладное значение. Дело в том, что сегодня на политической арене существует множество полиэтнических, многонациональных государств, для которых решение отмеченной проблемы, в частности, определение конкретного подхода к разграничению нации от этноса (и наоборот) имеет важное практическое значение. В связи с этим нам представляется актуальным рассмотрение проблемы определения вышеотмеченных понятий и их соотношения.

Для начала обратимся к этимологии интересующих нас понятий «нация» и «этнос». Итак, понятие «этнос» впервые было использовано древними греками (от древнегреческого “etnie”) для обозначения однородных челове-

ческих общностей, групп людей. В дальнейшем с расцветом Римской империи понятие «этнос» заменяется двумя другими понятиями: “natio” (нация) и “gentes” (род, родовой), к представлению последних обратимся более подробно. Понятие «нация» латинского происхождения, дословно обозначающее «кровное родство». Последнее производно от глагола “nasci”, означающего родиться и “nationem” – порода, раса. Впервые понятие (термин) «нация» было использовано древними римлянами для обозначения популяций, говорящих на одном языке и разделяющих общую культуру. Отмеченная традиция употребления понятия сохранилась вплоть до эпохи позднего Средневековья. Что касается понятия “gentes” (в переводе с латинского – «язычник, племя или род язычников»), отметим, что оно использовалось римлянами для обозначения крупных и отличных от римлян родов и племен.

Процессы социальной дифференциации Средневековья, – феодальная раздробленность, сословное расслоение, цеховое хозяйствование, – наполнили понятие «нация» новым содержанием, отличным от его первоначального значения. Так, в средневековых университетах “nationem” обозначались студенческие корпорации, землячества. Отсюда можно сделать вывод о том, что в этот период понятие «нация» было искажено и «не содержало указания на основополагающую линию социальной связи и разделения».

Таким образом, эволюция значения понятия «нация» в средние века соответствовала эволюции европейского общества того времени с характерным для него корпоративным (цеховым и сословным) социальным строением и феодальной раздробленностью, «консервирующей» локальные общности и препятствующей созданию достаточно крупных экономических и культурных пространств. Поэтому дальнейший этап эволюции представлений о том, что есть «нация», был исторически связан с переходом экономической сферы к капиталистическому (индустриальному) способу производства материальных благ, а в сфере политики – с процессом формирования в Европе крупных централизованных абсолютистских и буржуазно-демократических государств, с течением времени объединивших на своей территории все многочисленные языковые и этнические группы в относительно культурно- и политически гомогенные общности. При этом следует признать, что именно классовая борьба между восходящей буржуазией и аристократией явилась предтечей появления современного западного концепта нации, существенно отличающегося от концепта восточного. Самый весомый вклад в этот процесс внесла Великая Французская революция, связавшая понятие «нация» с народным суверенитетом, легитимностью власти и

обязательным существованием государства (в данном случае – национального государства) [1].

Таким образом, к началу XIXв. сформировались две модели «происхождения и трактовки нации». В рамках рассмотрения данного вопроса определенный интерес представляют взгляды американского философа (еврейского происхождения) Ганса Кона. Он, принимая за основу различия, существующие в социальной структуре национальных движений, отдает предпочтение «западной» и «восточной» моделям происхождения наций. Первую модель он характеризует как рациональную и гражданскую, которая сформировалась в Англии, Франции, Нидерландах, Швейцарии, а вторую, которой присуще органичность, целостность и иррациональность, сформировалась в Германии, Восточной Европе, России и в Азии. По мнению Г. Кона, еще в XVIII веке в тех местах, где третий класс обладал мощной силой, общественные (национальные) движения спросы и ожидания концентрировались на экономике и политике, а там, где буржуазия была слабой, ожидания в основном были сосредоточены на культуре [2].

Трудности в изучении и определении нации связаны также с отождествлением термина «нация» с территориально-правовой единицей – государством. Не совсем ясно, как сложилась эта практика, но ясно одно, что к концу XVIIIв. она стала почти повсеместной. Представляется возможным два объяснения отмеченного факта. Первое связано с быстрым распространением доктрины народного суверенитета, получившей столь широкую известность благодаря работам Бодена, Гоббса, Локка и др. Определив народ, как источник всей политической власти, эта революционная доктрина сделала народ и государство почти синонимами: «Государство – это я» стало «Государство – это народ». Французская Декларация прав человека и гражданина провозгласила, что источник всего суверенитета находится, в основном, в нации, никакая группа или индивид не может осуществлять власть, если она не исходит от определенной нации. Возможно, составители Декларации не осознавали, что «нация», о которой они говорили, включала в себя, помимо французов, также эльзасцев, басков, бретонцев и окситанцев. Другим объяснением отмеченной проблемы отождествления нации с государством можно считать альтернативное сокращение выражения «нация-государство». Сам факт появления этого составного слова говорит о понимании принципиальной разницы между нацией и государством. Оно было предназначено для описания территориально-политической единицы – государства, границы которого в точности (по большей части) совпадали с территориальным рас-

пределением национальной группы. По сути дела, оно описывало ситуацию, в которой нация имела свое государство[1].

Теперь обратимся к подходам к определению понятий «этнос» и «нация», включающих ряд теорий – примордиализм, конструктивизм, инструментализм и модернизм. Итак, согласно примордиалистскому подходу, этносы – это «объективные социальные сообщества», возникшие в результате исторического процесса. В рамках данного подхода выделяют дуалистическую теорию этноса или теорию Ю.В. Бромлея. Данная теория признает существование этносов в двух смыслах – в широком и в узком. В узком смысле Бромлей выделял «этникосы», которые представляют собой совокупности людей, объединенных общим языком, культурой и самосознанием. В широком смысле он выделял этносоциальные организмы, которые представляют собой этносы, сопряженные с определенными государствами, т.е. существующие в рамках государств. Согласно же социобиологической теории, этнос существует благодаря биологической сущности человека, т.е. этническая принадлежность изначально свойственна людям [3]. В рамках данного подхода можно выделить также пассионарную теорию этногенеза Л.Н. Гумилева, в рамках которой этнос определяется как естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как системная целостность (структура), противопоставляющая себя всем другим коллективам, исходя из ощущения комплиментарности и формирующая общую для всех представителей этническую традицию. Согласно Гумилеву, этнос, как и любой другой живой организм, проходит периоды рождения, юности, зрелости, старости и исчезает. При этом для характеристики этноса он вводит понятие «пассионарный толчок», который представляет собой необъяснимый всплеск биологической и духовной энергии, которая активизирует действия этноса [4].

В рамках конструктивистского подхода этнос рассматривается в качестве искусственного образования, результат деятельности самих людей. То есть, в отличие примордиалистов, конструктивисты не считают, что этничность и этнос есть некая данность. Они рассматривают этнос как результат развития, созидания.

Инструментализм же рассматривает этнос как инструмент, при помощи которого люди добиваются тех или иных целей, и, в отличие от представите-

---

[1] В этой связи определенный интерес представляют взгляды отечественного мыслителя XXв. С. Паласаняна, который, определяя понятие «нация-государство», отмечает, что оно может быть применено к тем государствам, где большую часть населения составляет одна нация, например, РА, где 98% населения – представители титульной нации – армяне.

лей двух вышеупомянутых подходов, не ориентирован на поиск точного определения этноса. Так, любая деятельность и активность этнических групп рассматривается как целенаправленная деятельность этнических элит в борьбе за власть и привилегии. В рамках данного подхода выделяются несколько направлений: *элитарный инструментализм*, акцентирующий внимание на роли элит в мобилизации этнических чувств, и *экономический инструментализм*, объясняющий межэтническую напряженность и конфликты с точки зрения экономического неравенства членов различных этнических групп.

Обобщив все отмеченные подходы, определим понятие «этнос». Итак, этнос – это объективно сложившееся сообщество людей, связанных между собой общностью происхождения (т.е. генетическими факторами), традиций и обычаев.

Подобно понятию «этнос», понятие «нация» также не имеет четкого научного определения, поэтому не удивительно, что в науке существует множество трактовок нации, что связано с наличием множества подходов к определению последнего. Однако в настоящее время доминируют два противоречащих друг другу подхода: *примордиалистский* и *модернистский*. В российской специализированной литературе вместо модернистского подхода чаще используется конструктивистский подход. Энтони Смит, с позиции примордиализма нацию характеризует как:

1. политизированную этнокультурную общность, которой свойственно общее происхождение (генезис), нескончаемость, то есть корни нации уходят в далекое прошлое, а связь с исторической родиной – нерушима;

2. союз «простых» людей, отражающий их ожидания и потребности;

3. форма существования, органическое соединение интересов;

4. общность людей, наделенных общей волей, характером и качествами;

5. целостная система, основанная на исторически сложившейся связи с предками и их культурным наследием [5].

Согласно модернистским представлениям, нация:

территориальная политическая общность;

совершенно новое явление, феномен, прежде никогда не существовавший;

не союз «простых» людей, а политический организм, созданный благодаря усилиям верхних слоев общества;

некая возможность для осуществления самостоятельной деятельности (политики);

характеризуется социальной, религиозной и гендерной дифференецированностью.

Что касается конструктивизма, то последний так же, как и модернистский подход, не принимает концепт «этнического происхождения наций», и нацию представляет как общность человеческих убеждений и склонностей. По мнению самого видного представителя русского конструктивизма В. Тишкова, «нации есть результат проявления национальной идеологии и появляются лишь тогда, когда группа влиятельных людей решает что так должно быть» [6]. Что касается западных представителей данного направления – А. Тойнби и Э. Хобсбаума, то последние попытались исторически обосновать неизбежность противостояния наций в условиях существования национализма. Они в качестве примера приводили историю армянского народа в период с 1895–1922гг. Однако, по нашему мнению, идеи Тойнби и Хобсбаума относительно того, что национальные стычки, сепаратизм, национально-освободительные движения являются результатом создания национальной идеологии (последствием национализма – А. Тойнби) [7],[8] не верны, а с точностью наоборот, все вышеотмеченные процессы есть следствие существования нации как действительности, имеющей собственный язык, культуру, историческую родину, традиции, верования, стремление собственноручно создать государство, с одной стороны, и посягательств против всего этого со стороны других народов – с другой. К этой проблеме еще в 90-ых годах XIX века обращался армянский общественно-политический деятель Христофор Микаелян в своем труде «Нелогичная логика», отвечая «на возгласы» своих оппонентов, которые погромы и гонения армянского народа (нации) пытались представить как следствие так называемой «армянской революции».

В европейских языках понятие нация» не имеет того же смысла, что в армянском: оно (“nation”) определяется, как «народ, составляющий конкретное государство», то есть национальность определяется государственной принадлежностью (принцип гражданственности). Естественно, в европейском понимании армянская нация сформировалась в результате создания Первой Республики, а армяне, проживающие на территории Российской империи, – всего лишь граждане России, и, соответственно, армяне, проживающие на территории Османской империи – граждане последней. Такая путаница идей, согласно Ов. Каджазнуни, вытекает из неправильного предположения, что всякая нация создает отдельное государство, и всякое государство создано отдельной нацией, то есть государство есть ни что иное, кроме как организованная нация, а нация – ни что иное, как государственный союз людей [9]. Данное суждение не терпит критики, так как существует множество наций, которые лишены независимой государственности, и есть множе-

ство государств, заселенных различными нациями и народностями, или же в историческом прошлом, имея государственность, язык, культуру и другие, присущие государству атрибуты, – в течение времени лишились государственности, сохранив при этом язык, специфическую культуру, традиции, мифы, а также историческую память о своей былой государственности.

Описывая нацию, обычно учитываются определенные объективные и субъективные факторы: общее происхождение, особенности языка, антропологический тип, общность культуры и истории, территориальная связь, взаимосвязь с государством и др. Обращаясь к данной проблеме, Ов. Каджазнуни пишет: «Совместное проживание в прошлом как объективный фактор порождает физическую, духовную и культурную схожесть, и, следовательно, связь и близость между людьми, составляющими нацию, связывая их общими интересами. С другой стороны, осознавание общего исторического прошлого как субъективный фактор еще более укрепляет “национальные узы”»[10]. В период конца XIX – начала XXвв., который в истории известен как «классический этап либерального национализма», ни у кого не возникало даже мысли отказаться от «принципа нации», потому что проблема нации и национальной жизни в этот период стала одним из самых «неотложных» вопросов во всемирной истории. В ходе «новейшей истории» на смену средневековому *религиозному* фанатизму пришел фанатизм *националистический*. Однако распространенным было мнение о том, что существование малых наций «лишнее и нецелесообразное», откуда и появилось «обидное игнорирование» их стремлений и желаний. Право на самоопределение, которое является основополагающим принципом «либерального национализма», было применено только по отношению тех наций, которые жизнеспособны как в культурном, так и в экономическом смысле.

Процесс определения понятия «нация» усложняется во многом тем обстоятельством, что невозможно провести четкие разграничительные линии между нацией и этносом, как видно из рассмотренных ранее подходов. Последнее обстоятельство связано с отсутствием общепризнанных признаков этноса и нации, которые способствовали бы выявлению различий между этими понятиями. Попытки решения этой проблемы предпринимались теоретиками различных направлений марксизма конца XIX – середины XX века – О. Бауэром, К. Каутским, В. Лениным, которым, однако, не удалось дать четкого и однозначного определения нации. В дальнейшем И. Сталин на основе искусного синтезирования точек зрения К. Каутского и О. Бауэра дал наиболее объективное, емкое, четкое определение интересующего нас понятия «нация»: «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность

людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»[11]. В данном контексте определенный интерес представляют воззрения отечественного исследователя в данной области Д.Х. Петросян, представленные в статье «К определению понятий “этнос” и “нация”»[2]. В данной работе проводится анализ основных подходов к определению нации и этноса и делается попытка определения последних (на основе совокупного подхода). Хотелось бы отметить, что исследователь, находясь под воздействием европейских традиций и практик определения интересующих нас понятий «нация» и «этнос», используя подходы западных исследователей, приходит к выводу, что определение, данное И. Сталином частично некорректно. Основные недочеты отмеченного выше определения исследователь видит в его так называемой «идеологизированности», а именно: в стремлении трактовать нацию, как свойственного эпохе капитализма исторического типа этноса, в качестве социально-исторической общности. Однако все дело в том, что исследователь, причисляя сталинское определение к ряду других определений, данных представителями различных направлений марксизма, допускает значимую ошибку, которая еще больше проявляется в конце проделанного ею анализа, когда дается определение нации, с точностью повторяющее сталинское определение, которое он изначально считал неверным. Данное обстоятельство, по нашему мнению, является следствием популярной до недавних времен антисталинской (антисоветской) риторики, которая рассматривала воззрения марксистов вообще, и И. Сталина, в частности, сугубо в негативных красках, а достижения и заслуги последних (в том числе в области науки) приписывала западным авторам.

Возвращаясь к проблеме разграничения понятий этнос и нация, рассмотрим некоторые современные точки зрения по поводу данного вопроса. Так, в современной западной литературе наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой, если в государстве есть этническое ядро (то есть количественно, культурно и политически превосходящая другие этнические группы), то другие этнические слои могут ассимилироваться с ним. Именно так и были сформированы западноевропейские национальные государства. А если в государстве отсутствует это ядро, то, скорее всего, будут возникать различные этнические группы, претендующие на раздел существующих ресурсов. Такое мирное «этническое сосуществование» трансформируется в хаос, в случае, если обособленные этнические группы объединяются под эгидой совершенно иной политической общности, усилия которой направлены на восстановление общего этнического прошлого, истории, ко-

торая посредством общих героев и культурных традиций объединяет население страны. В работе «Мифы и воспоминания о нациях» Э. Смит [12], обращаясь к данной проблеме, отмечает, что отмеченный процесс ассимиляции с легкостью осуществляется, если государству удается заставить почитать мифы и символы главенствующей этнической группы. Однако этнические меньшинства в большей степени не желают отказываться от своих мифов и символов, и это вполне естественно, так как национальное самосознание нельзя представить вне рамок (системы) мифов, символов и представлений. Миф реален не своим содержанием, а присущей ему централизирующей силой. Существующие мифы о праотце, общем происхождении, «золотом веке», спаде и подъеме, будущем возрождении – упорядочивают первозданный хаос и способствуют преодолению «исторического ужаса» с тем основанием, что существующие неудачи не вечны, им предшествовал «золотой век» культурного и политического расцвета. А это, в свою очередь, означает, что кризис будет преодолен силой принципа «Вечного возвращения» (Ницше), и на замену ему наступит новый «золотой век» расцвета. Для этого необходимо не только сохранить память о славе наших предков, но и следовать их жизненному пути. И так как этнические меньшинства не желают отказываться от своих символов, мифов, культурной самобытности и истории, следовательно, не исключено, что их сопротивление в будущем может привести к формированию новых наций.

У народов, имеющих имперские притязания, господствующей является точка зрения, согласно которой, необходимо отказаться от понятия «нация», в особенности от его этнического понимания (среза). Эта точка зрения имеет множество сторонников как в Западной Европе и Америке, так и в России. Убежденными представителями данного направления являются Э. Хобсбаум, Э. Смит, Б. Андерсон, российский исследователь В. Тишков и другие. В. Тишков не просто отрицает «этно-национальность», общность происхождения, культуры, языка и традиций, но и пытается русскую нацию представить как политическое объединение. Он, следуя примеру Б. Андерсона, нацию описывает как «воображаемый коллектив», «сообщество сограждан», «политический лозунг» и «способ мобилизации», а вовсе не как научную категорию. «Сформировавшись почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие, как таковое, не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки», – пишет он [13]. Обращаясь и, одновременно, поддерживая взгляды Тишкова, К. Гаджиев считает бессмысленным искусственно созданное и ничего не говорящее деление людей на нации, тем более, если оно существенно меняет преданность человека как гражданина

своему государству. В империях проживают различные нации и народности, одна часть которых борется за свою свободу и независимость, в то время как такие ученые, как К. Гаджиев и В. Тишков, считают неприемлемой их борьбу: «Есть государство и есть его граждане, имеющие общие:

- проблемы и заботы;
- разнородные связи и отношения;
- общие цели и интересы;
- общий характер и судьбу.

И этого уже достаточно, следовательно, нет необходимости в дополнительных конструктах, которые еще более усложняют жизнь и становятся причиной появления напряженности в государстве. Вот почему один из самых известных идеологов Российской империи и русского национализма Вл. Соловьев отрицал существование национального вопроса в России: «В России такого вопроса быть не может. Тысячелетнею историческою работою создалась Россия как единая независимая и великая держава. Это есть дело сделанное, никакому вопросу не подлежащее… Национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о достойном существовании» [14]. То есть, согласно Соловьеву, на основе тысячелетней совместной жизни и общей судьбы были сформированы характер, мышление, культура, бытие, определенный национальный тип, который стал неприкосновенным.

Безусловно, в процессе создания наций большое значение имеет общность судьбы, и в некоторых случаях она может постепенно привести к возникновению монолитной политической общности. Это хорошо осознавали также представители идеологии османизма, которые, исходя из принципа общности судьбы, называли «османцем», проживающих на этой обширной территории представителей различных наций. Об идеях формирования характера и мировоззренческого единства на основе принципа общности судьбы рассуждается и по сей день. Одним из таких исследователей является С. Никольский, который стремится обосновать идею о том, что, даже если индивид не принадлежит к русскому этносу, но принимает как родную русскую культуру и русский язык, а так же будучи верующим, признает в качестве религиозной основы своего мировоззрения православие, а, не скажем, ислам или иудаизм, то о его мировоззрении можно сказать, что оно русское [15].

Несомненно, продолжительное совместное проживание различных наций в рамках единой экономической и политической системы, предполагающее также общность судьбы, может сформировать общность и единство бытия, мышления, культуры, характера, а также мировоззренческого единства (самым ярким примером являются СССР и США). Этот процесс посте-

пенно может привести не только к сближению малых этнических групп, но и к их ассимиляции и исчезновению. Однако это осознают и отмеченные этнические группы, и, так как они не желают сливаться с другими, независимо от уровня культурного развития продолжают бороться за свою независимость.

А.Г. Здравомыслов, критикуя В. Тишкова за отказ признавать понятие «нация» и определение его как «воображаемого общества», выдвигает релятивистскую теорию, в центре которой лежит идея о национальном самосознании, то есть осознавании народами самого себя, как некоторой общности, отличающейся от других: «Русские только потому являются русскими, что существуют немцы, французы, американцы и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя соотносят…» [16].

Почти на тридцать лет раньше Здравомыслова те же идеи развивал Симон Врацян. Соглашаясь с тем, что нация и национальность – исконно естественные явления, а не порождение времени и окружающей среды, Врацян основным импульсом считает духовное начало, которое те или иные человеческие сообщества превращает в нации: «Я армянин, потому что я осознаю, что я армянин. Если я лишен армянского самосознания, не воспринимаю себя армянином, не связан с армянством осознанно, то каким бы ни было мое историческое прошлое, мой язык, культура и традиции, все равно я – не армянин, так как не имею этого чувства» [17]. Национальное самосознание и национальную культуру Врацян отождествляет, так как только культура определяет принадлежность человека к той или иной нации, следовательно, нации живы лишь до тех пор, пока жива культура, а культура, соответственно, жива до тех пор, пока жива нация. История есть не что иное, как культурное противостояние, а для сохранения культуры необходим целый ряд факторов, первым из которых Врацян считает землю, на которой должна собраться нация, создав для себя жилище. Живя на чужой земле, нация теряет свои культурные особенности и постепенно слабеет. Вторым основным фактором он считает наличие родины, потому что нации, не имеющие родину, обречены на уничтожение и не могут жить вечно. Третьим основным фактором Врацян считает государство, так как национальное государство создает условия для развития национальной культуры, следовательно, и для развития самой нации.

Теории о закономерностях возникновения и развития нации, независимо от своего пространственного и временного контекста, определенным образом повлияли на дальнейшее развитие армянской общественно-философской мысли. В советский период в армянской философии, которая в основном базировалась на марксистских принципах и положениях, господ-

ствующим было сталинское определение наций, согласно которому, нация представляет собой исторически сложившуюся, устойчивую общность языка, территории, экономики и духовного склада, проявляющегося в общности культуры. В марксизме господствующей была идея о том, что нации – результат общественно-экономического развития, общественно-историческое явление, и, как отмечал Ленин, «неизбежное последствие и неизбежная форма буржуазной эпохи». Так как формирование наций идеологи марксизма связывают с возникновением буржуазных производственных отношений, то вполне естественно, что с исчезновением последних они связывают и «конец нации». Что касается представителей армянского национализма (Ов. Каджазнуни, Левон Шант, Г. Манандян, С. Врацян, Г. Асатрян и другие), то они, в противовес марксизму, нацию определяли как естественно-историческое явление, для возникновения и дальнейшего существования важны внеэкономические факторы. Эта концепция включает также органическую связь между этническими сообществами и родной землей, а также связь между тысячелетним сосуществованием, общими желаниями и судьбой, общей культурой, традициями, обычаями и, наконец, созданным и в течение тысячелетий достигшим совершенства языком. Отмеченная концепция, которая больше известна как «органическая теория общества», рассматривает общество как биологический организм, одним из основных признаков которого считается национальность, как естественная форма человеческого бытия, которая существует одновременно с возникновения общества, то есть вечно, постоянно. Данную концепцию развивали, в частности, отцы Мхитарианского братства. Так, Х. Алишан был уверен, что могут быть изменены национальные верования, традиции, жрецы могут быть заменены священниками, но от этого нация не перестанет оставаться нацией.

Возвращаясь к воззрениям Ов. Каджазнуни относительно интересующей нас проблемы определения нации, отметим, что он нацию определяет как некую оригинальную группу, коллективное объединение, члены которого связаны друг с другом:

- частично племенными связями (общее происхождение, кровство, родство);
- частично государственными связями;
- частично территориальными связями (географическая общность);
- частично религиозными связями;
- частично – и главным образом – языковыми связями;
- частично политической и полностью национальной историей;

- частично бытовыми связями (общий этикет, традиции, обычаи, манеры и т.д.).

Подводя итоги, он отмечает, что нация – это историко-культурное явление, национальный союз – историко-культурное объединение [18]. Следовательно, нации и государства возникли независимо друг от друга, другое дело, что существование государства могло ускорить процесс национального строительства, так как оно, как уже отмечалось, могло посодействовать развитию национальной культуру, и, в частности, языка.

Еще в 1860-ые годы немецкий филолог Р. Бек попытался доказать, что единственным критерием национальности (нации) является язык. Данная точка зрения сродни не только немецкому, но и армянскому национализму, и не случайно, что очень часто при упоминании армянского народонаселения армянские историки использовали следующие формулировки: «Աշխարհն Հայոց», «Հայաստանեայք», «Երկիրն լեզուին Թորգոմեան աշխարհին». Значение языку в деле формирования и становления наций придают практически все представители национализма, в числе которых и Ов. Каджазнуни, отмечающий, что язык, гораздо больше, чем религия, представляет собой совокупную волю своих носителей, с другой стороны, и опять больше, чем религия, язык оставляет свой собственный отпечаток (клеймо) на души людей. Продолжая свою мысль, Ов. Каджазнуни пишет: «Можно сказать, что армянская нация возникла лишь тогда, когда Саак и Месроп создали (или же воссоздали) армянские письмена, и когда первые переводчики перевели на армянский Священную Книгу» [19]. Значение и роль языка в жизни наций вполне понятно, так как именно язык является одним из важнейших факторов сохранения национальной идентичности, культурной самобытности. Для понимания ценности языка достаточно вспомнить, что национальная борьба в большей степени – борьба за сохранение языка, «языковая борьба», и неслучайно, что сильные народы и нации, желая завоевать слабые нации, первым делом нападают на их язык. А нации, находящиеся в угнетенном состоянии, в первую очередь, пытаются сохранить свой язык. Обращаясь к тому, что в Османской империи долгое время не пытались «отуречить завоеванные народы», Ов. Каджазнуни пишет следующее: «Турки любят гордиться тем, что в Османской империи никогда не было притязаний против нетюркоязычных народов, однако, в этом нет повода для гордости, так как причиной этого было не турецкое милосердие, терпение и свободонравие, а всего лишь турецкое тугодумие» [20]. По мнению автора, сидящие в Константинополе так называемые «политики», не могли быть столь дальновидными, тем более, что они с целью усмирения подданных им народов и наций

использовали гораздо более крайние и жесткие методы – физические погромы: «Лишить человека языка – сложная и кропотливая работа, требующая культурной зрелости и длительного времени, в то время, как отрубление голов вместо языка гораздо более простое и доступное занятие» [21]. Так же, как и другие националисты, Манандян придает важное значение языку и определяет нацию, как специфическое культурное образование, основанное (и определяемое ими) на общности языка и исторического прошлого. Что касается общего жизненного пространства и религии, то, придавая им важное значение, Манандян, однако, не считает их важными характеристиками нации (национальности). «Общее местоположение не является типичным признаком нации по той простой причине, что нация во многих случаях есть экстерриториальное объединение, основанное на культурной схожести» [22], – пишет он. На первый взгляд может показаться, что Манандян и другие отечественные исследователи отделяют понятие «нация» от понятия «государство», однако, на самом деле, они всего лишь исходят из нашего печального прошлого, многовекового отсутствия государственности. Они прекрасно понимали, о чем писали, констатируя тот факт, что инстинкт самосохранения ведет нации к государственной жизни, так как государственная жизнь – это одно из необходимых условий существования и гарантия безопасности наций как тогда, так и сейчас.

Таким образом, существует множество факторов, усложняющих процесс четкой дифференциации понятий «этнос» и «нация», однако их различия объективны, следовательно, отождествление последних – грубая методологическая ошибка, приводящая к возникновению ряда других проблем, в том числе прикладного характера. Вследствие этого нам представляется правильным рассмотрение данного вопроса сквозь призму различных теорий, концептов и подходов – во избежание однобокости и «научной примитивности» проводимого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хюбнер К.* Нация. От забвения к возрождению. М., 2001. СС. 14–15.
2. *Кон Г.* Азбука национализма. М., 1994. № 41–42. СС. 88–133.
3. *Бромлей Ю*. Этнос и этнография. М.: «Наука», 1973. СС. 35–47.
4. *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. СПбГУ, 1989. СС. 32–35.
5. *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: «Праксис», 2004. СС. 40–43.
6. *Тишков В.* Что есть Россия и российский народ // “Proetcontra”, № 7, 2007. СС. 39–40.
7. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. С-Пб., 1998.
8. *Toynbee A.* Armenian atrocities: The murder of a nation. L., 1915. PP. 70–71.
9. *Քաջազնունի Հ.*Ազգ և հայրենիք, Պեյրութ, 1979: С. 23.

10. Там же: С. 117.
11. *Сталин И.В.* Сочинения // Т.2. М.: «Госполитиздат», 1946. С. 296.
12. *Smith A.D.* Myths and memories of the nation. N.Y.: Oxford univ. press, 1999. 288p.
13. *Тишков В.* Что есть Россия и российский народ. “Proetcontra”, № 7, 2007. СС. 33–34.
14. *Соловьев В.* Национальный вопрос в России. М., 1989. С. 5.
15. *Никольский С.* О русском мировоззрении. «Человек» №7, 2007. СС. 32–43.
16. *Здравомыслов А.* К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: Новый подход к исследованию этнополитической динамики России. М., 1998. С. 12.
17. *Վրացյան Ս.* Ազգ և հայրենիք // թ. «Ալիք», № 19, Թեհրան, 1956. С. 44.
18. *Քաջազնունի Հ.* Ազգ և հայրենիք, Պեյրութ, 1979, С. 106.
19. Там же. СС. 108–109.
20. Там же. СС. 92–94.
21. Там же. С. 104.
22. *Վրացյան Ս.* Ազգ և հայրենիք // թ. «Ալիք», № 19, Թեհրան, 1956. С. 44.

ETHNOS AND NATION: DEFINITION AND DIFFERENTIATION OF CONCEPTS

Zh. Tadevosyan

ABSTRACT

This article poses the problems of defining, interpreting and correlation of national and ethnic concepts and also examines the justification of their primordial, modernist and constructivist interpretations. Particular attention is being devoted to the academic insights formed in the Armenian scientific literature, in particular, the views of H. Alishan, S. Vracyan, Ov. Kajaznuni and H. Manandyan.

Keywords: nation, ethnos, nationalism, national culture, constructivism, primordialism.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 343 Поступила: 20.01.2020г.
Сдана на рецензию: 22.01.2020г.
Подписана к печати: 17.02.2020г.

ԿԱՇԱՌԱԿԵՐՈՒԹՅԱՄԲ ՀԱՄԿԱՑՈՒԹՅԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԸՍՏ ՌԽԴՍՀ ՔՐԵԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԴՐՈՒԹՅԱՆ

Ս.Շ. Ծաղիկյան,Ռ.Ա. Մելքոնյան

Հայ-Ռուսական համալսարան
stepan.tsaghikyan@rau.am, ruben.melkonyan.87@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածը նվիրված է կաշառակերության, որպես հավաքական հասկացության արդիական խնդիրներին, կաշառք տվողի և կաշառքի միջնորդին քրեական պատասխանատվությունից ազատվելու հիմքերին, ինչպես նաև պաշտոնատար անձի եզրույթի պարզաբանմանը ռուս-խորհրդային ու գործող օրենսդրության բազմակողմանի ուսումնասիրման և համեմատական վերլուծության համատեքստում:

Հիմնաբառեր՝ քրեական օրենսդրություն, կոռուպցիա, կաշառակերություն, պաշտոնատար անձ, հանցագործության առարկա, շորթում:

Կոմունիստական աշխարհհայացքի գաղափարախոսները դիտարկում էին կոռուպցիան, որպես խորհրդային պետականության համակարգին ոչ հատուկ «խորթ» երևույթ, ինչը արտացոլվում էր նրա էության հասկացողության միակողմանի ությանվրա: Երկար ժամանակ կոռուպցիայի դեմ պայքարը դիտարկվում էր միայն որպես քրեաիրավական խնդիր, որը կայանում էր կաշառակերության կանխարգելման, պատժի միջոցների ուժեղացման և խստացման մեջ: Դեռևս Խորհրդային իշխանության սկզբում, 1918 թ.-ին «Կաշառակերության մասին» ԺԿԽ-ի որոշմամբ քրեական պատասխանատվություն սահմանվեց, ընդորումն' կաշառքտալըն' ստանալը հավասարվում էին ավարտված հանցագործության: Որոշակի ժամանակ ՌԽԴՍՀ քրեական օրենսդրությունը «կաշառակերություն» հասկացության տակ նախատեսվում էր երկու հանցատեսակ՝ կաշառքտալը և կաշառքստանալը:

1960 թ. ՌԽԴՍ ՀՔՕ նախնական խմբագրությունում կաշառակերության միջնորդության պատասխանատվությունը, որպես ինքնուրույն հանցագործություն նախատեսված չէր:

Սակայն արդեն 20.02.1962 թ-ի փետրվարի 20-ին ԽՍՀՄ Գերագույն Խորհրդի Պլենումի «Կաշառակերության համար քրեական պատասխանատվության ուժեղացման մասին» հրամանագրով հատուկ սահմանեց պատասխանատվությունը՝ կաշառակերության միջնորդության համար, որի ուժով այդ հանցակազմը մտցվեց բոլոր հանրապետությունների քրեական օրենսգրքերում: Այդ ժամանակվանից ՌԽԴՍՀ ՔՕ-ն նախատեսում էր երեք, ինքնուրույն, փոխկապակցված հանցագործություններ՝ կաշառքստանալը /ՔՕհ. 173/, կաշառքի միջնորդությունը /ՔՕհ. 173.1/ և կաշառքտալը /ՔՕհ. 174/: Կաշառք ստանալու քրեաիրավական նորմի դիսպօզիցիան նախատեսում էր՝ պաշտոնատար անձի կողմիցոր և է տեսքով կաշառքի ստանալը՝ կաշառք տվողի շահերից բխող որև է գործողության կատարելու կամ չկատարելու համար, որը պաշտոնատար անձը պետք է կամ կարող էր կատարել՝օգտագործելով իր ծառայողական դիրքը:

Կաշառք ստանալու պատասխանատվության մեջ կարող էին ներգրավվել միայն հատուկ սուբյեկտները՝ պաշտոնատար անձինք: Ըստ ՌԽԴՍ ՀՔՕ հոդվածի ծանոթագրության, «պաշտոնատարանձ» ասելով հասկանում էին այն անձանց, որոնք մշտապես կամ ժամանակավորապես իրականացում էին իշխանություններ կայացուցչի գործառույթները, ինչպես նաև մշտապես կամ ժամանակավորապես պետական կամ հասարակական հաստատություններում, կազմակերպություններում, ձեռնարկություններում կազմակերպական-տնօրի նչականկամ վարչատնտեսական գործառություններ կամ նման պարտականություններ էին իրականացնում նշված հաստատություններում, ձեռնարկություններում և կազմակերպություններում հատուկ լիազորությամբ:

Քանի որ օրենքում չէր բացվում «իշխանություններ կայացուցիչ, կազմակերպական-տնօրինչական կամ վարչա-տնտեսական գործառույթներ» հասկացողության բովանդակությունը, դրանցով զբաղվում էր իրավագիտությունը:

Ընդունված է համարել, որ իշխանության ներկայացուցիչները դա անձինքեն, որոնք ունեն իրավասություն տալ համապատասխան ցուցումներ և անհրաժեշտ դեպքերում դիմել հարկադրական միջոցների՝ լայն շրջանակի անձանց նկատմամբ [1]:

Իշխանություններ կայացուցչի գործունեությունը կառուցվում է այն անձանց հետփոխհարաբերությունների վրա, որոնք իր ծառայողական

ենթակայությանտակ չեն գտնվում: Մասնավորապես, դրանց թվին էին դասվում բոլոր Ժողովրդական պատգամավորները, գործադիր և կարգադրիչ մարմինների աշխատակիցները, դատախազա-քննչական, վարչական և դատական մարմինների աշխատակիցները, պետական արբիտրները, մաքսային ծառայության, ճկնապահպանության տեսչության աշխատակիցները, ժողովրդական ատենակալները և այլ: Նկատի ունենալով այն, որ պաշտոնատարանձ անց շարքին օրենքը դասվում էր նաև ժամանակավորապես իշխանության ներկայացուց չի գործառույթներ իրականացնողը, ուստի պաշտոնական հանցագործությունների համար պատասխանատվություն էին կրում նաև կամավորական ժողովրդական ջոկատներ անդամները, կոմիերիտական օպերատիվ խմբերի աշխատակիցները, ընկերական դատարանների անդամները և այլն:

Պաշտոնատար անձ ճանաչված սուբյեկտների զգալի խումբ էին կազմում այն ծառայողները, որոնք մշտապես կամ ժամանակավորապես պաշտոն էին զբավում պետական կամ հասարակական հաստատություններում՝ կապված կազմակերպական-տնօրինչական և վարչատնտեսական պարտականությունների կատարման հետ:

Կազմակերպական-տնօրինչական բնույթի պարտականությունների թվին էին դասվում՝ հաստատության կամ ձեռնարկության աշխատանքի կազմակերպումը ընդնաիուր առմամբ կամ տարբեր հատվածներում, կադրերի ընտրությունննու բաշխումը, աշխատանքի ընդունելը և ազատելը, աշխատանքների պլանավորումը, հսկողությունը և ստուգումը և այլն:

Վարչա-տնտեսական պարտականությունների էությունը՝ դա պետական և հասարակական ունեցվածքի տնօրինումն ու կառավարումն է: Ելնելով վերընշվածից՝ կաշառք ստացող սուբյեկներ էին համարվում՝ խանութների, բուֆետների, կրպակների, ճաշարանների, ռեստորանների, պահեստների, նյութական արժեքների պահոցների տնօրենները, պահեստապետները, հաշվապահները, այսինքն այն աշխատակիցները, որոնց պարտականությունների մեջ էին մտնում նյութական արժեքների տնօրինումը, հաշվառումն ու դրանց ծախսերի վերահսկումը, դրամական միջոցների և փաստաթղթերի ստացումը, ապրանքների իրացման կազմակերպումը և այլն:

Նշվածից բացի, պաշտոնատարանձ էին համարվում այն սուբյեկտները, որոնք կարող էին որոշակի իրավական փաստ հաստատող պաշտոնական փաստաթղթեր տալ պետական կամ հասարակական կազմակերպությունների անունից: Այդպիսին էին տարբեր որակավորման և պետական հանձնաժողովների անդամները, քննական հանձնաժողովի

անդամները, ան աշխատունակության թերթիկ դուրս գրող բժիշկները, նոտարները, դատական նիստերի արձանագրությունները վարող քարտուղարները և այլն:

Պաշտոնեական հանցագործության սուբյեկտ ճանաչելու համար նշանակություն չունի անձը արդյոք պաշտոնը զբաղեցնում է նշանակմամբ թե ընտրությամբ, նշված պարտականությունները կատարում է վարձատրության դիմաց թե անվարձա հատույց, մշտապես թե ժամանակավորապես:

Վերջին դեպքում անձը պաշտոնյա է համարվում միայն ժամանակավորապես կապվածիր վրա դրված պաշտոնեական լիազորությունների կատարման հետ: Որպես կանոն, սուբյեկտին՝ նման պաշտոնեական բնույթի լիազորություններով ժամանակավորապես օժտելը ձևակերպվում է համապատասխան որոշմամբ, հրամանով և այլն:

Սակայն ՌԽՂՍՀ Գերագույն Դատարանի Պլենումի 23.09.1977թ. «Կաշառակերության գործերով դատական պրակտիկայի մասին» վորոշման համապատասխան, կաշառք ստանալու համար պատասխանատվության էին ենթարկվում նաև ղեկավարի բանավորցուցում ով ժամանակավոր ապես պաշտոնատար անձի լիազորությունները կատարող աշխատողները: Ըստ 1960թ. ՌԽՂՍՀ ՔՕ-ի պաշտոնյաների թվին էի ն դասվում նաև հասարակական կազմակերպությունների, հաստատությունների և ձեռնարկությունների աշխատակիցները, որոնք օժտված էին համապատասխան իրավունքներով և պարտականություններով [2]: Հասարակական կազմակերպությունների թվին էին դասվում՝ ՍՄԿԿ-ն, Համ ԼԿԷՄ, պրոֆմիությունները, գրողների, կոմպոզիտորների, ժուրնալիստների միությունները, մշակութային, տեխնիկական, գիտական, սպորտային ընկերությունները և այլն: Հասարական հաստատություններ և ձեռնարկություններ էին՝ քաղաքացիների տարբեր կոոպերատիվներ: Քանի որ այդ ժամանակ ստեղծվում էին բազմաթիվ տարբեր ոչ ֆորմալ միավորումներ, նման միավորումներնու քաղաքացիների խմբերը, որոնք չունեին իրավական կարգավիճակ, չէին դասվում հասարակական կազմակերպությունների կատեգորիայում և այդպիսի կոլեկտիվների ղեկավարները չէին հանդիսանում պաշտոնատար անձինք:

Այն աշխատակիցները, որոնք չէին հանդիսանում պաշտոնյաներ և զբաղվում էին ծառայություններ մատուցելու դիմաց քաղաքացիներից գումար հավաքելով՝ կապված իրենց արտադրական գործունեության հետ, ենթարկվում էին պատասխանատվության ոչ թե կաշառք ստանալու, այլ բնակչության սպասարկման հետ կապված աշխատանքներ կատարելու համար քաղաքացիներից ապօրինի վարձատրություն ստա-

նալու, առևտրային միջնորդության, մասնառ ձեռնարկատիրական գործունեությամբ զբախվելու, խարդախունյան հանցագործությունների համար նայլն [3]:

Այն ժամանակվա խորհրդային քրեական օրենսդրությունը կաշառակերության տեսակների հանցագործությունների օբյեկտ էր նախատեսում՝ հասարակական հարաբերությունները, որոնք կազմում էին կառավարման խորհրդային պետական ապարատի նորմալ աշխատանքի բովանդակություն: Հասարակակ անհարաբերությունների կարևոր բաղադրիչն էր՝ ծառայողական գործունեության համար մի այն օրենքով սահմանված կարգով և չափով վարձատրմանստացումը:

Այն դեպքում, երբ պաշտոնյան ստանում էր ապօրինի վարձատրություն՝ որոշակի ծառայողական վարքի համար, ապա այս տեղ առկա էր ոտնձգություն՝ նշված հասարակական հարաբերությունների առումով: Օրենքը չէր կապում կաշառք ստանալը նախնական պայմանավորվածության հետ՝ կապված այս կամ այն գործողությունների կատարման հետ, չտարբերակելով կաշառելը կաշառք-շնորհակալությունից:

Ընդորում, նյութական վարձատրություն ստացող պաշտոնյայի գործողություններում, անգամ եթե դա նախապես պայմանավորված չէ, առկա են կաշառք ստանալու հանցակազմի բոլոր անհրաժեշտ տարրերը, իսկ ապօրինի վարձատրությունտվողի գործողություններում՝ կաշառքտալու հանցակազմը: Ի տարբերություն գործող օրենսդրության, 1960թ. ՌԽԴՍՀ ՔՕ-ը նախատեսում էր կաշառակերության տեսակների համար որպես արարքը ծանրածնող որակյալ հատկանիշ բազմակիությունը և նախկին դատվածությունը: Բացի դրանից ՌԽԴՍՀ ՔՕ-ն նախատեսում էր կաշառատուին քրեական պատասխանատվությոինից ազատելու համար ավելի պարզեցված հիմքեր: Այն է, երբ կաշառատույի նկատմամբ տեղի է ունեցել շորթում կամ եթե այդ անձը՝ կաշառք տալու մասին կամավոր հայտարարություն է ներկակացրել [4]:

Մինչդեռ ՌԴ գործող օրենսդրությունում բացի վերը նշված հիմքերից, կաշառատուին քրեական պատասխանատվությունից ազատելու համար նախատեսվում են նաև հանցագործության բացահայտման և/կամ նախաքննության ակտիվ աջակցության դեպքերը: Հատկանշանական է նաև, որ կամավոր հայտարարությունը պետք է ներկայացվի կաշառակերության փաստերով քրեական գործ հարուցելու իրավունք ունեցող մարմնին այն դեպքում, երբ նախկինում օրենսդիրը նախատեսում էր մարմինների բավական լայն դիապազոն, ուր կարող էր դիմել կաշառք տվողը՝ կամավորհաղորդմամբ, մասնավորապես, բացի իրավապահ մարմիններին և դատարաններին, ցանկացած պետական մարմին,

իսկ որոշակի դեպքերում նաև հասարակական կազմակերպություն: Կաշառքի միջնորդության քրեաիրավական նորմի վերաբերյալ հարկ է նշել, որ այն խորհրդային քրեական օրենսդրությանը վաղուց հայտնի է եղել և որպես ինքնուրույն հանցագործություն նախատեսվում էր 1922թ. և 1926 թ-ի ՌԽԴՍ Հքրեական օրենսգրքերով [5]:

Ըստ 174.1-ի հոդվածիկաշառքի միջնորդ էին համարվում այն անձինք, որոնք կաշառք տվողի կամ կաշառք ստացողի նախաձեռնությամբ կամ նպաստում էին նրանց միջև կապին, կաշառք տալու և կաշառք ստանալու համաձայնության հասնելուն կամ անմիջական որեն փոխանցում էին կաշառքի առարկան:

Կաշառք տալու կամ ստանալու հանցագործությունների տարանջատման չափորոշիչները կաշառքի միջնորդից կայանում էին նրանում, որ միջնորդը պարտադիր կապ ուներ կաշառակերության երկու սուբյեկտների հետ և գործում էր ոչ իր նախաձեռնությամբ, այլ կաշառք տվողի կամ կաշառք ստացողի հանձնարարությամբ [6]:

Հարկ է նշել, որ իտարբերություն գործող քրեական օրենսդրության ՌԽԴՍՀ ՔՕ-ն չէր նախատեսում միջնորդին՝ քրեական պատասխանատվությունից ազատելու համար որև է հիմքեր: Այդ խրախուսական նորմի բացակայությունը անկասկած բացասաբար էր անդրադառնում կաշառակերության դեպքերի բացահայտման խնդրում, քանի որ պրակտիկ անցույց է տալիս, որ կաշառակերության փաստերի մեծ մասը բացահայտվում է կամավոր հաղորդագրությունների հիման վրա:

Ըստ կաշառք տալու և կաշառքի միջնորդության դիսպոզիցիաների, ակնհայտէ, որ այդ հանցագործությունների սուբյեկտ է հանդիսանում այն անձը, որը չի զբաղեցնում պաշտոնեական դիրք և պետական ծառայության մեջ ընդգրկված չէ [7]: Չնայած դրան, իրավաբանական գրականության մեջ նշվածանձ ինք հանդիսանում են կոռումպատորներ, քանի որ կաշառք տալը, ինչպես նաև միջնորդությունը, որպես հանցագործությանին քնուրույնտեսակներ խաթարում են պետական ծառայության հիմքերը և նույնպիսի հասարակական վտանգեններ կայացնում, ինչպիսին է կաշառք տվողը կամ կաշառքի միջնորդը, որպես պաշտոնատար անձ: Կաշառակերության բոլոր նշված տեսակները կոռուպցիոն հանցագործությունների շարքին դասելը ունի խիստ կարևոր կանխարգելիչ նշանակություն:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Здравомыслов Б.В.* Должностные преступления. Понятие и квалификация. М.: «Юридическая литература», 1975.

2. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1960.
3. *Սարգսյան Գ.Մ.* Կաշառակերության հակազդման հիմնախնդիրները. Եր., 2012.
4. *Цагикян С.Ш.* Противодействие коррупции в Армении.: С-Пб, 2006.
5. О взяточничестве: Декрет СНК от 8 мая 1918 года // Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937гг.).
6. *Ծաղիկյան Ս.Շ., Վոլժենկին Բ.Վ., Կվաշիս Վ.Ե.* Պայքար կաշառակերության դեմ. Եր., 1991.
7. *Волженкин Б.В.* Квалификация посредничества во взяточничестве. Ленинград, 1984.

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ КОРРУПЦИИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РСФСР

С.Ш. Цагикян, Р.А. Мелконян

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена актуальным проблемам взяточничества как собирательного понятия, основаниям освобождения от уголовной ответственности взяткодателя и посредника во взяточничестве, а также разъяснению термина должностного лица в контексте всестороннего изучения и сравнительного анализа российско-советского и действующего законодательства.
Ключевые слова: уголовное законодательство, коррупция, взяточничество, должностное лицо, предмет преступления, вымогательство.

FEATURES OF THE CONCEPT OF CORRUPTION UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RSFSR

S. Tsaghikyan, R. Melkonyan

ABSTRACT

This report is devoted to the current problems of bribery as a collective concept, the grounds for exemption from criminal liability of the bribe-taker and the intermediary in bribery, as well as the explanation of the term official in the context of a comprehensive study and comparative analysis of Russian-Soviet and current legislation.
Keywords: criminal law, corruption, bribery, official, subject of crime, extortion.

УДК 342

Поступила: 17.09.2020г.
Сдана на рецензию: 20.09.2020г.
Подписана к печати: 17.10.2020г

THE RIGHT OF RESISTANCE AND THE ISSUE OF INCLUSION OF SUCH A RIGHT IN THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

I. Nersesyan

Russian-Armenian University
nersesyan-1994@bk.ru

ABSTRACT

This article analyzes such a natural and collective right of the people as the right to resist. The historical basis for the emergence of the right to resist as well as the scientific aspects of such a right is discussed. The article contains certain conclusions as well as a specific proposal for amending the Constitution of the Republic of Armenia.
Keywords: right to resist, rebellion, revolution, collective rights, natural right.

The questions of the legal dimension of such concepts as the rights to resist and the right of rebellion have always remained relevant. It is difficult to find a general approach to the concepts of the right to resist and the right of rebellion because they are explained in different ways bylegal scholars. If the supporters of the school of natural law believe that the right to resist is a natural,inalienable and collective right of people, the supporters of the positive law believe that such a right is an abuse of rights.

Before starting to explore the scientific concept of both rights, we deem it necessary to study the interpretation of such words as “resistance”, “rebellion” and “revolution”. In the English explanatory dictionary the word “resistance” means “opposing or retardant force, opposition to flow or movement”[1]. In another English online dictionary the word “resistance” signifies “the act or power of resisting, opposing, or withstanding”[2]. In the English explanatory dictionary the word “rebellion” stands for “open, organized, and armed resistance to one's government or ruler”[3]. In the English explanatory dictionary the word “revolution” means “an overthrow or repudiation and the thorough replacement of an established government or political system by the people governed”[4]. It should be emphasized that the concept of revolution and the theory of revolution itself is a more complex one than the definition indicated in the explanatory dictionary. The word “revolution”

arose from the Latin word “revolutio” and may be translated as “a turn”, “a coup” or “transformation”. The term “revolutio” was used originally in astrology and alchemy. The term was introduced into the scientific language from the title of the book of Nikolai Copernicus “On the Rotations of the Celestial Spheres” in 1543.

We consider it important to regard the concept of the revolution in the framework of social and human sciences because the theory of revolution is in contact with the right of rebellion and sometimes with the right to resist. As already noted, there is no single universal definition of this concept, since various theories of revolutionhaveformed within the framework of various social sciences and humanities, which give different definitions and characteristics to the concept of the revolution. However, as for the first time the idea of revolution was advanced by Marx on the basics of the dialectic law of the transition of quantitative to qualitative changes, we consider it important to consider the Marxist theory of revolution. Marx's conceptwas based on the main ideas, firstly, the idea of successive ways of production, secondly, the idea of oppressing one class to others, and, accordingly, the class struggle from the point of view of Marx inevitably leads to revolution and revolutionary reorganization of the society [5]. Whereas Lenin developed the theory of revolution, he formulated the concept of a revolutionary situation and applied revolutionary theory in practice in Russia (October revolution of 1917 in Russia).

Based on the foregoing, we consider it important to draw some conclusions about the relationship between the concepts of resistance, rebellion and revolution. If resistance is most often interpreted as “opposing the onslaught” and rebellion is interpreted as “armed actions against the authorities,” then revolution is always “a coup, a fundamental change.” Accordingly, the concept of revolution is broader than those of resistance and rebellion, and the resistance or rebellion itself may not always lead to a coup, a radical change or revolution. Such an interpretation of these terms naturally affected their legal nature and the concepts of the right to resist and the right of rebellion. Ph.D. in Law Gor Hovhannisyanrightfully notes that the realization of the right to resist does not always lead to revolution [6].

We also consider it important to note that if the term “revolution”was introduced into scientific language in the 16th centuryonly, the ideas about the right to resist arose much earlier and served as the basis for the development of various concepts of revolution.

Within the framework of various classifications of revolutions, we consider it important to pay attention to such a concept as “color or velvet nonviolent revolutions”. This concept of revolution without bloodshed appeared only in the last decade and became widespread only in the 20th century, although since ancient

times in history there have been examples of revolutions that can be called color by modern standards. The features of nonviolent revolutions are the discontent of the majority of the population with the results of election, the ability of oppositionists to organize dissatisfied voters, the approval and support for the actions of oppositionists from Western countries, which makes it impossible for the protesters to use force against protesters, and the defeat of the power after a series of street protests [7].

Currently, the revolution of carnations of Portugal, the Velvet Revolution of Czechoslovakia, the Rose Revolution of Georgia, the Tulip Revolution of Kyrgyzstan, the Velvet Revolution in Armenia and so on are considered color revolutions.

A study of the legal systems of the countries in which these revolutions took place showed that in many of them the right to resist or the right of rebellion was not recognized. However, all these revolutions occurred quite successfully and led to a change of power in the state.

The theory of non-violent resistance was formed at the beginning of the 20th century and was founded by Indian political and social activist Mohandas Karamchand Gandhi. Mohandas Gandhi called the tactics of nonviolent struggle in the form of non-cooperation and civil disobedience itself “satyagraha”, which in translation from Sanskrit means “holding onto the truth” [8]. M. Gandhi began to spread such an ideology during the movement for the independence of India from Britain.

Summarizing all the above, we can state that the right to resist and the right of rebellion are not terminologically identical and the concept of revolution or the theory of revolution are diverse.

The first document in European history that envisages the “right to resist” is the Golden Bull of 1222. This law established the rights of the Hungarian nobility, including the right to disobey the King when he acted contrary to law (jus resistendi). The Latin term “jus resistendi” used in the Golden Bull of 1222 means “the right to resist” as translated from Latin (e.g., occupation by force of arms) and the right to offer opposition (e.g., against an opposing party before a tribunal) [9].

In that period such norms also appeared in the Christian teachings of philosopher and theologian Thomas Aquinas. In his treatise “On the Rule of Sovereigns” Aquinas wrote the following: “...the resistance will be successful, if the tyrant abuses the royal power that is given him by God and people...”[10].

As part of our study, we cannot do without the teachings of John Locke. John Locke developed a theory of social contract and theory of resistance that included a right to resist if the sovereign government failed to act in its people’s interests. In his teaching “Two Treatises of Government” John Locke wrote the fol-

lowing: "Wherefore if the king shall shewan hatred, not only to some particular persons, but sets himself against the body of the commonwealth, whereof he is the head, and shall, with intolerable ill usage, cruelly tyrannize over the whole, or a considerable part of the people, in this case the people have a right to resist and defend themselves from injury..."[11].Locke'sentire theoryis based on the main idea that power belongs to the state on the basis of concluding a treaty with the people, and naturally, abusing the law should lead to the overthrow of such state power.

The legal monuments of the American Revolution, such as the Declaration of Independence of the USA in 1776, should be considered the classic manifestations of the understanding of "jus resistendi". The preamble of this act established the following: "Governments are instituted among men, deriving their just powers from the consent of the governed, – That whenever any form of government becomes destructive of these ends, it is the right of the people to alter or to abolish it, and to institute new government, laying its foundation on such principles and organizing its powers in such form, as to them shall seem most likely to affect their safety and happiness. Prudence, indeed, will dictate that governments long established should not be changed for light and transient causes; and accordingly all experience hath shewn that mankind are more disposed to suffer, while evils are sufferable than to right themselves by abolishing the forms to which they are accustomed. But when a long train of abuses and usurpations, pursuing invariably the same object evinces a design to reduce them under absolute despotism, it is their right, it is their duty, to throw off such government, and to provide new guards for their future security"[12].

The right to resist was also enshrined after the French Revolution in the Declaration of the Rights of Man and the Citizen of 1789 and after the entry of the Declaration into the text of the French Constitution of 1793 relevant regulations expanded. According to articles 33 and 34 of the Declaration (as amended in 1793),resistance to oppression is the consequence of the other rights of man and there is oppression against the social body when a single one of its members is oppressed: there is oppression against each member when the social body is oppressed [13].

However, for the legal thought of all times, a more valuable contribution to the legal doctrine is Article 35 of the Declaration of the Rights of Man and the Citizen of 1793, in which "insurrection" is considered not only as a right of the people, but also an obligation. According to article 35 of the Declaration of the Rights of Man and the Citizen of 1793, when the government violates the rights of the people, insurrection is for the people and for each portion of the people the most

sacred of rights and the most indispensable of duties [14]. It is important to emphasize that the only legal document that enshrines the right of rebellion and not the right to resist is the said French declaration.

We consider it important to pay attention to another key document that does not directly provide for such a right as the right of rebellion and does not recommend it; nevertheless, this document allows the people to carry out the resistance. This is the Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948, the preamble of which provides the following: "whereas it is essential, if man is not to be compelled to have recourse, as a last resort, to rebellion against tyranny and oppression, that human rights should be protected by the rule of law" [15]. Attention should be paid to such subtlety as the fact that the Universal Declaration of Human Rights does not provide for the right of rebellion in its articles, but only indicates in the preamble that rebellion is possible, but not entirely desirable, since rights and freedoms of a person must be secured and guaranteed by the rule of law in the state.That is, the right of rebellion is not a declarative legal norm. Accordingly, the purpose of the adoption of such a declaration was to prevent such a historically established order or method of recognition, consolidation and enforcement of human rights and freedoms, as uprising.

And so, the right to resist is not only a scientific concept, but also a legal norm, as enshrined in the constitutions of some countries.

According to article 32 of the Constitution of the Slovak Republic of September 1, 1992, if the activities of constitutional authorities or the application of legal rules have become ineffective, every citizen shall have the right to resist anyone who would abolish the democratic functioning of human rights and fundamental freedoms set forth in this Constitution [16].

According to the first paragraph of article 54 of the Constitution of the Republic of Estonia of June 28, 1992, the duty of an Estonian citizen is to be loyal to the constitutional order and protect the independence of Estonia. According to the second paragraph of the same article, if no other means are available, every Estonian citizen has the right to initiate resistance against a forcible change of the constitutional order [17].

It should be noted that despite of the recognition of the idea that state power is limited to human rights, these countries still recognized such a natural human right as the right to resist.

The analysis of all the above-mentioned concepts, teachings, legal documents and the chronology of the development of ideas about people's resistance to the authorities allowdrawing certain conclusions and presenting some judgments.

In the 21st century, when many countries adopted and enshrined in their basic laws the principle of separation of powers, the principle of legality and the rule of law, the principle of respect for the inalienability of human dignity and the principle of respect for the rights and freedoms of human, it can be concluded that human rights are guaranteed and there is no need to recognize such a right as the right of resistance.However, it should also be emphasized that any declaratively proclaimed democratic state in the hands of representatives of state power has the risk to become an anti-democratic regime, where violation of human rights can be seen as acommon phenomenon.In this case, the right to resist can serve as an additional guarantee of the validity of the rights and freedoms of a person and citizen.

Although the Armenian Velvet Revolution of 2018 was actually implemented successfully and led to a change of power in the Government and Parliament by nonviolent means,the Armenian legislation still needs certain changes that can strengthen the democratic political regime, guarantee the inviolability of fundamental human and civil rights and freedoms and strengthen the desire to create a state governed by the rule of law.

According to Art. 1, 2, 3 of the Constitution of the Republic of Armenia dating to December 6, 2015: “The Republic of Armenia is a sovereign, democratic, social, legal state”, “power in the Republic of Armenia belongs to the people”, “in the Republic of Armenia people are the highest value”. The inalienable dignity of the person is the inalienable basis of one’s rights and freedoms.Recognizing that such provisions provided for the constitutional foundations of the Republic of Armenia,we believe that the right to resist will not contradict the constitutional order of the Republic of Armenia.

Based on all the discussed concepts, theories, ideas as well as on the norms of the chapter 1 of the foundations of the constitutional order of the Constitution of the Republic of Armenia, we propose a change to the Constitution of the Republic of Armenia, enshrining the right of citizens to nonviolent resistance or the right to resist.

Wording of the proposed right may be as follows:

“Article ... Citizens have the right to nonviolent resistance to anyone who encroaches on the constitutional order and (or) on the democratic order of exercising the fundamental rights and freedoms of a person and a citizen provided by this Constitution, if the use of other methods provided by law is impossible”.

REFERENCES

1. Online English Explanatory English dictionary /http://www.lingvozone.com/(28.01.2019)
2. Online English Explanatory English dictionary / https://www.dictionary.com/(28.01.2019)

3. Ibid.
4. Ibid.
5. *LeninV.I.* The State and Revolution, The Marxist Theory of the State & the Tasks of the Proletariat in the Revolution / Collected Works, Volume 25. PP. 381–492, first Published: 1918, Online Version: Lenin Internet Archive (marxists.org), page 6 / https://www.marxists.org/ebooks/lenin/state-and-revolution.pdf (28.01.2019).
6. Ph.D. in Law GorHovhannisyan’s video lecture on the topic of “the right to resist” / https://www.youtube.com/watch?v=Hw0eD--_8FA&t=940s (28.01.2019).
7. *Ясносокирский Ю.А.* Ответственность по защите и цветные революции / Matters of Russian and International Law. 10`2014. C. 22.
8. Satyagraha, PHILOSOPHY / https://www.britannica.com/topic/satyagraha-philosophy (28.01.2019).
9. Guide to Latin in International Law, Aaron X. Fellmeth and Maurice Horwitz / Publisher: Oxford University Press / Print Publication Date: 2009 / Print ISBN-13: 9780195369380 / Published online: 2011 / Current Online Version: 2011 eISBN: 9780199891498 http://www.oxfordreference.com (28.01.2019).
10. *Аквинский Ф.* О правлении государей /http://www.unavoce.ru/library/aquinas_ruling.html (28.01.2019).
11. *Locke J.* Two Treatises of Government / London, January, 1821. / e-book, page 390 / https://books.google.am/books/about/Two_Treatises_of_Government(28.01.2019).
12. United States Declaration of Independence (in CONGRESS, on July 4, 1776) // http://www.ushistory.org(28.01.2019).
13. French Constitution of 1793 // https://en.wikisource.org/wiki/French_Constitution_of_1793 (28.01.2019).
14. Declaration of the Rights of Man and Citizen from the Constitution of Year I (1793) http://www.columbia.edu/~iw6/docs/dec1793.html(28.01.2019).
15. The Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948 /http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/ (28.01.2019).
16. Slovakia's Constitution of 1992 with amendments through 2014 / https://www.constituteproject.org(28.01.2019).
17. Estonia's Constitution of 1992 with Amendments through 2011 /https://www.constituteproject.org (28.01.2019).

ПРАВО НА СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ЗАКРЕПЛЕНИЯ ТАКОГО ПРАВА В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

И.Н. Нерсесян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье представлена концепция такого естественного коллективного права, как право на сопротивление. Рассмотрены исторические факторы возникновения такого права, а также международный и зарубежный опыт применения права на сопротивления. В статье представлены суждения, выводы и заключение автора, а также определенное предложение о внесении изменений в Конституцию РА.

Ключевые слова: право на сопротивление, восстание, революция, коллективные права.

УДК 347

Поступила: 08.06.2020г.
Сдана на рецензию: 01.07.2020г.
Подписана к печати: 20.07.2020г.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТОВ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Т.Л. Мартиросян

Российско-Армянский университет
tatevik-martirosyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена проблеме гражданско-правового регулирования органов и тканей человека, как объектов права собственности. Рассматривается проблема данного вопроса в целом, предлагаются механизмы их решения. Исследование проведено на основе законодательства РА, РФ, а также на опыте ряда зарубежных стран.

Ключевые слова: правовое регулирование, право собственности, трансплантация, орган, донор, реципиент, медицинское учреждение.

В теории правоотношений, которые возникают при трансплантации органов, достаточно спорным является вопрос об объекте правоотношения «донор-реципиент». Первоначально, он относится к факту отсутствия или присутствия вещного права в отношении тела человека в течение жизни. Является ли человек собственником своего тела? Этот вопрос является очень актуальным.

Некоторые авторы считают, что есть необходимость в признании права собственности на человеческое тело, в целом, и на отдельные органы, в частности. Другие не поддерживают эту точку зрения, поскольку есть опасность коммерциализации и развития преступности. По мнению А.Б. Лисаченко и А.В. Майфата, «наши правоотношения относительно собственного тела не вещны по своей сути. Право на владение, пользование и распоряжение собственным телом, как единым целым, является самостоятельным правом, которое не имеет вещной природы. Это – право естественное и дано нам в силу рождения» [1]. По-видимому, такое право необходимо относить к числу нематериальных благ (ст. 150 ГК РФ).

Также есть противоречивые мнения относительно вопроса правового статуса отдельно взятых органов. По мнению некоторых ученых, органы являются частью организма, поскольку их образование является результатом естественного биологического процесса, и для их создания не требуется приложения труда. Следовательно, их невозможно признать вещами и объектами гражданских правоотношений. Например, Л.О. Красавчикова считает, что органы человека являются личными неимущественными благами, которые после изъятия теряют индивидуально-личностную определенность [2].

Среди ученых есть мнение, что после изъятия из организма человека органов необходимо их признавать вещами, ограниченными в обороте и, исходя из этого, к ним можно относится как к объектам гражданских правоотношений. В настоящее время этот подход является господствующим среди тех специалистов, которые занимаются проблемами правоотношений в области трансплантологии. Такую точку зрения поддерживают такие специалисты, как В.П. Сальников, М.Н. Малеина, С.Г. Стеценко и др. Например, статья 62 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» устанавливает уголовную ответственность за куплю-продажу органов человека, но ни один нормативный акт не запрещает их дарения. Из этого следует, что ткани и органы человека могут быть объектами сделок, и, следовательно, являются объектами гражданско-правовых отношений.

По мнению М.Н. Малеиной, использование правовых конструкций вещного права, права собственности в отношении человеческого материала противоестественно [3]. Как отмечает Н.В. Аполинская, «Пользование и распоряжение человека своим организмом происходит не путем осуществления правомочий собственника, а через совершение иных правомерных действий по реализации права на физическую неприкосновенность» [4]. По мнению Е.А. Суханова, биоматериалы не могут быть предметом вещных прав. На подобные объекты он предлагает распространение отдельных норм права собственности, несмотря на то, что распространение права собственности (то есть признания их объектами права собственности) не представляется возможным [5].

Другие ученые, которые признают человеческие органы и ткани в качестве объектов права собственности, опять же не могут определить субъекта этого права, т.е. кто является их собственником: медицинское учреждение, донор или др. Многие ученые считают, что на биологические объекты донор обладает правом собственности только в случае, когда они не отделены от его тела, а после отделения от организма он теряет это право.

Некоторые исследователи поддерживают ту точку зрения, согласно которой на биологические материалы возможно одновременное существование права собственности как донора, так и медицинского учреждения. А.В. Майфат считает, что: «При проведении медицинских манипуляций врачи вкладывают в процесс изъятия органов определенный труд, значит, они создают новую вещь. Человек сам тоже может изъять собственный орган или ткань. Исходя из этого, право собственности здесь возникает впервые и до момента изъятия органа он (орган) никому не принадлежал, так как еще не существовал в качестве вещи, а был частью организма. Если сам человек осуществляет манипуляции, то в этом случае право собственности на изъятый орган или ткань возникает у него» [6].

С позицией А.В. Майфата сложно согласиться, так как с уголовно-правовой точки зрения признание права собственности медицинского учреждения на органы и ткани человека приведет к крайне неблагоприятным последствиям. На наш взгляд, это даст возможность медицинским учреждениям осуществлять незаконный оборот человеческих органов и тканей для получения прибыли. Кроме того, в процессе операций врач получит возможность изъятия из организма пациента какого-либо органа или клетки, отсутствие которого не будет представлять опасности для жизни пациента.

В зарубежной судебной практике встречались также дела, где было принято решение признать право собственности врача на человеческие биоматериалы. Таким примером может послужить дело "Washington University v. Catalona" [7]. С такой позицией сложно согласиться, так как врач в силу заключенного трудового договора является представителем медицинского учреждения, а не самостоятельным субъектом гражданских правоотношений.

По мнению Л.Г. Варданяна, «Вне зависимости от правового режима органов и тканей человека, режим должен быть применен исключительно после того, как биоматериал отделятся от тела человека. Биоматериал становится самостоятельным объектом гражданского права после его отделения от тела человека и только после этого возможно говорить о вещи, первоначальным собственником которого становится прежний носитель» [8]. Опираясь на данное мнение, органы и ткани признаются собственностью того человека, от которого они отделились, вне зависимости от того, кто их изъял. На наш взгляд, такая точка зрения наиболее приемлема, так как, в первую очередь, должна осуществляться защита прав донора, а не медицинского учреждения.

Л.В. Щенникова отмечает, что «биособственники приобретают право собственности одним из первоначальных способов путем отделения биооб-

екта от своего организма. Необходимо учитывать, что право любого биособственника на биообъект – это неотъемлемое право, которое возникает из самой природы человека и существует, независимо от признания этого права государством. В данном случае, право биологической собственности обеспечивает его обладателю исключительную возможность распоряжаться этим объектом – с ограничениями, установленными законодателем в целях охраны публичного правопорядка; с устранением всех третьих лиц от вмешательства в исключительную сферу правообладателя. Охрана прав и интересов правообладателей в этой области, в том числе основано на нормах морали и нравственности. Другое проявление связи между биообъектом и имущественными отношениями заключается в юридической монополии лица на использование, распоряжение своими биообъектами. Любому человеку автоматически дается право собственности на его генетический код и право им распоряжаться по собственному усмотрению» [9]. То есть в ходе изъятия биологических объектов собственник обладает полными правами, которые, в свою очередь, имеют исключительный характер. Донор сам осуществляет правомочия собственности, тем более те, которые связаны с распоряжением своих биоматериалов. Это значит, что, признавая право человека на его органы, закон гарантирует его естественное право, то есть право на физическую неприкосновенность как основы для возникновения права биособственности.

Опираясь на вышеуказанное, можно указать на первоначальный способ приобретения права собственности, потому что органы и ткани становятся объектами собственности только после их отделения от человеческого организма. Когда органы и ткани отделяются от человеческого организма, они попадают в собственность их бывшего носителя, так как утрачивают нематериальную ценность и приобретают статус вещи.

Если исходить из концепции наличия права собственности на органы и ткани у донора, то при использовании органов и тканей после законной эксплантации в коммерческих целях можно уже вести речь о неосновательном обогащении, что повлечет соответствующие правовые последствия в пользу собственника биоматериала. Хотя «Хельсинкская декларация» требует получения информированного добровольного согласия для обработки биоматериала, тем не менее согласие, как одно из условий обработки человеческого биоматериала, основано на идее, что подобные исследования являются разновидностью исследований на человеке [10]. Однако обработка биоматериала не нарушает целостность человека, и поэтому не считается исследованием на человеке. Считаем, что должны быть разные правовые позиции для уре-

гулирования вопроса о правовом режиме органов и тканей. Отметим, что в общеевропейском законодательстве существует разделение оборота человеческих тканей и клеток на те, что используются в «терапевтических целях» (то есть в медицине, фармацевтике и смежных областях), и в целях «будущих научных исследований» (например, биобанки).

Таким образом, применение ряда норм о праве собственности применительно к телу человека открывает перед нами определенные дополнительные возможности для защиты прав и законных интересов граждан, а также содействует развитию трансплантологии. Кроме того, можно сделать вывод, что изъятие органов и тканей человека представляет собой самостоятельный способ приобретения права собственности. В ГК РА и РФ необходимо закрепить норму, согласно которым на отделенные от тела органы и ткани человека должно быть признано право собственности донора.

Однако большая опасность коммерциализации органного донорства в РФ и РА является преградой для внесения в клинический опыт неродственных пересадок. В соответствии 5-ого принципа «Руководящих принципов, регламентирующих трансплантацию органов человека»: «Тело человека и его части не могут быть предметом торговых сделок. Поэтому должно быть запрещено давать или получать оплату (включая любую иную компенсацию или вознаграждение) за органы» [11]. Следовательно, международным законодательством не допускается купля-продажа органов человека.

Трансплантология, как отрасль современной медицины, сегодня находится в сильной зависимости от регулирующего ее законодательства. Определение правового статуса органов и тканей человека, как объектов права собственности, также играет важную роль для развития трансплантологии. В первую очередь, это вызвано необходимостью изъятия для пересадки органа у живого донора. Но, по неверному мнению многих граждан, это равняется к бесцеремонному, а иногда и кощунственному, вторжению в личную жизни.

Не исключена и опасность в будущем восприятия трансплантологии в качестве немецкого или австрийского неофашизма. Исходя из этого, необходимо признать, что правовое регулирование трансплантологии в нашей стране должно иметь твердый базис и регламентацию, основанную на нормативных актах [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Майфат А.В., Лисаченко А.Б.* Тело человека, его отдельные части как объекты правового воздействия (некоторые предложения для обсуждения) // «Юридический мир». 2002. № 2. СС. 4–15.

2. *Красавчикова Л.О.* Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... док. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 425с.
3. *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. С. 88.
4. *Аполинская, Н.В.* О статусе биологических объектов в гражданском праве РФ // «Сибирский Юридический Вестник». 2002. № 4.
5. Российская юридическая энциклопедия / Ред. А.Я. Сухарев. М., 1999. С.401.
6. *Майфат А.В.* Собственность на тело человека // www. urallow.ru.
7. http://media.ca8.uscourts.gov/opndir/07/06/062286P.pdf
8. *Варданян Л.Г.* Этико-правовые проблемы права на распоряжение человеческим телом // сборник научных статей. Ер. : «Зангак», 2016. СС. 120–128.
9. *Щенникова Л.В.* Вещные права в гражданском праве России. М., 1996.
10. https://zakon.ru/blog/2017/02/03/o_pravah_na_chelovecheskij_biomaterial_chast_3.
11. World Health Organization, 15.03.1991 № A 44/11 // International Digest of Health Legislation. 1991. Vol. 42. 3. PP. 393–394.
12. *Шевчук С.С.* О некоторых проблемах совершенствования законодательства в сфере здравоохранения // «Современное право». 2002. №1. СС. 21–24.

CIVIL-LAW REGULATION HUMAN ORGANS AND TISSUES AS OBJECTS OF PROPERTY RIGHTS

T. Martirosyan

ABSTRACT

This article focuses on the issue of Civil-law regulation human organs and tissues as objects of property rights. We considered general prob The right of resistance and the issue of inclusion of such a right in the constitution ... lems of the issue and suggested solutions. The study was conducted on the basis of the legislation of the Russian Federation, the Republic of Armenia as well as the on the experience of European countries.

Keywords: legal regulation, property rights, transplantation, organ donor, recipient, medical institution.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 33

Поступила: 01.09.2020г.
Сдана на рецензию: 02.09.2020г.
Подписана к печати: 20.10.2020г.

ԶԲՈՍԱՇՐՋՈՒԹՅԱՆ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅԱՆ ԳՆԱՀԱՏՈՒՄԸ ՀՀ ՀՆԱ-Ի ՎՐԱ ԵՎ ԴՐԱ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐԱՅԻՆ ՈՒՂՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Ա.Ա. Խառատյան[1], Վ.Ի. Տիգրանյան[2], Ա.Հ. Լազարյան[3]

Երևանի պետական համալսարան[1]
Հայ-ռուսական համալսարան[2], Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարան[2], Ամերիաբանկ[3]
alvkharatyan@ysu.am, varsiktigranyan@gmail.com, ani.l.97@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հետազոտվել են Հայաստանում զբոսաշրջության ոլորտի մրցունակությունը և զարգացման հեռանկարային ուղղությունները: Վեկտորական ավտոռեգրեսիայի (VAR-Vector Autoregression) մոդելի կիրառմամբ գնահատվել են ՀՀ-ում զբոսաշրջությունից եկամուտներ, իրական ՀՆԱ և անվանական փոխարժեք փոփոխականների փոխադարձ ազդեցություններն ու շոկերը: ՀՀ ՀՆԱ-ի վրա զբոսաշրջությունից ստացվող եկամտի ազդեցության քանակական գնահատականը հիմք է հանդիսանում հիմնավորելու զբոսաշրջության վճռորոշ դերը Հայաստանի տնտեսության զարգացման գործում, հնարավորություն է տալիս կատարել կանխատեսումներ և մշակել արդյունավետ մակրոտնտեսական քաղաքականություն:

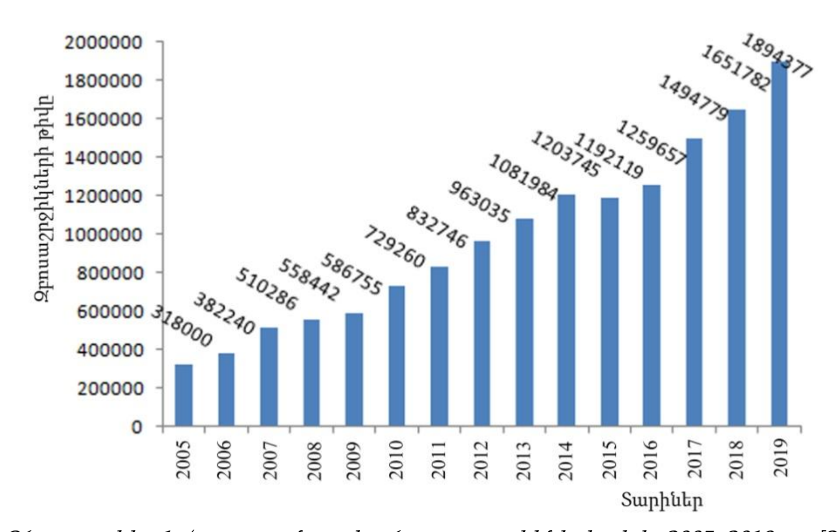
Հիմնաբառեր՝ COVID-19 համավարակ, զբոսաշրջություն, ՀՆԱ, զբոսաշրջային ուղղություններ, վեկտորական ավտոռեգրեսիայի մոդել, էնդոգեն փոփոխականների շոկեր:

Մինչև 2020թ. զբոսաշրջությունը համաշխարհային տնտեսության դինամիկ զարգացող և շահութաբեր ոլորտներից էր: Սակայն COVID-19 համավարակի բռնկումը կանգնեցրեց զբոսաշրջության ընդլայնումը, և ոլորտը հայտնվեց ճգնաժամի մեջ: Զբոսաշրջության և ճանապարհորդությունների համաշխարհային խորհրդի (ԶՃՀԽ) հետազոտության

համաձայն՝ 2019թ. համաշխարհային ՀՆԱ-ում զբոսաշրջությունն ունեցել է 10,3% ներդրում՝ ապահովելով ընդհանուր զբաղվածության 10%-ը (330 միլիոն աշխատատեղ) կամ յուրաքանչյուր 4-րդ նոր աշխատատեղը: Գլոբալ մակարդակով՝ վերջին 9 տարում, զբոսաշրջության ոլորտի ՀՆԱ-ի տարեկան աճի միջին տեմպն անընդմեջ կազմել է 3,5%՝ գերազանցելով համաշխարհային ՀՆԱ-ի աճի 2,5% կազմող տեմպը [1]:

Հայաստանի Հանրապետությունում զբոսաշրջության ոլորտի ՀՆԱ-ի տարեկան աճի տեմպը 2019թ. գերազանցել է համաշխարհային համանման ցուցանիշը՝ կազմելով 4,7%: 2019թ. Հայաստան է այցելել 1.894.377 զբոսաշրջիկ, աճը նախորդ տարվա համեմատ կազմել է 14,7%. 2018թ.՝ 1.651.782 զբոսաշրջիկ, նախորդ տարվա համեմատ գրանցվել է 10,5% աճ: Հայաստան այցելած զբոսաշրջիկների թիվը 2005-2019թթ. ժամանակահատվածում 318.000-ից աճել է մինչև 1.894.377 (տե՛ս, գծապատկեր 1):

2019թ. զբոսաշրջության ոլորտում աշխատել է ՀՀ զբաղվածների 12,5%-ը (124,6 հազար աշխատատեղ), իսկ զբոսաշրջության մասնաբաժինը ՀՀ ՀՆԱ-ում կազմել է 11,8%: Զբոսաշրջության ոլորտը 2019թ. գեներացրել է 609,1 մլրդ ՀՀ դրամի եկամուտ, մեկ զբոսաշրջիկից գեներացված հասույթը կազմել է 697 դոլար [2]:

Գծապատկեր 1. Հայաստան այցելած զբոսաշրջիկների թիվը 2005–2019 թթ. [2]

Նշենք, որ Երևանը՝ համաձայն հյուրանոցների և հյուրատների ամրագրման Booking.com առցանց համակարգի պատվերով անցկացված հետազոտության, ընդգրկվել էր 2020թ. համար կազմված ամենաակտիվ համարվող զբոսաշրջային ուղղությունների առաջատար

տասնյակում: Սակայն 2020թ.՝ COVID-19 համավարակով պայմանավորված, այդ կանխատեսումները դարձան ոչ իրատեսական: 2020թ. զբոսաշրջության ոլորտը բոլոր երկրներում՝ այդ թվում Հայաստանում, սկսեց մեծ վնասներ կրել:

ԶՃՀԽ-ի կանխատեսումների համաձայն՝ COVID-19 համավարակի պայմաններում, 2020թ. համաշխարհային զբոսաշրջության ոլորտում կգրանցի 100,8 մլն աշխատատեղի կորուստ, որից շուրջ 75 մլն-ը՝ G20 երկրներում: 2020թ. կանխատեսվում է համաշխարհային զբոսաշրջության ՀՆԱ-ի կորուստ 2,7 տրիլիոն ԱՄՆ դոլարի չափով: 1,041 տրիլիոն ԱՄՆ դոլար զբոսաշրջության ՀՆԱ-ի և 63,4 միլիոն աշխատատեղի կորստով առավելագույն ազդեցությունը COVID-19-ը կթողնի ասիականխաղաղօվկիանոսյան տարածաշրջանի երկրների վրա, ԱՄՆ կկորցնի 14,1 միլիոն աշխատատեղ և զբոսաշրջության ՀՆԱ՝ 791 մլրդ ԱՄՆ դոլարի չափով: Եվրոպայի համար վերջին ցուցանիշները վկայում են 13 միլիոն աշխատատեղի և զբոսաշրջության ՀՆԱ-ի 708,5 մլրդ ԱՄՆ դոլար կորստի, Մերձավոր Արևելքի համար՝ 2,6 միլիոն աշխատատեղի և զբոսաշրջության ՀՆԱ-ի 96,2 մլրդ ԱՄՆ դոլար կորստի մասին: ԶՃՀԽ-ն ահազանգում է ճգնաժամի չափերի և համավարակի միջոցով զբոսաշրջության ամբողջ ցիկլի ոչնչացման վտանգի մասին և խորհուրդ տալիս կառավարություններին ֆինանսական օգնության, անտոկոս վարկերի տրամադրման և առաջիկա մեկ տարում զբոսաշրջության ոլորտի բոլոր պետական հարկերի վճարումը դադարեցնելու միջոցով սատարել ոլորտը [3]:

Հետազոտության նպատակն է ուսումնասիրել Հայաստանում զբոսաշրջության ոլորտի մրցունակությունը, զարգացման հեռանկարային ուղղությունները, ինչպես նաև քանակապես գնահատել զբոսաշրջության ազդեցությունը ՀՀ տնտեսական ցուցանիշների վրա:

Հայաստանում զբոսաշրջությունը տնտեսության գերակա ոլորտներից է, և զբոսաշրջության զարգացումն ուղղորդվում է պետական քաղաքականությամբ: Զբոսաշրջության զարգացումը երկրում ապահովում է արտարժույթի ներհոսք, աշխատատեղերի թվաքանակի աճ և դրանով իսկ՝ բնակչության կենսամակարդակի աճ, ընդլայնում է ներդրումները, նպաստում թույլ զարգացած շրջանների տնտեսական զարգացմանը և երկրի կայուն տնտեսական առաջընթացին:

Երկրների զբոսաշրջության ոլորտի զարգացման մակարդակը բնութագրող ամենախոսուն ցուցանիշներից մեկը Զբոսաշրջության մրցունակության համաթիվն է (ԶՄՀ):

ԶՄՀ-ը բաղկացած է 4 ենթահամաթվից՝ զբոսաշրջությանն աջակցող միջավայր, զբոսաշրջության քաղաքականություն և աջակցող պայմաններ, զբոսաշրջության ենթակառուցվածքներ, զբոսաշրջության մշակութային և բնական ռեսուրսներ: Հայաստանի Հանրապետությունը 2019թ.՝ 2015թ. համեմատ իր զբոսաշրջության մրցունակության դիրքը բարելավել է 10 տեղով: 2019թ., 2017թ. և 2015թ. «Զբոսաշրջության մրցունակության զեկույց»-ների համաձայն՝ զբոսաշրջության մրցունակությամբ Հայաստանը 2019թ. 79-րդն է 140 երկրների շարքում, 2017թ.՝ 84-րդը 136 երկրների շարքում, 2015թ.՝ 89-րդը 141 երկրների շարքում [4]:

Հայաստանում զբոսաշրջային մի շարք ուղղություններ իրական զարգացման ներուժ ունեն, և ենթակառուցվածքային ծառայությունների արդիականացմամբ, որոնք վերաբերվում են հյուրանոցային տնտեսություններին, տրանսպորտային համակարգին, սննդի, զվարճությունների արդյունաբերություններին և զբոսաշրջային ծառայությունների ամրագրման համակարգչային ցանցերին, հնարավոր կլինի աշխուժացնել զբոսաշրջության բոլոր ձևերը և վերացնել COVID-19 համավարակի հետևանքով առաջացած ոլորտի ճգնաժամը:

Հայաստանում 2018թ. գործում էր ավելի քան 600 հյուրանոցային տնտեսություն, 2017թ. այդ թիվը 556 էր, 2016-ին՝ 549, 2013-ին՝ 379[1]: Տրանսպորտային համակարգը ՀՀ զբոսաշրջության զարգացման խոցելի կողմերից է: Աշխարհագրական դիրքի պատճառով Հայաստանում ջրային փոխադրումներ չկան, հարևան պետությունների կողմից շրջափակման պատճառով երկաթուղին որպես զբոսաշրջային փոխադրամիջոց չի ծառայում: Ավտոճանապարհների վիճակը ներկայում բարելավվում է, սակայն անելիքներ դեռ կան: Հիմնական զբոսաշրջային փոխադրամիջոցը օդային տրանսպորտն է: Հայաստանում բավականին զարգացած է հանրային սննդի համակարգը: Զվարճությունների արդյունաբերության բնագավառում ավանդական են թանգարաններ, տեսարժան և պատմամշակութային վայրեր այցելություններն ու տարաբնույթ էքսկուրսիաները, փառատոնները: Ավելի մեծ բազմազանություն ապահովելու առումով այստեղ նկատվում են դրական տեղաշարժեր: Արագ զարգանում են ծառայությունների վաղօրոք ամրագրման ցանցերը, որոնք նպաստում են զբոսաշրջիկների թվի աճին:

Հայաստանը հարուստ է բնական և պատմաճարտապետական հուշարձաններով, որոնք հնարավորություններ են ընձեռել զարգացնել զբո-

---

[1] Հյուրանոցային տնտեսության օբյեկտները ներառում են հյուրանոցները, հյուրանոցատիպ հանգրվանները, հյուրատները, առողջարանները, հանգստյան տները և այլն:

սաշրջության պատմամշակութային ուղղությունը, սակայն զբոսաշրջիկներին չներկայացված դեռևս մեծ ներուժ կա: Հայկական զբոսաշրջային համակարգի մրցունակության բարձրացման կարևոր գործոն է զբոսաշրջության առողջարանային ուղղությունը, քանի որ առկա են հարուստ պատմություն և ավանդույթներ ունեցող այնպիսի առողջարանային վայրեր, ինչպիսիք են Արզնին, Դիլիջանը, Ջերմուկը, Աղվերանը: Գնային ճկուն ու մատչելի համակարգի և որակյալ ծառայությունների մատուցման շնորհիվ շատերը գալիս են Հայաստան նաև պլաստիկ վիրահատությունների և ատամնաբուժության համար: Վերջին տարիներին Հայաստանում արագ զարգանում է գործարար զբոսաշրջությունը, որը զբոսաշրջության ամենաեկամտաբեր ուղղություններից է, իսկ որպես քրիստոնեությունը պետական կրոն ընդունած առաջին երկիր՝ հետաքրքրական է նաև կրոնական զբոսաշրջության տեսանկյունից՝ ընդգրկելով շուրջ 1051 քրիստոնեական հուշարձան: Հայաստանն իր բնության գրավչությունների շնորհիվ կարող է զգալի օգուտ քաղել արկածային զբոսաշրջությունից, քանի որ հարուստ է էկզոտիկ վայրերով, իսկ լեռնային բնաշխարհը հնարավորություն է տալիս զբոսաշրջիկներին զբաղվել գործունեության անսովոր ձևերով: ՀՀ կառավարության կողմից վերջին տարիներին իրականացվող ծրագրերը հույս են ներշնչում, որ մոտ ապագայում ագրոզբոսաշրջությունը ևս կդառնա առաջատար ուղղություններից մեկը՝ զբոսաշրջիկներին հրապուրելով բացառապես բնական մթերքներով, ավանդական հայկական միջավայրով, գինեգործարաններով, պանրի և կաթի արտադրություններով, պտղատու այգիներով և այլն: Հիմք ընդունելով այն, որ Հայաստանում վանքերը մեծ մասամբ կառուցված են բնակության վայրերից հեռու, հիասքանչ բնության գրկում և, միաժամանակ, Հայաստանում գործում է 4 ազգային պարկ, 3 պետական արգելոց, 26 արգելավայր և 5 բուսաբանական այգի՝ կարող ենք ասել, որ երկիրը տարածաշրջանում կարող է հավակնել էկոզբոսաշրջության ամենաբարենպաստ գոտիներից մեկը դառնալուն:

ՀՀ Զբոսաշրջության կոմիտեի հրապարակած տվյալներով 2019 թ. Հայաստան ժամանող զբոսաշրջիկների թվում մոտ 31%-ը սփյուռքահայեր են, 69%-ը՝ օտարերկրացիներ: Զբոսաշրջիկների գրեթե կեսին Հայաստանում գրավում է պատմամշակութային տուրիզմը, 19%-ին՝ Հայաստանի բնությունը, իսկ 16%-ը գալիս է ժամանցի համար: Գործարար, արկածային և առողջարանային զբոսաշրջություն նախընտրում են ընդհանուրի 13%-ը, իսկ 3%-ը Հայաստան է գալիս երկարատև զբոսաշրջության [4]:

Միջազգային զբոսաշրջությունը համարվում է տնտեսական աճի պոտենցիալ ռազմավարական գործոն: Կան մի շարք փորձառական (էմպիրիկ) հետազոտություններ, որոնցում ուսումնասիրվել է զբոսաշրջային ոլորտի ազդեցությունը երկրի տնտեսական աճի վրա: Զբոսաշրջային պահանջարկի (զբոսաշրջիկների մուտքերի թվի) փորձառական (էմպիրիկ) հետազոտություններ են կատարվել Մ. Սանտանա-Գալլեգոյի և համահեղինակների [5], Ու. Գանթերի և Ի. Օնդերի [6], Թ. Ֆամի և համահեղինակների [7] կողմից: Մոդելներում որպես զբոսաշրջային պահանջարկի վրա ազդող հիմնական գործոններ են դիտարկվել մեկ շնչի հաշվով եկամուտը զբոսաշրջիկի ծագման երկրում, հարաբերական գները ծագման և հյուրընկալող երկրներում, փոխարժեքները, տրանսպորտային ծախսերը և զբոսաշրջային ենթակառուցվածքները: Է. Ֆերնանդեսի և համահեղինակների կատարած հետազոտությունը բացահայտում է Բրազիլիայում զբոսաշրջության, առևտրի և արժութային գնողունակության միջև առկա պատճառահետևանքային կապը և գնահատում նորարարությունների ազդեցությունը դրանց վրա [8]: Զբոսաշրջային ոլորտի ազդեցությունը երկրի ՀՆԱ-ի վրա հետազոտվել է Ֆ. Մանզուրի և համահեղինակների [9] կողմից Պակիստանի համար, Թ. Ռենի և համահեղինակների [10] կողմից միջերկրածովյան երկրների համար: Այս թեմայի վերաբերյալ ուշագրավ աշխատանքներից է Զ. Բրիդայի և համահեղինակների հետազոտությունը Մեքսիկայի համար, որտեղ ներկայացվում է զբոսաշրջության ազդեցությունը երկարաժամկետ տնտեսական աճի վրա [11]:

Հայ տնտեսագետներից զբոսաշրջության ոլորտին նվիրված հետազոտություններ են կատարել Յու. Մ. Սուվարյանը և համահեղինակները՝ բացահայտելով Հայաստանում զբոսաշրջության մրցունակության գերակայությունները [12]:

Մեր կողմից կատարված հետազոտությունում օգտագործված վերլուծությունները կատարվել են ՀՀ իրական ՀՆԱ՝ մլն ՀՀ դրամ (GDP), սպառողական գների ինդեքս (CPI), անվանական փոխարժեք՝ դրամ/ԱՄՆ դոլար (EXR), անվանական արդյունավետ փոխարժեք (NRATEC), իրական արդյունավետ փոխարժեք (RRATEC), զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտ՝ մլն ԱՄՆ դոլար (TINC) փոփոխականների 1996-2018 թթ. եռամսյակային ժամանակային շարքերի հիման վրա [13]:

Փոփոխականների կոռելյացիոն մատրիցը (աղյուսակ 1) վկայում է, որ զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտը ուժեղ դրական կոռելյացիոն կապ ունի ՀՆԱ-ի և անվանական արդյունավետ փոխարժեքի հետ և հարաբերականորեն ուժեղ դրական կապ՝ իրական արդյունավետ փոխար-

ժեքի հետ: Զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտ-անվանական փոխարժեք կապը ուժեղ հակադարձ է:

Աղյուսակ 1. Փոփոխականների կոռելյացիոն մատրիցը

	CPI	DEFL	EXR	GDP	NRATEC	RRATEC	TINC
CPI	1.000000	0.227157	-0.268521	0.081211	0.167402	0.258813	0.249225
DEFL	0.227157	1.000000	-0.027247	-0.213832	-0.371781	-0.114804	-0.190267
EXR	-0.268521	-0.027247	1.000000	-0.739558	-0.803193	-0.807102	-0.774049
GDP	0.081211	-0.213832	-0.739558	1.000000	0.763157	0.520916	0.918233
NRATEC	0.167402	-0.371781	-0.803193	0.763157	1.000000	0.799320	0.766381
RRATEC	0.258813	-0.114804	-0.807102	0.520916	0.799320	1.000000	0.609796
TINC	0.249225	-0.190267	-0.774049	0.918233	0.766381	0.609796	1.000000

Հետազոտության համար օգտագործվել է վեկտորական ավտոռեգրեսիայի (VAR) մոդելը, որը պահանջում է մոդելի փոփոխականների ստացիոնարություն: Ստացիոնարությունը ստուգելու նպատակով կիրառվել է ընդլայնված Դիկի-Ֆուլերի (ADF) միավոր արմատ թեստը, համաձայն որի սպառողական գների ինդեքս և ՀՆԱ դեֆլյատոր ժամանակային շարքերը I(0) գործընթացներ են (ստացիոնար են), իսկ իրական ՀՆԱ, անվանական փոխարժեք, անվանական արդյունավետ փոխարժեք, իրական արդյունավետ փոխարժեք և զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտ շարքերը՝ I(1) գործընթացներ (ստացիոնար են դառնում առաջին կարգի տարբերությունները դիտարկելու դեպքում):

ՀՀ զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտ-ՀՆԱ փոխազդեցությունների ու փոփոխականների վրա շոկերի ազդեցության գնահատման նպատակով կիրառվել է VAR մոդել: Երկու էնդոգեն փոփոխականների համար մոդելը ներկայացվում է հետևյալ հավասարումներով.

$$Y1_t = \alpha_1 + \sum_{j=1}^{k} \beta_{1j} Y1_{t-j} + \sum_{j=1}^{k} \delta_{1j} Y2_{t-j} + \sum_{k=1}^{K} \gamma_{1k} X_k + u_{1t}$$

$$Y2_t = \alpha_2 + \sum_{j=1}^{k} \beta_{2j} Y1_{t-j} + \sum_{j=1}^{k} \delta_{2j} Y2_{t-j} + + \sum_{k=1}^{K} \gamma_{2k} X_k + u_{2t},$$

որտեղ $Y1_t$-ն և $Y2_t$-ն էնդոգեն փոփոխականներ են, X_k-ն՝ էկզոգեն: Ենթադրվում է, որ u_{1t}-ն և u_{2t}-ն «սպիտակ աղմուկ» գործընթացներ են:

Իրական ՀՆԱ, սպառողական գների ինդեքս, անվանական փոխարժեք, անվանական արդյունավետ փոխարժեք, իրական արդյունավետ փոխարժեք, զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտ փոփոխականներով

կառուցվել են կայունության պայմանին բավարարող[2] վեկտորական ավտոռեգրեսիայի տարբեր մոդելներ: Կայունությունն ապահովում է մոդելի հավասարակշռված վիճակը, այսինքն մոդելի փոփոխականների միջև կայուն կապերի առկայությունը: Աքայկեի (AIC) ու Շվարցի (SIC) տեղեկատվական չափանիշների հիման վրա ընտրվել է լավագույն VAR մոդելը, որում էնդոգեն փոփոխականներն են իրական ՀՆԱ-ն, անվանական փոխարժեքը և զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտը: Իրական ՀՆԱ և զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտ շարքերն ունեն սեզոնայնություն, այդ պատճառով հարթեցվել են: Մոդելում բոլոր փոփոխականները դիտարկվել են ստացիոնար դարձրած, իրական ՀՆԱ-ն և զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտը դիտարկվել են լոգարիթմած արժեքներով:

Գրենջերի (Granger Causality) թեստի արդյունքների համաձայն՝ ՀՀ իրական ՀՆԱ և զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտ փոփոխականների միջև առկա է միակողմանի պատճառականություն: Զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտը ըստ Գրենջերի իրական ՀՆԱ-ի փոփոխության պատճառ է նշանակալիության 1% մակարդակում, սակայն իրական ՀՆԱ-ն զբոսաշրջությունից ստացվող եկամտի փոփոխության պատճառ չէ:

Դիտարկվող վեկտորական ավտոռեգրեսիայի մոդելի համար FPE, LR և AIC չափանիշների հիման վրա ընտրվել է 2-րդ լագը: Մոդելը ներկայացվում է իրական ՀՆԱ, անվանական փոխարժեք և զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտ էնդոգեն փոփոխականների երեք հավասարումներով, որոնցից ներկայացվում է միայն ՀՆԱ-ի հավասարումը՝ լինելով հետազոտության հիմնական նպատակից:

$$d(ln(gdp_sa))_t = 0{,}095d(ln(tinc_sa))_{t-1} + 0{,}068d(ln(tinc_sa))_{t-2} - 0{,}357d(ln(gdp_sa))_{t-1} - 0{,}251d(ln(gdp_sa))_{t-2} - 0{,}198d(exr))_{t-1} + 0{,}109d(exr))_{t-2} + 0{,}031 + e_t$$

Աղյուսակ 2. VAR մոդելի ՀՆԱ փոփոխականի հավասարման արդյունքները

Dependent Variable: D(LOG(GDP_SA))
Method: Least Squares
Sample (adjusted): 1996Q4 2018Q3
Included observations: 88 after adjustments
D(LOG(GDP_SA)) = C(8)*D(LOG(TINC_SA(-1))) + C(9)*D(LOG(TINC_SA(

[2] Մոդելի բոլոր բնութագրիչ արմատները բացարձակ արժեքով փոքր են մեկից:

-2))) + C(10)*D(LOG(GDP_SA(-1))) + C(11)*D(LOG(GDP_SA(-2))) + C(12)*D(LOG(EXR(-1))) + C(13)*D(LOG(EXR(-2))) + C(14)

	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C(8)	0.094539	0.047198	2.003037	0.0485
C(9)	0.067774	0.046853	1.446511	0.1519
C(10)	-0.356693	0.109219	-3.265852	0.0016
C(11)	-0.251001	0.109992	-2.281982	0.0251
C(12)	-0.197780	0.239773	-0.824863	0.4119
C(13)	0.108949	0.232169	0.469268	0.6401
C(14)	0.031337	0.008669	3.614815	0.0005

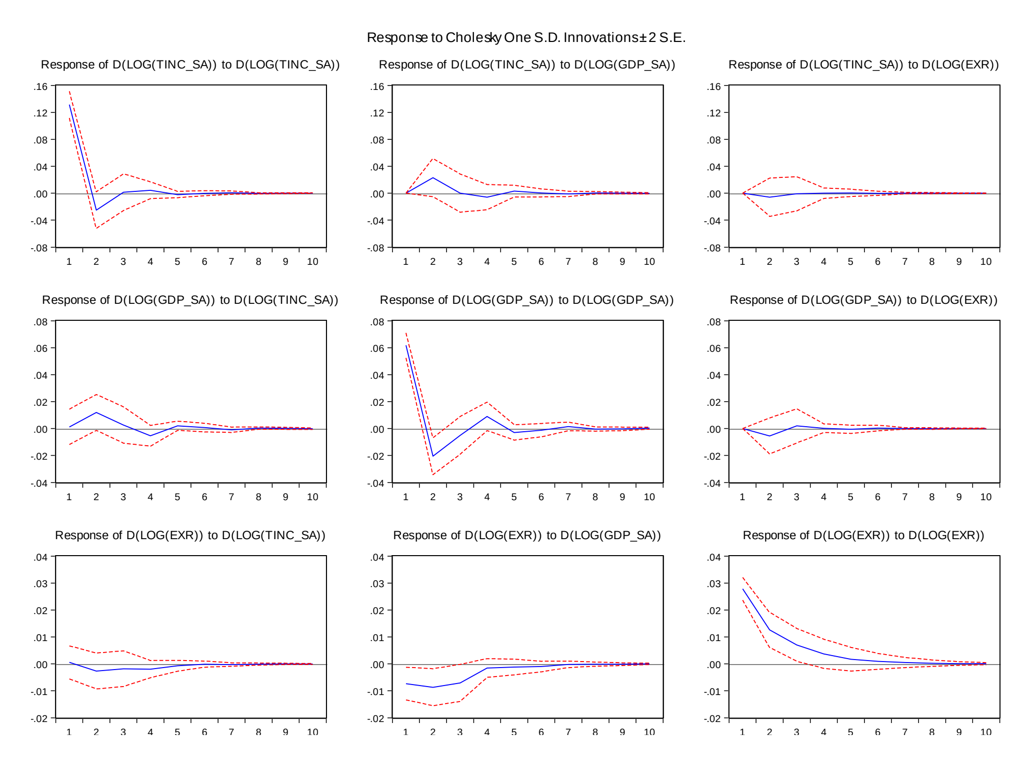
R-squared	0.169750	Mean dependent var	0.024201
Adjusted R-squared	0.108250	S.D. dependent var	0.065387
S.E. of regression	0.061747	Akaike info criterion	-2.655344
Sum squared resid	0.308827	Schwarz criterion	-2.458283
Log likelihood	123.8351	Hannan-Quinn criter.	-2.575953
F-statistic	2.760161	Durbin-Watson stat	1.995962
Prob (F-statistic)	0.017153		

ՀՆԱ-ի հավասարման արդյունքների հիման վրա կարող ենք ասել, որ մոդելում ներառված փոփոխականների միասնական ազդեցությունը ՀՆԱ-ի վրա վիճակագրորեն նշանակալի է (Prob(F-statistic)=0.017): Այդ փոփոխականներով բացատրվում է իրական ՀՆԱ-ի հավելաճի տեմպի փոփոխության 10,83%-ը: Դարբին–Ուաթսոնի վիճակագիրը վկայում է հավասարման մնացորդների ավտոկոռելացված չլինելու մասին: Նախորդ եռամսյակի զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտը նշանակալիության 5% մակարդակում վիճակագրորեն նշանակալի դրական ազդեցություն ունի ՀՆԱ-ի վրա: Զբոսաշրջությունից ստացվող եկամտի հավելաճի տեմպի՝ d(ln(tinc_sa))-ի, 1% աճը, այլ հավասար պայմաններում, մեկ եռամսյակ հետո հանգեցնում է իրական ՀՆԱ-ի հավելաճի տեմպի՝ d(ln(gdp_sa))-ի, ավելացմանը 0,1%-ով (աղյուսակ 2):

Վեկտորական ավտոռեգրեսիայի մոդելի զբոսաշրջությունից ստացվող եկամուտ, ՀՆԱ և անվանական փոխարժեք էնդոգեն փոփոխականների վրա շոկերի ազդեցության դինամիկան վկայում է, որ սեփական շոկի մեկ ստանդարտ շեղում աճի արդյունքում այդ փոփոխականները ստանում են դրական շոկ, որը տարածվում է մոդելում՝ ազդելով մյուս փոփոխականների վրա, և ժամանակի ընթացքում նվազում (գծապատկեր 2):

ՀՀ ՀՆԱ-ի վրա շոկերի ազդեցությունների հետազոտությունը վկայում է, որ կարճաժամկետում (3-րդ եռամսյակում) շոկերով պայմանավորված ՀՆԱ-ի տատանումների 95,87%-ի պատճառը սեփական շոկն է, 3,36%-ինը՝

գրասաշրջության շոկը, 0,77%-ինը՝ անվանական փոխարժեքի շոկը: Երկարաժամկետում (10-րդ եռամսյակում) ՀՆԱ-ի սեփական շոկի ազդեցությունը փոքրանում է մինչև 95,22%, զբոսաշրջության շոկինը՝ աճում մինչև 4,02%, անվանական փոխարժեքի շոկինը՝ նվազում մինչև 0,76%: Նույն կարգի արդյունքներ ստանում ենք մյուս փոփոխականների համար:

Գծապատկեր 2. Էնդոգեն փոփոխականների շոկերի ազդեցության գրաֆիկները:

Այսպիսով, Հայաստանում զբոսաշրջության ոլորտի մրցունակության և զարգացման հեռանկարային ուղղությունների ուսումնասիրությունը ցույց տվեց, որ ՀՀ զբոսաշրջության ոլորտը իրական զարգացման մեծ ներուժ, հետևաբար նաև COVID-19 համավարակի հետևանքով առաջացած ոլորտի ճգնաժամի հաղթահարման մեծ հնարավորություններ ունի:

VAR մոդելի կիրառմամբ բացահայտվեց, որ զբոսաշրջությունից ստացվող եկամտի հավելաճի տեմպի 1% աճը այլ հավասար պայմաններում մեկ եռամսյակ հետո հանգեցնում է տնտեսական աճի տեմպի 0,1% ավելացման: Փորձառական հետազոտությամբ ստացված այս գնահատականը փաստում է, որ զբոսաշրջությունը Հայաստանի տնտեսական աճի ապահովման կարևոր ոլորտներից է և զբոսաշրջության զար-

գացումը նշանակալի դեր ունի Հայաստանի տնտեսության զարգացման գործում:

Ստացված գնահատականը հիմք կարող է հանդիսանալ կանխատեսումներ կատարելու և մակրոտնտեսական արդյունավետ քաղաքականություն մշակելու համար:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Travel and Tourism, Global Economic Impact and Trends 2020, June 2020 // World Travel and Tourism Council.
2. Զբոսաշրջության կոմիտե, ոլորտի վիճակագրություն https://www.mineconomy.am/page/89:
3. https://wttc.org/News-Article/WTTC-now-estimates-over-100-million-jobs-losses-in-the-Travel-&-Tourism-sector-and-alerts-G20-countries-to-the-scale-of-the-crisis
4. https://www.mineconomy.am/media/12055/hamativ.pdf
5. Զբոսաշրջության կոմիտե, ոլորտի վիճակագրություն https://www.mineconomy.am/page/89:
6. *Santana-Gallego M., Ledesma-Rodríguez F.J., Pérez-Rodríguez J.V.* International trade and tourism flows: An extension of the gravity model/ Economic Modelling, Volume 52, Part B, 2016, pp. 1026-103.
7. *Gunter U., Önder I..* Forecasting international city tourism demand for Paris: Accuracy of uni- and multivariate models employing monthly data /Tourism Management, Volume 46, 2015. PP. 123–135.
8. *Pham T.D., Nghiem S., Dwyer L..* The determinants of Chinese visitors to Australia: A dynamic demand analysis /Tourism Management, Volume 63, 2017. PP. 268–276.
9. *Fernandes E., Pacheco R.R., Fernandes V.A..* Tourism openness, trade openness, and currency purchasing power in Brazil: A causality analysis /International Journal of Tourism Research. November/December 2018. Volume 20, Issue 6, pp.197-205.
10. *Manzoor F., Wei L., Asif M., Zia ul Haq M., Rehman H*. The Contribution of Sustainable Tourism to Economic Growth and Employment in Pakistan /International Journal of Environmental Research, Public Health. 2019 Oct; 16(19): 3785.
11. *Ren T., Muhlis M., Paramati S., Fang J.,Wu W.* The Impact of Tourism Quality on Economic Development and Environment: Evidence from Mediterranean Countries /MDPI, 17 April 2019.
12. *Brida J.G., Carrera E., Risso W. A.* Tourism’s Impact on Long-Run Mexican Economic Growth, 2008.
13. *Սուվարյան Յու.Մ.* Զբոսաշրջության մրցունակությունը և զարգացման ուղղությունները Հայաստանի Հանրապետությունում: Երևան, 2014:
14. https://www.armstat.am/am/?nid=202, Տվյալների բազաներ, Ազգային հաշիվներ, եռամսյակային ցուցանիշներ:

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ТУРИЗМА НА ВВП РА И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ

А.А. Харатян, В.И. Тигранян, А.О. Лазарян

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что до 2020 года туризм был одним из динамично развивающихся и прибыльных секторов мировой экономики. Однако вспышка пандемии COVID-19 остановила экспансию туризма, и сектор вошел в определенный цикл. В 2019 году внедрение туризма в мировом ВВП составил 10,3%, который обеспечил 10% общей занятости (330 миллионов рабочих мест) или каждое четвертое новое рабочее место. В глобальном масштабе среднегодовые темпы роста ВВП туризма за последние 9 лет составляли 3,5%, что превышает темпы роста мирового ВВП, который составил 2,5%.

Годовые темпы роста ВВП туристического сектора в РА в 2019 году превысили аналогичный мировой показатель, составив 4,7%. В 2019 году Армению посетило 1894377 туристов, что на 14,7% больше, чем в предыдущем году, в 2018 году – 1 651 782 туриста, что на 10,5% больше, чем в предыдущем году. Количество туристов, посетивших Армению в 2005–2019гг. увеличилось с 318 000 до 1 894 377 за отчетный период.

В настоящее время большинство стран, включая Армению, осознают решающую роль туризма в восстановлении экономик после успешной борьбы с пандемией COVID-19. Ряд туристических направлений в Армении имеет реальный потенциал развития. Модернизация инфраструктуры и услуг, связанных с гостиничным бизнесом, транспортной системой, индустрией развлечений и сетями бронирования туристических услуг, даст возможность преодолеть кризис в этом секторе.

Цель исследования – изучить конкурентоспособность туристического сектора Армении, перспективные направления развития, а также количественно оценить влияние туризма на экономические показатели Республики Армения.

Армения богата природными и историческими памятниками, которые предоставили возможность для развития историко-культурного направления туризма, но все еще есть большой потенциал, не представленный туристам. Для повышения конкурентоспособности туристической системы Армении важным фактором является курортное направление, так как здесь есть курорты с богатой историей и традициями – такие, как Арзни, Дилижан, Джермук, Агверан. Благодаря гибкой и доступной системе цен и оказанию качественных услуг, многие туристы приезжают в Армению для проведения разных, в основном пластических операций и лечения зубов. В последние годы в Армении стремительно развивается деловой туризм, который является одним из самых прибыльных туристических направлений. Будучи первой страной, принявшей христианство в качестве государственной

религии и имея около 1051 христианских памятников, Армения интересна и с точки зрения религиозного туризма. Благодаря своим природным достопримечательностям Армения может значительно «выиграть» в сфере приключенческого туризма, так как она богата экзотическими местами, и горная природа позволяет туристам заниматься приключенческими мероприятиями. Программы, реализуемые правительством Армении в последние годы, вселяют надежду, что в ближайшем будущем агротуризм тоже станет одним из ведущих направлений, привлекая туристов исключительно экологически чистыми продуктами, традиционной армянской средой, винодельнями, производством сыра и молока, фруктовыми садами и т.д. Исходя из того, что монастыри в Армении в основном построены вдали от мест проживания, в живописных местах природы, когда в Армении есть 4 национальных парка, 3 государственных заповедника, 26 заповедников и 5 ботанических садов, можно сказать, что страна может претендовать на звание одной из самых благоприятных зон экологического туризма в регионе.

В нашем исследовании использовался анализ реального ВВП Республики Армения – млн. драмов (GDP), индекса потребительских цен (CPI), номинального обменного курса – AMD/USD (EXR), номинального эффективного обменного курса (NRATEC), реального эффективного обменного курса (RRATEC), доход от туризма – млн. долларов США (TINC) переменные 1996–2018гг. на основе квартальных временных рядов.

Корреляционная матрица переменных показывает, что доход от туризма имеет положительную корреляцию с ВВП и номинальным эффективным обменным курсом и относительно сильную положительную корреляцию с реальным эффективным обменным курсом. Доход – номинальный обменный курс, является связью, получаемый от туризма, абсолютно обратный.

Для исследования использовалась модель векторной авторегрессии (VAR), которая требует стационарности переменных модели. Для проверки стационарности использовался расширенный тест Дикки-Фуллера (ADF) на единичный корень.

С переменными реального ВВП, индекса потребительских цен, номинального обменного курса, номинального эффективного обменного курса, реального эффективного обменного курса, доходов от туризма построены различные модели векторной авторегрессии, удовлетворяющие условиям устойчивости. Была выбрана лучшая VAR-модель, в которой эндогенными переменными являются реальный ВВП, номинальный обменный курс и доход от туризма.

Согласно результатам теста причинно-следственной связи Грейнджера (Granger Causality), среди переменных реального ВВП Республики Армения и дохода от туризма существует односторонняя причинно-следственная связь. По Грейнджеру, доходы от туризма являются причиной изменения реального ВВП на уровне значимости 1%, но реальный ВВП не является причиной изменения доходов от туризма.

Для модели наблюдаемой векторной авторегрессии было выбрано 2-е отставание на основе критериев FPE, LR и AIC. Модель представлена тремя уравнениями эндогенных переменных: реальный ВВП, номинальный обменный курс, доходы от туризма, из которых представлено только уравнение ВВП, исходя из основной цели исследования. Доходы от туризма в предыдущем квартале оказали статистически значимое положительное влияние на ВВП на уровне 5% значимости. Увеличение на 1% темпов прироста доходов от туризма, на равных условиях через один квартал приведет к увеличению темпов прироста реального ВВП на 0,1%.

ВВП, доходы от туризма и номинальный обменный курс получают положительный шок от увеличения на одно стандартное отклонение собственного шока, который распространяется в модели и уменьшается со временем.

Исследование влияния шоков на ВВП РА показывает, что в краткосрочном периоде (в третьем квартале) колебаний ВВП из-за собственного шока составляет 95,87%, из-за шока туризма – 3,36%, и 0,77% колебаний объясняется шоком номинального обменного курса. В долгосрочном периоде (в 10 квартале) влияние собственного шока ВВП снижается до 95,22%, шок туризма увеличивается до 4,02%, шок номинального обменного курса снижается до 0,76%.

Таким образом, исследование конкурентоспособности и направлений развития туристического сектора Армении показало, что туристический сектор Республики Армения имеет большой потенциал для реального развития, следовательно, он имеет большие возможности для преодоления кризиса, вызванного эпидемией COVID-19.

Ключевые слова: эпидемия COVID-19, туризм, ВВП, туристические направления, векторная модель авторегрессии, шоки эндогенных переменных.

ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF TOURISM ON GDP OF THE REPUBLIC OF ARMENIA AND PROSPECTIVE DIRECTIONS OF ITS DEVELOPMENT

A. Kharatyan, V. Tigranyan, A. Lazaryan

ABSTRACT

The competitiveness of the tourism sector in Armenia and the perspective directions of its development have been studied.Vector Autoregression (VAR) model is used to estimate the real effects and shocks tourism revenues, real GDP and nominal exchange rate variables in Armenia. A quantitative assessment of the impact of tourism income on Armenia's GDP is the basis for substantiating the decisive role of tourism in the development of the Armenian economy; as well as this, it enables forecasts and development of an effective macroeconomic policy.

Keywords: COVID-19 epidemic, tourism, GDP, travel destinations, autoregressive vector model, shocks of endogenous variables.

УДК 35.354 Поступила: 17.07.2020г.
Сдана на рецензию: 20.07.2020г.
Подписана к печати: 04.08.2020г.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А.А. Аветян, А.А. Арутюнян

Российско-Армянский университет
armavetian@mail.ru, an.harutyunyan.2000@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассмотрены основные направления использования современных технологий в государственном управлении. Осуществлен системный и сравнительный анализ международного опыта в данной отрасли. Изучены основные приоритетные направления развития современной системы государственного управления. Особое внимание уделяется представлению роли информационных технологий в процессе развития современной системы государственного управления.

Ключевые слова: Блокчейн, Интернет вещей, информационно-коммуникационные технологии.

В XXIв. проводимые административные реформы требуют модернизации всей системы государственного управления, что позволит оптимизировать и достигать максимальной эффективности государственного управления. Данные административные реформы обусловлены тем, что в современном мире потребности общества резко увеличились как количественно, так и качественно, а государственные органы и должностные лица должны успевать удовлетворять потребности всего общества. Исходя из этого, возникает потребность в более эффективных и рациональных механизмах государственного управления, что привело к созданию т.н. «электронного правительства». Применение «электронного правительства» позволяет быстрыми темпами осуществить сбор информации в обществе, а также позволяет очень быстро распространять информацию государственных органов.

Произошедшее в конце XX века информационная революция дала возможность переосмыслить роль и значение информационных технологий в государственном управлении. Они позволили органам государственной власти отойти от парадигмы «жесткого мышления» в государственном управлении. Со времен Макса Вебера в рамках этой парадигмы государственное

управление представляло собой регламентированную сверху донизу иерархическую организацию линейно-функционального типа с четким определением функций каждой должностной категории [1].

Таким образом, развитие информационных технологий образует новую парадигму государственного управления, основанного на новых научно-технологических парадигмах. Они играют огромную роль в современном государственном управлении и формирует новый тип властной структуры – информационное государство, основным инструментом управления которого являются информационные технологии и коммуникация.

Общество, в котором функционирует информационное государство, характеризуется аналогичным термином «информационное», которое выходит за пределы отдельных национальных государств. Важную роль в формировании и развитии информационного общества имел прошедшие в 2003г. и в 2005г. Всемирные саммиты по информационному обществу, в результате чего представители 175 стран приняли декларацию «Построение информационного общества как основная задача в новом тысячелетии», а также план ее развития.

В современном информационном мире престиж и политический вес государств на международной арене зависят как от экономических возможностей и военных сил страны, так и от определенных информационных факторов, которые включают:

- приемлемое использование интеллектуальных возможностей своего народа и других стран;
- возможность применять информационные технологии;
- эффективность и безопасность применяемых информационных технологий;
- доля применения информационных технологий в процессе государственного управления.

Информационная революция дала возможность государственным органам пользоваться таким важным ресурсом, как сеть информационных потоков, которая изменила все главные обязательства государственной власти. В результате информационной революции возникла виртуальная «четвертая государственная власть» – средства массовой информации, которые по степени влияния на общество и по степени оперативности превзошли другие три ветви власти. Сегодня многие информационные политические технологии функционируют под следующим девизом: «То, что не показали по ТВ, вообще не происходило в политике» [2].

Использование информационных технологий имеет как прямой эффект, так и косвенный в государственном управлении:

1. Прямой эффект заключается в следующем:
   - экономия площади, используемая для хранения документов;
   - более эффективный и быстрый информационный процесс;
   - сокращение времени, направленного на осуществление операций с документами.
2. Косвенный эффект заключается в следующем:
   - увеличение уровня и качества принимаемых решений;
   - увеличение степени доверия населения к государственным органам;
   - снижение затрат на обеспечение деятельности государственных органов.

Информационно-коммуникационные технологии (далее: ИКТ) дали возможность органам государственной власти усовершенствовать систему социальной политики. Применение ИКТ потребовало создание новой концепции «электронного правительства». Например, в результате применения технологии «электронного правительства» в Южной Корее произошло снижение уровня коррупции на 4 пункта с 2016г., в результате чего страна сегодня занимает 45-ое место в мире по индексу восприятия коррупции [3].

Важным моментом информационных технологий в государственном управлении является защита информации от искажений в каналах связи от деструктивных воздействий, и от преступного проникновения в информационную сеть. Для того чтобы создавать мощные информационные сети необходимо обеспечить безопасность применяемых технологий. Защитники права и средства массовой информации постоянно настаивают на том, что при использовании компьютеров со стороны силовых ведомств может возникнуть опасность утраты права человека на тайну личной жизни, а также говорят о возможности применения компьютерных баз данных в репрессивных целях. Для защиты информации используются разные методы, в числе которых: защита доступа к аппаратуре, идентификация пользователей, проверка обязанностей, упорядочение, архивирование и т.д.

Таким образом, в современном постиндустриальном обществе информация становится стратегическим ресурсом, а информационные технологии являются одним из инструментов повышения эффективности государственного и муниципального управления [4]. Информационные технологии и коммуникация между органами государственной власти и гражданами играют важную роль в развитии системы государственного управления. Основным ори-

ентировочным звеном инноваций в государственном управлении в развитых европейских странах является качество предоставляемых государственных услуг.

Модернизация государственного управления представляет собой некую «гонку» против стремительного развития инновационных технологий. Несмотря на значительный рост цифровых публичных услуг, технологические инновации – такие, как блокчейн, искусственный интеллект, Интернет вещей, смешанная реальность, анализ больших данных, а также связанные с ними бизнес-модели, в настоящее время недостаточно приняты в государственном секторе.

Блокчейн-технологии представляют собой последовательность блоков, разделяемых между участниками посредством пиринговых, одноранговых сетей, то есть на основе равноправия участников. Каждый из данных блоков включает временную хэш-сумму, которая представляет собой некий отпечаток пальцев. Эти блоки хранятся практически у всех участников данной сети. Если хотя бы один из участников попытается обмануть Сеть, меняя какие-либо данные, система обращается к другим версиям данной системы, находящихся у остальных участников, и отвергает данные изменения из-за несоответствия с другими сетями. Блокчейн фиксирует информацию раз и навсегда, удалить/скорректировать персональные данные не представляется возможным [5].

Изначально блокчейн-технологии использовались для построения биткоинов. Но многочисленные исследования показывают, что, кроме построения биткоинов, блокчейн можно использовать и для других направлений, в том числе и в государственном секторе. Применение блокчейн-технологий в государственном секторе может значительным образом снизить расходы на предоставляемые государственные услуги и обеспечить прозрачность государственного управления, таким образом упрощая взаимодействие между государственным аппаратом и обществом. В сфере государственного и муниципального управления наиболее эффективным применением блокчейн-технологий могут стать следующие направления [6]:

- формирование единого реестра, содержащего историю размещения государственного, муниципального заказа, а также закупок корпораций с государственным участием и/или контролем (в первую очередь, в части надежной и неизменной оценки поставщиков);

- реестры документов (дипломы, утерянные и дезавуированные паспорта, полисы страхования движимого и недвижимого имущества, здоровья и т.д.);
- базы данных судебных решений и исполнительных производств;
- порталы общественного участия граждан в делах района-города-страны.

Преимуществами блокчейна в государственном управлении являются:

1. доверие граждан;
2. защита конфиденциальных данных;
3. снижение затрат и повышение эффективности;
4. повышение прозрачности деятельности через границы и юрисдикции.

Сегодня многие эксперты сравнивают технологию блокчейн с ранними временами Интернета, когда никто не знал, что с ним делать. Однако за удивительно короткий период Интернет стал центральной частью как деловой, так и общественной жизни.

Блокчейн-технологии также помогают правительству восстановить доверие общества. Применение блокчейн-технологий в государственном реестре дает возможность избежать коррупции и взяток в данной сфере. Сегодня данный опыт применяет Грузия. В блокчейн-системе страны хранятся примерно 200,000 записей о правах на земельные участки. Применение блокчейна в государственном реестре позволяет защитить систему от несанкционированного доступа, а также является открытой для любого человека, кто хочет просмотреть записи. Потребность в данной технологии в Грузии возникла еще в постсоветский период, когда чиновники были обвинены в манипуляции с записями в государственном реестре. А применение данной технологии дало возможность очистить репутацию правительства Грузии. И на данный момент правительство рассматривает варианты внедрения блокчейна и в других отраслях.

Благодаря внедрению и использованию технологии блокчейн против коррупции Грузия в 2018г. смогла выйти на 41 место по индексу восприятия коррупции [7].

«Электронная Эстония» является сегодня самым амбициозным проектом в области технологического государственного управления, поскольку в него входят все члены правительства, и он меняет повседневную жизнь граждан. Нормальные услуги, которыми занимается правительство, – такие, как законодательство, голосование, образование, правосудие, здравоохранение,

банковское дело, налоги, полицейская деятельность и т.д., связаны в цифровой форме через одну платформу, соединяя всю страну.

Используя блокчейн в качестве основы для удивительного уровня оцифровки (в настоящее время 99% всех государственных служб Эстонии находятся в режиме онлайн), службы функционируют на обязательных идентификационных картах, использующих систему инфраструктуры открытых ключей. При этом пользователи аутентифицируют себя одним PIN-кодом и подтверждают другим. Гражданам Эстонии необходимо предоставить данные только один раз, а затем они сохраняются в несмываемом блокчейне.

Оцифровка этих процессов наиболее эффективно показывает, чего можно достичь при правильных условиях: Эстония получила независимость от распадающегося Советского Союза в 1991 году, и уже к 1997 году 97% школ перешли в онлайн- режим. Эта быстрая цифровизация стала чем-то большим, чем способ отделить Эстонию от соседей, она также стала средством показать эстонскому народу, что, благодаря расширению доступа и взаимодействию со своим правительством, они могут повлиять на значительные и значимые изменения в своей стране.

В 2016 году правительство Эстонии искало инновационные способы обеспечения медицинских записей для своих 1,3 миллиона жителей, и первой во всем мире начала использовать блокчейн для здравоохранения в национальном масштабе. В 2016 году «Эстонский фонд электронного здравоохранения» запустил проект развития, направленный на сохранение медицинских карт пациентов с использованием технологии блокчейна в архивах связанных журналов деятельности. Это не медицинские записи, которые защищены с помощью блокчейна, а файлы журналов, в которых записаны все операции обработки данных, выполненные с этими записями. Защита такой конфиденциальной информации о здоровье – только часть цели.

Интернет уже много лет является частью избирательной экосистемы, однако его использование в основном остается вспомогательным, зачастую для пропаганды кампании или для передачи результатов. В настоящее время Эстония уже в 10-ый раз использует интернет-голосование (I-голосование) как возможность реализовать демократическое право, которое было введено в 2005 году. Доверие к I-голосованию в значительной степени зависит от надежности выборов, особенно от процессов, происходящих от начала до конца I-голосования. В ходе подсчета эксперты записали ноль недействительных голосов, поданных через Интернет, что служит подтверждением того, что система сделала то, для чего она была и предназначена. Кроме того, 5,8% I-избирателей подтвердили свои голоса, котороеявлялось доказательством

того, что выбранные ими кандидаты действительно были такими же, как те, что были переданы в систему и отображены на их мобильных устройствах.

В Эстонии парламентские выборы 2019 года принесли 247 232 голоса в электронном виде из общего числа 565 028 голосов. Это на 40% больше по сравнению с предыдущими выборами, которые составили 186 034 I-голоса. Это также означает, что на этих выборах, согласно первоначальным отчетам, 43,75% всех голосов были поданы онлайн, что стало новым рекордом для I-голосования. Для сравнения, на местных выборах 2017 года было зафиксировано 31,7% голосов за I-голосование, а на парламентских выборах 2015 года было подано 30,5% бюллетеней с I-голосованием, что значительно отличается от показателя 2005 года, в котором явка избирателей составила 1,9% [8]. Если рассмотрим растущую линию тренда, подкрепленную рентабельностью, сквозной проверкой и высоким уровнем доверия к I-голосованию, этот год может стать последним разом, когда граждане Эстонии будут рассматривать бумажное голосование в качестве доминирующего метода голосования.

Сегодня многие ведущие страны используют блокчейн-технологии для перевода государственного документооборота на электронную версию. В частности, в ОАЭ в 2016г. приняли «безбумажную» государственную стратегию, которая предполагает перевод государственного документооборота в электронную версию на основе блокчейн-технологий. Данная стратегия касается всех государственных органов и общества, что позволяет экономить время, сократить расходы и стоимость предоставляемых государственных услуг и, таким образом, быстрее удовлетворить потребности общества.

Со временем стратегия будет претерпевать некоторые технические изменения, включая расширение автоматизации процессов в государственных учреждениях, использование цифровых удостоверений, подписей и сертификатов, а также безопасный доступ к данным через специализированные платформы. Изменения также включают некоторые законодательные корректировки, регулирование физического присутствия в судах и введение юридического требования, касательно создания бумажных документов для обеспечения доверия к транзакциям [9].

Великобритания стала использовать блокчейн-технологии в следующих направлениях:

- выплата пособий, что позволяетс согласия заявителей записывать их транзакции в распределенную бухгалтерскую книгу для поддержки их финансового управления.

- оплата исследовательского гранта: мониторинг и контроль использования грантов невероятно сложны, а блокчейн, который является доступным для всех вовлеченных сторон, мог бы стать лучшим способом решения этой проблемы.

Необходимо отметить, что по оценкам “Gartner” объем услуг на основе блокчейн-технологий к 2022г. достигнет $10 млрд.

Одним из важных критериев развития информационных технологий в государственном управлении является использование на практике концепции электронного правительства государственными органами. Каждые 2 года ООН исследует индекс развития электронного правительства в странах, который позволяет оценивать готовность и возможности государственных органов в применении ИКТ для предоставления обществу государственных услуг. Все страны исследуются на основе трех критериев:

- уровень охвата и качество интернет-услуг;
- степень развития инфраструктуры ИКТ.
- человеческий капитал.

В 2018г. данный список возглавляет Дания с индексом развития 0,915 из 1,000 (Рис. 1)[10].

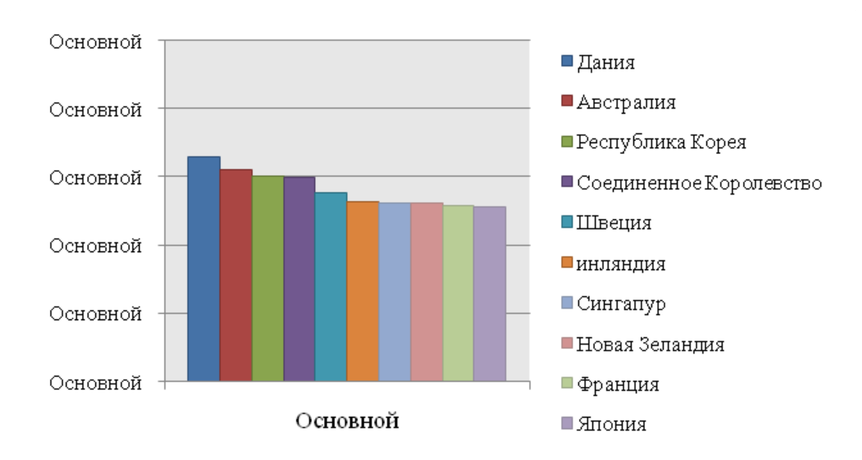

График 1. Индекс развития электронного правительства.

В 2010г. правительство Армении запустило новый сайт e-gov.am, который дает возможность эффективно организовать государственное управление посредством предоставления электронных услуг. Это позволяет избежать недочетов, снизить коррупционные риски и т.д. А в Российской Феде-

рации данную концепцию стали внедрять в 2008 году. Этот процесс можно разделить на 2 этапа:

1. 2008 год, когда начали разрабатывать и утверждать необходимые документы для реформ;
2. 2009–2010 годы, когда практически была внедрена концепция.

Необходимо отметить, что по данным, опубликованным ООН, Армения в 2018 году заняла 87 место по индексу развития электронного правительства с показателем 0,5944 балла, а Россия – 32 место с показателем 0,7969.

Но для предоставления электронных государственных услуг, то есть для внедрения «электронного правительства» необходимо обеспечить кибербезопасность данного электронного портала. Надо отметить, что Армения отстает в этом плане. Основной причиной является то, что кибербезопасность не рассматривается законодательством Армении как отдельная сфера регулирования, то есть не существует соответствующее наказание за нарушения в этой сфере. Кибербезопасностью государственных ведомств занимается «Служба национальной безопасности», а частные учреждения, которые имеют важное значение для государства (предприятия газоснабжения и водоснабжения, электростанции, банки и т.д.), сами ответственны за свою кибербезопасность.

В 2018 году Международный союз электросвязи опубликовал ежегодное исследование «Глобальный индекс кибербезопасности». Показатели варьируются от 0,000 до 1,000:

- 0.670-1.000 – страны с высоким рейтингом в этом диапазоне;
- 0.340-0.669 – средние баллы постране;
- 0,000-0,339 – низкие оценки по стране.

Армения в 2018 году заняла 79 место с индексом кибербезопасности 0.495 из 1.000. А Россия в 2018 году заняла 26 место с индексомкибербезопасности 0,836 из которого:

- 0,197 балла – за законодательство и регулировки в области кибербезопасности;
- 0,162 балла – за технологическую сторону вопроса;
- 0,177 балла – за организацию на национальном уровне;
- 0,166 балла – за наращивание мощностей, подготовку кадров и информирование;
- 0,135 балла – за международное сотрудничество [11].

Необходимо отметить, что, в отличие от Армении, Россия уделяет большое внимание на обеспечение кибербезопасности личности, общества и

государства в целом. Не зря эта страна занимается разработкой национальной стратегии кибербезопасности, чего нет в Армении. Однако Армения, будучи одной из сторон территориального конфликта, находясь в зоне военных конфликтов, при использовании информационных технологий в государственном управлении, в первую очередь должна акцентировать свое внимание на обеспечение кибербезопасности, чтобы не допустить кибератаки со стороны противников. Для этого в первую очередь необходимо обеспечить законодательную основу и разработать национальную стратегию кибербезопасности.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в современном мире инновационные технологии, в том числе ИКТ, применяемые в государственном управлении, дают возможность организовать быструю обратную связь между государственными органами управления и обществом, также обеспечивают легкость и доступность между различными государственными учреждениями. Но важно определить и оценить эффективность применяемых технологий, поскольку, как правило, они требуют от государств вложение огромных ресурсов.

В рамках применения ИКТ в государственном управлении возникла концепция «электронного правительства», которая является одной из самых распространенных и используемых со стороны правительственных органов платформ.

Исходя из анализа мирового опыта, можно сделать вывод о том, что в современном мире многие государства начинают применять блокчейн-технологии в государственном управлении. Основными сферами их использования являются:

1. здравоохранение;
2. государственный реестр;
3. I-голосование;
4. электронный государственный документооборот;
5. выплата пособий;
6. оплата исследовательского гранта.

Но, как показала практика, внедрение инновационных технологий в государственном управлении сопровождается различными проблемами, связанными, в первую очередь, с законодательной базой, квалификацией государственных служащих, различными социально-технологическими проблемами, сопротивлением общества, государственных служащих и так далее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василенко И.А.* Государственное и муниципальное управление: учебник для бакалавров 4-е издание, перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2012. 431с. Сер.: «Бакалавр». С. 102.
2. Там же. С. 390.
3. Transparency International [Эл.ресурс]: Режим доступа – URL: https://www.transparency.org/, https://www.transparency.org/cpi2018
4. *Саак А.Э., Пахомов Е.В., Тюшняков В.Н.* Информационные технологии управления: учебник. 2-ое изд. С-Пб: «Питер», 2010. 320с: ил. Учебник для вузов. (+CD). ISBN 978-5-91180-680-4. С. 7.
5. DIGITAL.REPORT [Эл.ресурс]: Режим доступа – URL: https://digital.report/, https://digital.report/blokcheyn-v-gossektore-odin-nedostatok-protiv-mnozhestva-dostoinstv/
6. АМИ Новости-Армения [Эл.ресурс]: Режим доступа – URL: https://newsarmenia.am, https://newsarmenia.am/news/blockchain/razbiraemsya-dlya-chego-nuzhen-blokcheyn-v-gosudarstvennom-sektore/
7. Transparency International [Эл.ресурс]:Режимдоступа – URL: https://www.transparency.org/, https://www.transparency.org/cpi2018.
8. E-estonia [Эл. ресурс]: Режим доступа – URL: https://e-estonia.com/, https://e-estonia.com/i-voting-the-future-of-elections/
9. UAE-Consulting [Эл. ресурс]: Режим доступа – URL: https://www.uae-consulting.com/, https://www.uae-consulting.com/infocentr/uae-dubai-business-paperless-strategy-2021-year
10. UnitedNations [Эл. ресурс]: Режим доступа – URL: https://publicadministration.un.org/en/, https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2018.
11. International Telecommunication Union [Эл.ресурс]: Режимдоступа – URL: https://www.itu.int/en/Pages/default.aspx, https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2018-PDF-E.pdf.

THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF DEVELOPMENT OF MODERN SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

A. Avetyan, A. Harutyunyan

ABSTRACT

In this scientific article are discussed the main directions of using modern technologies in public administration. There has been carried out a systematic and comparative analysis of international experience in this industry. Are studied the main priority directions of development of the modern system of public administration. Special attention is paid to the representation of the role of information technologies in the development of the modern system of public administration.

Keywords: Blockchain, internet of things, information and communication technologies.

УДК 338

Поступила: 30.06.2020г.
Сдана на рецензию: 01.07.2020г.
Подписана к печати: 13.09.2020г.

АНАЛИЗ ПОСТАВЩИКОВ РЫНКА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ РА

А.Г. Рубенян

Российско-Армянский Университет
ani.rubenyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассмотрена структура провайдеров медицинской помощи в системе здравоохранения РА. В частности, был проведен качественный и количественный анализ участников государственного заказа: были выделены основные провайдеры больничной медицинской помощи, раскрыта структура участников, описано географическое и количественное распределение средств – в рамках государственного заказа. Также в статье приводится краткая справка о структуре провайдеров в некоторых европейских странах. В дополнении были обобщенно рассмотрены некоторые основополагающие показатели финансового состояния больничных медицинских учреждений РА.

Ключевые слова: бюджет, государственный заказ, провайдер, больничная медицинская помощь, прибыльность.

Анализ опыта развитых стран, в частности, западных стран, в вопросе организации здравоохранения раскрывает разнообразие действующих моделей. Однако объединяющей чертой систем в этих странах является наличие предоплатной системы финансирования здравоохранения, иными словами: национальной модели страхования. Наличие страховой модели во многом предопределяет также коньюктуру провайдеров медицинских услуг и их финансовые показатели. Очевидно, что в тех странах, в которых были проведены реформы по созданию национальной страховой системы, модифицировались также модели ценообразования и контрактных отношений государства с провайдерами медицинских услуг. Например, в Эстонии действует Estonian Health Insurance Fund, который заключает контракты как с частными, так и государственными провайдерами. При этом первичное звено выражено в основном частными организациями, а специализированная помощь в стране предоставляется в подавляющем большинстве государственными больницами. Амбулаторная помощь оплачивается по модели FFS (fee-for-service), а больничная – по модели FFS и DRG (diagnosis related groups). В Словении также действует страховая система, в рам-

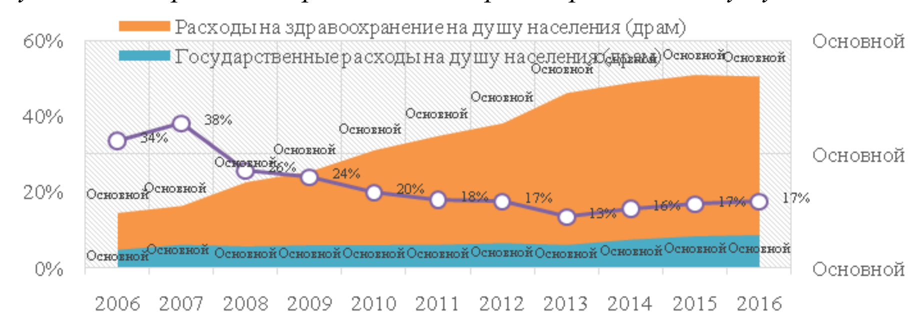
ках которой услуги предоставляются государственными учреждениями и частными учреждениями, с которыми действуют концессионные договоры. Аналогичная картина наблюдается и в Словакии, Чехии, Швеции, Швейцарии и Хорватии. В этих странах также действует страховая система с преобладанием государственных учреждений в оказании больничной медицинской помощи, и частными игроками в предоставлении амбулаторной медицинской помощи. В Нидерландах, к примеру, в рамках страховой системы больницы во многих случаях являются некоммерческими организациями. Во Франции и Великобритании частные провайдеры играют достаточно влиятельную роль и в обеспечении больничной помощи.

Таким образом, структура частных и государственных провайдеров в западных странах достаточно разная, но общей характеристикой является преобладание государственных учреждений в рамках страховой системы.

Одним из первичных направлений деятельности системы здравоохранения во всем мире является обеспечение базового пакета медицинской помощи. Эта направленность была основной, как и в советское время в Армении (притом – действовала довольно эффективно), так и сегодня. Однако в связи с тяжелой ситуацией после обретения независимости, экономическим спадом и другими политическими причинами система здравоохранения была реформирована: государство было практически не способно покрывать такие расходы (состояние здоровья населения резко ухудшилось в эти годы). С момента внедрения закона 1996г. о «О медицинской помощи и медицинском обслуживании населения» и государственного указа 1997г. о практике личных платежей и до сих пор доминирующая часть расходов на большинство медицинских услуг исходит именно из доходов населения в прямой форме. Рынок медицинских услуг начал быстро коммерциализироваться. От Советской Армении независимая Армения унаследовала здравоохранение с ориентацией на специализированные услуги со значительным количеством рабочей силы в области.

В Армении до сих пор нет эффективно направленного механизма реализации БПМУ. Принятый в 1998г. БПМУ, претерпел изменения, однако основные статьи остались неизменными. В 1997–1999гг. были совершены попытки внедрения обязательного медицинского страхования, однако они не закончились успехом. Главным аргументом «против» при голосовании в Парламенте являлось отсутствие государственных средств для обеспечения страхования. В 2006 году БПМУ был расширен с ориентацией на первичные услуги, за которые не взималась плата в момент получения услуги. Покрытие больничных и специализированных амбулаторных услуг осуществляется только для определенных групп населения.

Рисунок 1. Распределение расходов на здравоохранение на душу населения.

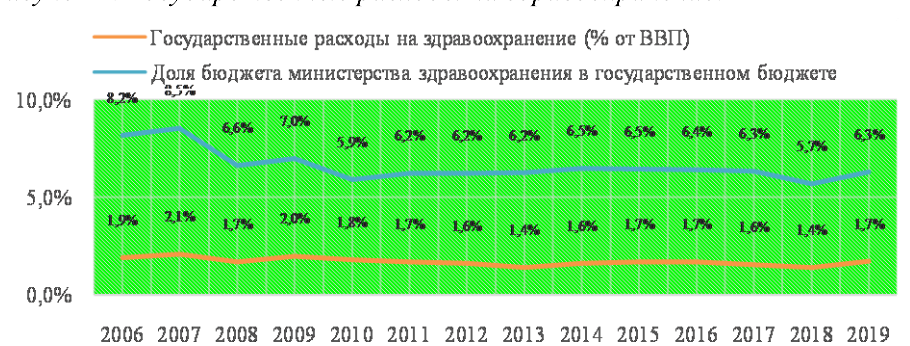

Источник: составлено на основе данных Национального института здравоохранения и Национальной статистической службы.

Удельный вес государственного финансирования здравоохранения имеет тенденцию к снижению, что свидетельствует о незащищенности граждан и подверженности к личному финансовому банкротству в условиях отсутствия обязательного медицинского страхования. По данным 2016 года, частное финансирование составляет 83%, при этом, согласно оценкам, 90% частных расходов осуществляется в прямой форме оплаты (out-of-pocket – из кармана). Согласно оценке исследования IMF стран Кавказа и Центральной Азии, неформальный сектор в 2008 году составлял 35% от ВВП [1]. Согласно оценкам, неофициальные платежи достигали 45% всех расходов на здравоохранение [2].

Расходы на здравоохранение имели тенденцию к росту до финансового кризиса, однако после него остались в среднем на уровне 6,2% от общих расходов правительства

Рисунок 2. Государственные расходы на здравоохранение.

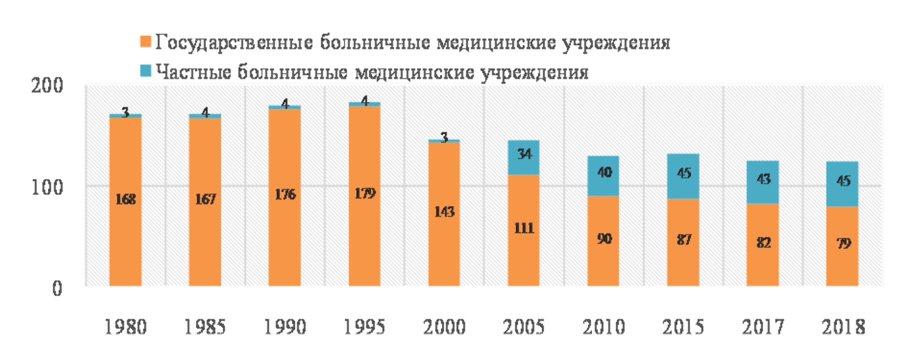
Источник: составлено на основе данных правительства Армении и Национальной статистической службы [3, 4].

Система здравоохранения Армении представлена следующими медицинскими учреждениями: больницы, поликлиники, центры первичной охраны здоровья, фельдшерско-акушерские пункты, научно-исследовательские центры, диагностические центры, центры по контролю и профилактике заболеваний, пансионаты, аптеки и другое. После обретения независимости в стране начался процесс приватизации и децентрализации, что было характерно для многих стран с переходной экономикой. Такие медицинские объединения, как больницы, амбулатории, центры женского здоровья, роддомы и другие учреждения, – были разделены. Процесс приватизации также коснулся практически всех медицинских учреждений, при этом аптеки и стоматологические поликлиники было приватизированы полностью. По мере развития и стабилизации экономики количество новых медицинских учреждений увеличилось за счет внедрений частного капитала.

Начиная с 2004 года, в политике государства отмечается стремление к централизации и оптимизации медицинских учреждений, в результате чего большинство больниц были объединены с поликлиниками и пунктами скорой помощи. Эта политика преимущество осуществлялась в регионах. Объединенные новые учреждения действуют в качестве многопрофильных больниц. Остальные больницы в основном сосредоточены в Ереване, и действуют в качестве специализированных медицинских учреждений. Отдельные поликлиники остались только в Ереване, в Ванадзоре и Гюмри под подчинением региональных властей.

На сегодняшний день действует 124 больничных учреждения, из Рис. 3 видно, что число единиц имеет тенденцию к снижению и отражает процессы слияния. 79 стационарных учреждения или 64% являются государственными. При этом 42% всех больничных учреждения сосредоточены в Ереване. Из 124 учреждений – 64 больницы или 52% являются объединенными, то есть включают в свой состав поликлинику.

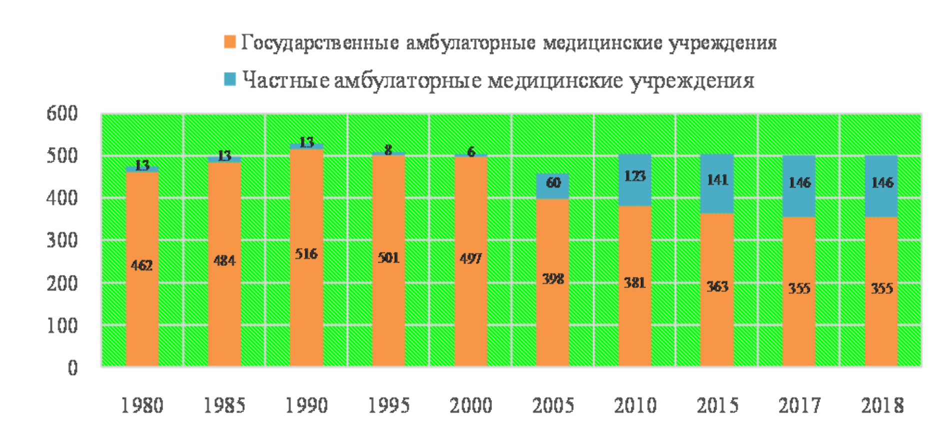
Рисунок 3. Распределение больничных учреждений.

Источник: составлено на основе данных Национального института здравоохранения [5].

Количество амбулаторных учреждений незначительно изменялось на протяжении последних 40 лет. По данным 2018 года, общее число составляет 501, из которых – 355, что эквивалентно 71% (Рис. 4). В регионах сосредоточено 71% амбулаторных учреждений.

Рисунок 4. Распределение амбулаторных медицинских учреждений.

Источник: составлено на основе данных Национального института здравоохранения [6].

Государственный сектор контролирует 59% фонда коек, при этом в государственных учреждениях работает 44% медицинского персонала. Таким образом, несмотря на приватизацию, государственный сектор остается ключевым игроком в вопросе регулирования медицинской помощи и обслуживания, занимая по финансированию, тем не менее, меньший удельный вес.

По данным 2018 года в рамках государственного заказа государством было отведено 67,5 млрд. драмов, что эквивалентно 81% бюджета здравоохранения. Выполнение бюджета составило 98%. Государственном заказ, в рамках которого гражданам предоставляются бесплатные и, по принципу сооплаты, медицинские услуги, осуществляется за счет 312 внебольничных учреждений (не объединенных с больницами), из которых только 12 действуют в Ереване. Амбулаторная помощь в Ереване в основном осуществляется в поликлиниках в составе больниц. Из 312 отдельных амбулаторных учреждений 95% являются государственными, остальные 5% в основном сосредоточены в Ереване, и представляют из себя, в подавляющем большинстве, диагностические центры.

В рамках государственного заказа в 2018 году принимали участие 117 больничных учреждений, осуществляющие как больничную помощь, так и

имеющие в своем составе амбулаторные блоки. Из них – 28% являются частными. В числе всех этих учреждений можно выделить 5 диспансеров, 4 из которых находятся в Ереване (туберкулезный, психиатрический, эндокринный, дерматологический), в Гюмри находится онкологический диспансер. Рассмотрим в географической разбивке: в общей сложности, 47 больничных учреждения или 40% находятся в Ереване, из которых 27 учреждений (57%) являются частными. Государственные учреждения (43%) принадлежат Министерству здравоохранения (10), Министерству образования (1), Комитету государственного имущества (1) и мэрии города Еревана (8). Остальные 70 больничных учреждений или 60% находятся в 10-ти регионах и являются, в основном, государственными. 86% из этих учреждений или 64% являются государственными: 61 принадлежат региональным властям (марзпетаранам) и 2 принадлежат Министерству здравоохранения и Комитету государственного имущества. 6 частных учреждений находятся в 4-х марзах (областях): Ширак (3), Тавуш (1), Сюник (1) и Котайк (1).

В рамках государственного заказа принимают также участие порядка 39 стоматологических медицинских учреждений, которые представлены частными учреждениями (за исключением 1-ого учреждения, которое принадлежит Министерству здравоохранения и находится в Ереване). 44% из числа всех осуществляющих государственную стоматологическую помощь учреждений находятся в Ереване, остальные 22 учреждения или 56% находятся в 8-ми марзах (в Вайоц Дзоре и Тавуше государственные стоматологические услуги выполняются в ряде амбулаторных учреждений).

В государственной медицинской помощи порядка 76% всех средств, в среднем, распределяются в пользу больничных объединенных учреждений, что эквивалентно 5,.5 млрд. драмов. Из этих средств порядка 30 млрд. драмов распределяются по различным программам больничной медицинской помощи. В результате, всего порядка 66% государственного заказа направляется на покрытие больничной медицинской помощи. Амбулаторные медицинские услуги в чистом виде занимают приблизительно 32%. В Армении наблюдается коммерциализация медицинских услуг, при которой ситуация наблюдается как сдвиг в сторону больничной медицинской помощи за счет неэффективно действующего первичного звена медицинской помощи.

61% бюджета больничных учреждений или порядка 31,4 млрд. драмов направляется в больничные учреждения в Ереване, остальные 20,2 млрд. распределяются по марзам (областям). Если посмотреть распределение государственного бюджета по частным и государственным учреждениям, то наблюдается следующая картина: 34% из 51,5 млрд., то есть 17,4 млрд. драмов

направляется в частные больничные учреждения. В Ереване из 31,4 млрд. драмов 16,3 млрд драма, то есть 52% направляется в частные учреждения. При этом большая часть средств (72% или 11,8 млрд. драмов) приходится на 5 крупных многопрофильных учреждения («Эребуни» МЦ, «Арабкир» МК, «Астхик» МЦ, «Армения» республиканский МЦ, Республиканский институт репродуктивного здоровья, перинатологии, акушерства и гинекологии). Остальные 48% или 15,1 млрд. драмов направляются в государственные учреждения, которые, в основном, нацелены на узкоспециализированную помощь (лечение туберкулеза, наркозависимых, больных СПИД-ом, психиатрическая помощь, онкологическая помощь, лечение сердечно-сосудистых заболеваний). Если опустить узкоспециализированную помощь, то большая часть из этих средств: 55% или 8,3 млрд. драмов, по трем многопрофильным государственным больницам (Сурб Григор Лусаворич, Аствацамайр, Гераци). Что же касается распределения в регионах, то из 20,2 млрд. драмов или 95% направляются в государственные медицинские учреждения.

Таким образом, можно сделать вывод, что 78% бюджета больничной медицинской помощи в Ереване, что эквивалентно 24,7 млрд. драмам, распределяется в пользу частных медицинских учреждений и трем крупным многопрофильным государственным больницам. В эту категорию не включены прочие государственные учреждения с узкой специализацией по той причине, что в этих центрах мало автономии, и большая часть осуществляемых программ в рамках государственного заказа являются стратегически важными и покрываются полностью (туберкулез, психиатрическая помощь). В марзах (областях) же основными провайдерами больничной медицинской помощи в рамках государственного заказа являются учреждения, принадлежащие региональным властям (95% или 19 млрд. драмов). Для анализа финансовой деятельности провайдеров медицинских услуг преимущественно будут рассмотрены многопрофильные медицинские учреждения, у которых есть больше направлений развития деятельности.

С точки зрения актуальности и важности, наиболее интересным считается анализ финансовой деятельности провайдеров больничной медицинской помощи, потому как амбулаторная медицинская помощь финансируется по подушевому принципу, и большая часть государственного заказа приходится на больничную медицинскую помощь. Рассмотрим несколько важных показателей, характеризующих общее финансовое состояние учреждений.

Из 20-ти учреждений в Ереване, которые подотчетны государственным органам, меньше чем у половины была положительная прибыльность за 2018 год, при этом чаще всего наблюдалась прибыльность 1% и 2%, максимальная

прибыльность в 6% наблюдалась в двух учреждениях. Коэффициент заработной платы (удельный вес расходов на заработную плату в общем доходе), в среднем для этих, учреждений равен 58%, наблюдается отрицательная корреляция между этим показателем и прибыльностью. Доля государственного заказа составляет в среднем 57%, при этом в узко Роль информационных технологий в развитии современной системы государственного управленияспециализированных учреждениях она находится в интервале 70%–98%. Частные медицинские центры в Ереване, в основном, извлекают прибыль, диапазон достаточно широкий 1–12%, при этом, коэффициент заработной платы, в среднем, ниже и составляет 53%. Доля государственного заказа в общем доходе, в среднем, так же ниже, чем в государственных учреждениях – 46%, и около половины составляет меньше 40%.

Как уже было сказано, в регионах государственный заказ выполняют в подавляющем большинстве государственные медицинские учреждения, при этом действуют они менее эффективно, прибыльность, в целом, нулевая или отрицательная. В тех учреждениях, в которых прибыльность положительная, максимальное значение составляет 6%. Примечательно, что коэффициент заработной платы в регионах, в среднем, намного выше и достигает 70%. В совокупном доходе учреждений удельный вес государственного заказа, в среднем, равен 75% и, приблизительно, у половины достигает больше, чем 75%.

На основе количественного и качественного анализа провайдеров медицинских услуг в рамках государственного заказа можно сделать вывод, что, в общем, количество государственных провайдеров преобладает. В частности, в регионах 86% являются государственными, в Ереване этот показатель равен 43%. Если посмотреть в финансовом разрезе, то 52% средств государственного заказа в Ереване распределяются в пользу частных игроков. Если смотреть глобально, то 66% всего бюджета, распределенного в пользу больничных учреждений, направляется именно в государственные учреждения. Финансовое состояние государственных учреждений хуже, чем в частных учреждениях: в частности, показатели прибыльности ниже, и частота учреждений с нулевой прибылью и убытком – выше. При этом государственный заказ является основным компонентом в совокупном доходе в этих учреждениях, и доля платных услуг незначительна. Учитывая эти два фактора, можно сделать вывод, что государственные учреждения работают недостаточно эффективно, имея, при этом, еще и коэффициент заработной платы намного выше, чем в частном секторе. Важно отметить, что даже у частных провайдеров в ряде случаев доля государственного заказа значительно высока, то есть и частный сектор зависит от этого источника дохода. Учитывая

большой удельный вес государственных источников в общем доходе, а также наличие низких цен на государственные медицинские услуги, можно сказать, что именно эти факторы предопределяют прибыльность. Недостаточность финансирования порождает развитие неформального сектора и снижение качества предоставляемых услуг. Таким образом, важным компонентом на пути к повышению эффективности деятельности провайдеров в рамках государственного заказа является пересмотрение цен на государственные услуги, применяя оптимальный механизм ценообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Asian Development Bank, National Statistical Service of the Republic of Armenia. The Informal Sector and Informal Employment in Armenia Country Report 2010. 2011. PP. 42.
2. Arsen Torosyan, Piotr Romaniuk, Krzysztof Krajewski-Siuda.The Armenian healthcare system: recent changes and challenges. 2008. P. 186.
3. Официальный сайт правительства РА: https://www.gov.am/am/
4. Официальный сайт Национальной статистической службы РА: https://www.armstat.am/ru/
5. Официальный сайт Национального института здравоохранения: http://nih.am/am
6. Там же.

RA MEDICAL SERVICE PROVIDERS ANALYSIS

A. Rubenyan

ABSTRACT

Structure of medical care providers in healthcare system of Armenia is examined in this article. In particular, qualitative and quantitative analysis of state order providers was conducted: principal providers of hospital care were identified, as well as their structure, geographical and quantitative distribution of state order budget was described. The article brings in a short note regarding health care providers' structure in some European countries. In addition, essential indicators of financial state of hospital care providers were summarized in RA.

Keywords: budget, state order, provider, hospital care, profitability.

УДК 338.1 Поступила: 21.09.2020г.
Сдана на рецензию: 24.09.2020г.
Подписана к печати: 22.10.2020г.

ՏԱՐԱԾԱՇՐՋԱՆԱՅԻՆ ԱՆՀԱՎԱՍԱՐՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏԿԵՐՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ. ՎԻՃԱԿԱԳՐԱԿԱՆ ԱԿՆԱՐԿ

Ա.Գ. Ավետիսյան

Հայ-Ռուսական համալսարան
avetisian.ani@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սոցիալ-տնտեսական զարգացման տարածաշրջանային անհավասարության խնդիրն արդիական է երկրների մեծամասնության համար: Հայաստանի մակրոտնտեսական ցուցանիշները նույնպես արտացոլում են երկրում առկա անհավասարությունը: Այսպիսով, սույն հոդվածում ներկայացված են տարածաշրջանային անհավասար զարգացման պատճառներն ու հիմնախնդիրները, ինչպես նաև հիմնական մակրոտնտեսական ցուցանիշների վիճակագրությունը Հայաստանի մարզերում: Հիմնվելով մի շարք հետազոտությունների ուսումնասիրության վրա՝ ներկայացված են նաև զարգացման ապակենտրոնացմանը նպաստող հնարավոր լուծումները:

Հիմնաբառեր՝ տարածաշրջանային անհավասարություն, ներառական տնտեսական աճ, եկամուտների բևեռացում:

ՄԱԿ-ի Կայուն զարգացման նպատակներից 10-րդն[1] է կրճատել անհավասարությունը երկրներում և երկրների միջև (“Reduce inequality within and among countries”) [1]: Ակնհայտ է, որ երկրի կայուն տնտեսական զարգացումն անհնար է պատկերացնել առանց տարածաշրջանների համաչափ կայուն զարգացման: Սակայնսոցիալ-տնտեսական տարածաշրջանային անհավասարության խնդիրն արտահայտված է աշխարհի գրեթե բոլոր երկրներում՝ որպես տեղեկատվական և հաղորդակցման տեխնոլոգիաների անհավասար բաշխման [2], տարածաշրջանների արտադրողականության, նրանց նկատմամբ վարվող քաղաքականության և մի շարք այլ պատճառների հետևանք [3]: Առհասարակ, անհավասարություն ասելովառաջինհերթինհասկանում ենք եկամուտների, այ-

[1] ՄԱԿ կայուն զարգացման նպատակներ: URL: https://sustainabledevelopment.un.org/sdg10(դիմելու ամսաթիվ՝ 28/09/2020թ.):

սինքն՝ արդյունքների անհավասարություն։ Երկրորդ մոտեցումը վերաբերում է հնարավորությունների անհավասարությանը [4], սակայն շատ հաճախ մեկը մյուսից է բխում[2]։ Արդյունքների անհավասարությունը կապված է եկամուտների վերաբաշխման համակարգում մասնակցության հետ․սկզբնական եկամուտները ձևավորվում են արտադրությանը մասնակցելուց և սեփականությունից, ինչին հաջորդում է եկամուտների երկրորդային բաշխումը /վերաբաշխումը/։

Անհավասարության խնդիրն անմիջապես կապված է տնտեսական աճի հետ։ Տնտեսական արդյունքների անհավասար բաշխումը նվազեցնում է տնտեսական աճի նշանակությունը հասարակության համար։ Հաճախ տնտեսական աճի արդյունքում հարուստներն էլ ավելի են հարստանում, իսկ աղքատների կենսամակարդակնառնվազն մնում է անփոփոխ։ Այսպիսով, տնտեսական աճը կարող է նպաստել անհավասարության խորացմանը [5]։Երկրների մեծամասնությունում եկամուտների բևեռացումը շարունակում է խորանալ՝ թողնելով բնակչության զգալի մասը սոցիալ-տնտեսական զարգացման ընթացքից դուրս։ Եկամուտների անհավասարությունը հանգեցնում է բազմաթիվ սոցիալական հնարավորությունների, մասնավորապես՝ որակյալ բժշկության, կրթության, ենթակառուցվածքի, որակյալ սննդի և խմելու ջրի անհավասար հասանելիությանըև մի շարք այլ հնարավորությունների սահմանափակմանը [6]։ Ի վերջո, սա վերածվում է փակ շղթայի․ կակարծիք,որի համաձայնաղքատությունը շատ դեպքերում փոխանցվում է սերնդեսերունդ[7]։ Միայն ներառական տնտեսական աճն է նպաստում երկրում առկա անհավասարության և աղքատության մակարդակի նվազմանը, միայն այդ պարագայում քանակը կարող է վերածվել որակի /ներառական աճ բնութագրող ցուցանիշները տե՛ս OECD վերլուծական նյութում/[3]։

Բազմաթիվ հետազոտություններ փաստում են, որ շատ երկրներում անհավասարությունը շարունակում է աճել․ հաճախ մի երկրում տարածաշրջանային անհավասարությունն ավելի մեծ է, քան երկրների միջև բևեռացումը։Սրա առաջին հետևանքն է ուրբանիզացիան, որը խորանում է ռեսուրսների շարունակական կենտրոնացման ններքին միգ-

[2] Regional inequalities in the EU/European Parliamentary Research Service.Summary. 2019. P. 2. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637951/EPRS_BRI-(2019)637951_EN.pdf (Accessed on October 7, 2020).

[3] *Koob S.* Inclusive Economic Growth: Are we talking about the same thing? / OECD Forum Network. 2019. URL: https://www.oecd-forum.org/users/297466-sigrid-koob/posts/52681-inclusive-economic-growth-are-we-talking-about-the-same-thing (Accessed at: 14 October 2020).

րացիոն գործընթացների արդյունքում: Հնարավորությունների անհավասար բաշխվածությամբ պայմանավորված՝ գյուղական բնակավայրերից դեպի քաղաք, քաղաքներից դեպի մայրաքաղաք այս անդադար հոսքը հանգեցնում է ռեսուրսների կենտրոնացմանը՝ էլ ավելի խորացնելով անհավասարությունը:Կենտրոնացման դրական հետևանք կարող է լինել արտադրողականության կտրուկ աճը, որի հետևանքով, սակայն, քաղաքի բնակիչների կենսամակարդակնավելի է բարձրանում՝ համեմատած գյուղի հետ: Իսկ կենտրոնացման բացասական հետևանքներից մեկն այն է, որգյուղական բնակավայրերում շատ ավելի բարձր է աղքատության մակարդակը: Ի վերջո, այս ամենի արդյունքում աղքատ տարածաշրջանների բնակչությանը հասանելի չեն ոչ միայն որակյալ կրթական և բժշկական ծառայությունները, այլև էլեկտրականությունը, գազամատակարարումը, խմելու ջուրը, որոշ ենթակառուցվածքներ և մի շարք այլ տնտեսական ու անգամ քաղաքական հնարավորություններ: Բացի այդ, որպես կանոն, համեմատաբար աղքատ տարածաշրջանների բնակչությունը զբաղված է գյուղատնտեսության կամ արդյունաբերության ոլորտներում, բայց ոչ բարձր արտադրողականություն ունեցող այնպիսի ոլորտներում, ինչպիսիք են, օրինակ, ֆինանսները և տեղեկատվական տեխնոլոգիաները[4]:Մասնագետների ընդհանուր կարծիքովմիայն ներառական տնտեսական աճն է նպաստում տարածաշրջանների հավասարաչափ զարգացմանը, ինչն, իր հերթին, կայուն տնտեսական զարգացման հիմք է հանդիսանում: Հակառակ դեպքումտնտեսական աճը կարող է էլ ավելի խորացնել երկրում առկա եկամուտների և հնարավորությունների բևեռացումը:

Ինչպիսի՞ն է անհավասարության պատկերը Հայաստանում:

Համաշխարհային բանկի գնահատմամբ՝ Հայաստանում տարածաշրջանային անհավասարությունը բավականին խորն է. այնբարձր է նաև Եվրոպայի և Կենտրոնական Ասիայի մի շարք երկրների հետ համեմատած[5]: Հիմք ընդունելով տարածաշրջանային անհավասարության

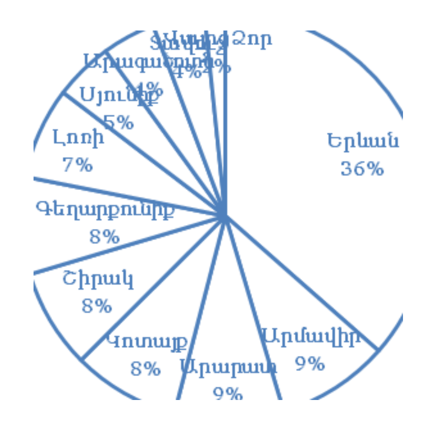
---

[4] *Bluedor J., Lian W., Novta N., Timmer Y.* Widening Gaps: Regional Inequality within Advanced Economies / IMF Blog: Insights and Analysis on Economics and finance. 2019. URL: https://blogs.imf.org/2019/10/09/widening-gaps-regional-inequality-within-advanced-economies/(Accessed at: 27 October 2020).

[5] Labor, Taxation, and Social Policies Must Be Upgraded to Address Rising Inequality in Armenia, Says World Bank / World Bank Press Release. 2018. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2018/09/25/labor-taxation-and-social-policies-must-be-upgraded-to-address-rising-inequality-in-armenia-says-world-bank(Accessed at: 21 October 2020).

ուսումնասիրությանը նվիրված մի շարք հետազոտություններում նշված ցուցանիշները [8,9]՝ դիտարկենք որոշ մակրոտնտեսական ցուցանիշներ Հայաստանի օրինակով: Անհավասարությունն ու կենտրոնացումն արտացոլող ցուցանիշներից է բնակչության ընդհանուր թվաքանակի բաշխումն ըստ մարզերի: ՀՀ ընդհանուր բնակչության 36%-իմշտական բնակության վայրն է ք. Երևանը՝ երկրի ընդհանուր տարածքի 0,75%-ը[6]: Յուրաքանչյուր մարզում ապրում է երկրի ամբողջ բնակչության 10%-ից պակաս մարդ, իսկ Արագածոտնի, Վայոց Ձորի և Տավուշի մարզում՝անգամ 5%-ից էլ պակաս: Հաշվի առնելով, որ այս վիճակագրությունն արտացոլում է թվաքանակն ըստ մշտական բնակության վայրի՝ կարելի է ենթադրել, որ փաստացի Երևանում բնակվում է ավելի մեծ թվով մարդ:

Գծապատկեր 1. ՀՀ բնակչության կառուցվածքը, 2019թ.

Բնակչության խտության տեսանկյունից պատկերը գրեթե նույնն է: Այս իմաստով աչքի է ընկնում Գեղարքունիքը. Արագածոտնի և Տավուշի համեմատ ունենալով կրկնակի ավել բնակչության թվաքանակ՝ խտության առումով այն ետ է մնում այդ երկու մարզերից: Ընդհանուր բնակչության 36%-ը կազմում է գյուղական բնակչությունը, 64%-ը՝ քաղաքային, որից 36%-ը Երևանի փաստացի գրանցված բնակիչներն են:

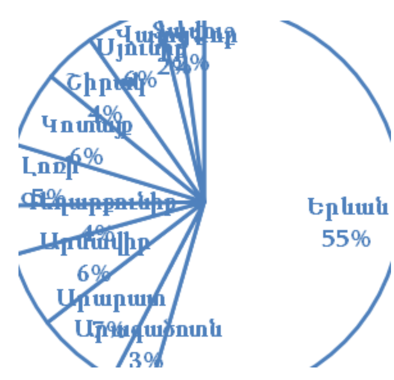
6 Հայաստանի Հանրապետության մարզերը և Երևան քաղաքը թվերով / ՀՀ վիճակագրական կոմիտե: 2019թ., էջ 22: URL: https://www.armstat.am/file/article/marzer_-2019_9_.pdf(Դիմելու ամսաթիվ՝ 19/09/2020թ.):

Աղյուսակ 1. ՀՀ բնակչության վիճակագրությունը, 2019թ.[7]

	Փաստացի բնակչություն, հազար մարդ	Քաղաքային բնակչություն	Գյուղական բնակչություն	Բնակչության խտությունը, մարդ/կմ²
Երևան	1081,8	1081,8	-	4851
Արմավիր	263,9	82,6	181,3	212
Արարատ	256,7	72,2	184,5	123
Կոտայք	251,6	137,4	114,2	121
Շիրակ	233,3	136,9	96,4	87
Գեղարքունիք	228,3	67	161,3	43
Լոռի	215,5	127,6	87,9	57
Սյունիք	137,6	93,4	44,2	31
Արագածոտն	125,4	27	98,4	46
Տավուշ	122,2	51,7	70,5	45
Վայոց Ձոր	49	17,3	31,7	21

Այսպիսի անհամաչափությունը, բնականաբար, արտացոլվում է նաև արտադրական ծավալների մեջ. Երևանում արտադրվում է երկրի տարեկան համախառն արտադրանքի 54,5%-ը: Այսպիսով՝ երկրի բնակչության գրեթե կեսը կենտրոնացած է մի քաղաքում, որտեղ կենտրոնացած է նաև երկրի արտադրանքի կեսից ավելին:

Գծապատկեր 2. Համախառն ներքին արդյունքն ըստ մարզերի, 2017թ., %[8]:

[7] Հայաստանի Հանրապետության մարզերը և Երևան քաղաքը թվերով / ՀՀ վիճակագրական կոմիտե: 2019թ., էջ 22: URL: https://www.armstat.am/file/article/marzer_-2019_9_.pdf (Դիմելու ամսաթիվ՝ 19/09/2020թ.):

[8] Հայաստանի Հանրապետության մարզերը և Երևան քաղաքը թվերով / ՀՀ վիճակագրական կոմիտե: 2019, էջ 22: URL: https://www.armstat.am/file/article/marzer_-2019_10.pdf (Դիմելու ամսաթիվ՝ 15/09/2020թ.):

Այս ցուցանիշներըմատնանշում են տարածաշրջանային զարգացման անհավասարության խնդիրը․ բնակչությունը, արտադրանքը և, հետևաբար, հնարավորությունների ճնշող մեծամասնությունը կենտրոնացած են երկրի 0,75% հատվածում: Ստորև ներկայացված են մարզերում կենսամակարդակը բնութագրող որոշ ցուցանիշներ: Աղքատությունը՝ որպես երկրում գործող եկամուտների բաշխման համակարգի արդյունք, ևս արտացոլում է բևեռացում: Աղքատության ամենաբարձր մակարդակն արձանագրված է Շիրակի մարզում, իսկ ամենացածրը՝ Վայոց Ձորում և Արագածոտնում:

Աղյուսակ 2․ ՀՀ մարզերի և Երևան քաղաքի մակրոտնտեսական ցուցանիշները[9]

	Համախառն ներքին արդյունքը, կառուցվածք, %, 2017	Համախառն ներքին արդյունքը բնակչության մեկ շնչի հաշվով ՀՀ-ի միջին ցուցանիշի նկատմամբ, %, 2017	Անվանականաշխատավարձը, դրամ, 2018	Աղքատության մակարդակ,%, 2017	Միջին ամսեկան եկամուտը մեկ շնչի հաշվով, դրամ, 2018
Երևան	54,5	150,8	194754	22,4	79176
Արագածոտն	3,2	73,4	105562	17,6	70420
Արարատ	6,9	79,2	124633	21,7	49475
Արմավիր	6,1	68,8	128292	26,2	48963
Գեղարքունիք	4	52,2	109133	20,5	56371
Լոռի	5	67,6	114123	29,7	43301
Կոտայք	6,2	73,6	132657	31,1	57355
Շիրակ	4,3	53,7	107111	44,3	39780
Սյունիք	6	129,4	234601	18,5	97146
Վայոց Ձոր	1,7	101,3	118280	16,9	41181
Տավուշ	2,1	51,2	115336	27,8	37962

2018թ․ դրությամբ ըստ տնտեսական գործունեության տեսակների առաջատար են եղել հետևյալ մարզերը՝

[9] Հայաստանի Հանրապետության մարզերը և Երևան քաղաքը թվերով / ՀՀ վիճակագրական կոմիտե, 2019: URL: https://www.armstat.am/file/article/marzer_2019_10.pdf,

https://www.armstat.am/file/article/marzer_2019_17.pdf

https://www.armstat.am/file/article/marzer_2019_17.pdf(Դիմելու ամսաթիվ՝ 16/09/2020):

- Արդյունաբերական արտադրանք՝ ք․ Երևան (37,9 %),
- Գյուղատնտեսության արտադրանք՝Արմավիր (19,9%), Արարատ (14%),
- Շինարարություն՝ք.Երևան (52,3%),
- Մանրածախ առևտրի շրջանառություն՝ք․ Երևան (72,8%):

Տնտեսական հնարավորությունների անհավասար բաշխվածության մասին վկայում է նաև Ասիական զարգացման բանկի զեկույցը, որում նշվում է, որ ներդրումների, պետական ծախսերի և արտաքին առևտրի զգալի մասը բաժին է ընկնումԵրևանին, իսկ հյուսիսային մարզերը՝ մասնավորապես Շիրակն ու Լոռին, տնտեսական աճից լիարժեք օգուտ չեն ստանում[10]:

Որո՞նք են տարածքային անհավասարության նվազեցման համար անհրաժեշտ քայլերը:

Համաշխարհային բանկի զեկույցում նշվում ենՀայաստանում տարածաշրջանային անհավասարության կրճատմանն ուղղված մի շարք քայլեր: Ընդունելով, որ տարածաշրջանների միջև առկա անհավասարությունը սահմանափակում է երկրում ներառական տնտեսական աճ ունենալու հնարավորությունը, ինչպես նաև կարևորելով մարդկային կապիտալի զարգացման դերը ժամանակակից տնտեսությունում և արտահանման խթանման հարցում՝Համաշխարհային բանկի վերլուծաբաններն առաջարկում են խթանել մարդկային կապիտալի զարգացումը աղքատ մարզերում: Առաջին հերթին, կարևորվում է որակյալ բժշկության հասանելիությունը. այսօր մայրաքաղաքից դուրս ապրող բնակչության մեծամասնությունն այս հնարավորությունից զրկված է:Նույնը վերաբերում է սոցիալական ապահովության ծառայություններին և տնտեսական հնարավորություններին[11]: Արժույթի միջազգային հիմնադրամի վերլուծաբանները,հիմք ընդունելով Ֆրանսիայի, Մեքսիկայի, Լեհաստանի, Միացյալ Թագավորության և Միացյալ Նահանգների

---

[10] Նոթագրություն ներառական աճի վերաբերյալ / Ասիական Զարգացման Բանկ, Երկրի գործընկերության ռազմավարություն, Հայաստան, 2014–2018: URL: https://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cps-arm-2014-2018-sd-01-hy.pdf (Դիմելու ամսաթիվ՝ 11/09/2020):

[11] FY19–FY23 Country Partnership Framework ForThe Republic of Armenia / Document of the World Bank Group. Report no. 123902-AM. 2019.

URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/523501552357219076/pdf/armenia-cpf-fy19-fy23-february-27-final-update-3-4-19-03062019-636876792405788612.pdfAccessed on October 3, 2020).

վիճակագրական տվյալները,մշակել և հաշվարկել են անհավասարության կրճատմանը նպաստող մեխանիզմներ, որոնց հիմքում ընկած են հասցեական դրամական փոխանցումները աղքատ տարածաշրջաններին: Այս համատեքստում արժե նշել, որ սոցիալ-տնտեսական զարգացվածության տարածքային անհավասարությունը հաղթելու ամենաազդեցիկ գործիքներից է համարվում ֆիսկալ քաղաքականությունը, մասնավորապես՝ եկամուտների պրոգրեսիվ հարկումը, որն իր մասնակցությունն ունի եկամուտների վերաբաշխման մեջ:

Ընդհանուր առմամբ, անհավասարության խնդիրը կրում է համակարգային բնույթ: Տնտեսական զարգացման, եկամուտների և հնարավորությունների կենտրոնացման խնդրի լուծումը համակարգային բարեփոխումներ է պահանջում մի շարք ոլորտներում: Ապակենտրոնացման թիվ մեկ պայմանը աղքատ տարածաշրջաններում գործարարության խթանումն է, ինչի համար անհրաժեշտ է զարգացնել յուրաքանչյուր տարածաշրջանի մրցակցային առավելությունը: Բնականաբար, ապակենտրոնացումը պահանջում է համապատասխան ենթակառուցվածքի առկայություն:Բացի այդ, գործարարության խթանումն ենթադրում է ներդրումների ուղղորդում դեպի աղքատ տարածաշրջաններ՝ ելնելով նրանց համեմատական մրցակցային առավելություններից:Կրթության հասանելիությունն ապահովելու նպատակով անհրաժեշտ է մշակել խթաններ համապատասխան որակավորման աշխատուժը տարածաշրջանների կրթական հաստատություններում ներգրավելու համար: Հայաստանում այս խնդրի լուծմանն է նպաստում «Դասավանդի՛ր, Հայաստան» նախաձեռնությունը: Բացի այդ, ապակենտրոնացման ուղղությամբ առաջին քայլը կարող է լինել որոշ պետական կառույցների և կրթական հաստատությունների ամբողջական կամ մասնակի տեղափոխումը տարածաշրջաններ. որպես օրինակ, կարելի է նշել Կենտրոնական բանկի «Դիլիջան ուսումնահետազոտական կենտրոն»-ի ստեղծումն ու աշխատակիցներիտեղափոխումը Դիլիջան:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Chancel L., Hough A., Voituriez T.* Reducing Inequalities within Countries: Assessing the Potential of the Sustainable Development Goals/Global Policy Journal. 2017. doi: 10.1111/1758-5899.12511. P.1. URL: https://agritrop.cirad.fr/587356/1/Chancel%20Hough%20Voituriez%-20gpol12511.pdf
2. *Tello A., Garcia J., Llopis T.* Exploring the recent upsurge of regional inequality in Europe/Working Papers in Economic History. 2019. ISSN: 234–2542. P.1. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/288501238.pdf
3. *Boone C., Simpson R.* Regional Inequalities in African Political Economy: Theory, Conceptualization and Measurement, and Political Effects/LSE International Development. №19-

194.2019.P.2. URL: https://www.lse.ac.uk/international-development/Assets/Documents/PDFs/-Working-Papers/WP194.pdf

4. *Mastronardi L., Cavallo A.* The Spatial Dimension of Income Inequality: An Analysis at Municipal Level/ Sustainability. Vol. 12/1622. 2020. URL: https://www.mdpi.com/journal/sustainability
5. *Bouincha M., Karim M.* Income Inequality and Economic Growth: An Analysis Using a Panel Data/International Journal of Economics and Finance. Vol. 10(5): 242. 2018. P. 243. URL: http://ccsenet.org/journal/index.php/ijef/article/view/74989
6. *Joyes R., Xu X.* Inequalities in the twenty-first century: introducing the IFS Deaton Review/The Institute for Fiscal Studies. 2019. ISBN 978-1-912805-21-1. P. 4. URL: https://www.ifs.org.uk/-inequality/wp-content/uploads/2019/05/The-IFS-Deaton-Review-launch.pdf
7. World social report 2020: inequalityin a rapidlychangingworld / United Nations publication Sales No. E.20.IV.1 ISBN 978-92-1-130392-6. P.4.https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/01/World-Social-Report-2020-FullReport.pdf
8. *Gbohoui W., Lam R., Lledo V.* The Great Divide: Regional Inequality and Fiscal Policy/IMF Working Papers. Vol. 2019/88. 2019.P.7. URL: https://www.elibrary.imf.org/view/IMF001/-25917-9781498311625/25917-9781498311625/25917-9781498311625.xml?redirect=true
9. *Panzera D., Postiglione P.* Measuring the Spatial Dimension of Regional Inequality: An Approach Based on the Gini Correlation Measure/Social Indicators Research. Vol. 148. 2020. PP. 379–394. https://doi.org/10.1007/s11205-019-02208-7

SPATIAL INEQUALITY PATTERNS IN ARMENIA: STATISTICAL OVERVIEW

A. Avetisyan

ABSTRACT

Spatial inequality is still one of the main problems of socio-economic development worldwide. Macroeconomic statistics reflects regional imbalances in Armenia as well. Thus, the article describes the main causes and consequences of spatial inequality in general, as well as macroeconomic indicators formarzes of the Republic of Armenia. Based on the analysis of several studies, the author also suggests some solutions that can contribute to the decentralization of the socio-economic development.

Keywords: spatial inequality, inclusive economic growth, income polarization.

РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В АРМЕНИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

А.Г. Аветисян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье речь идет о том, что десятой целью устойчивого развития ООН является устранение неравенства между странами и внутри стран. Очевидно, что устойчивое экономическое развитие страны невозможно без равномерного развития ее регионов. Однако проблема неравенства социально-экономического развития регионов присутствует в большинстве стран мира. Понятие «неравенство» в рамках одного из подходов применяется к доходам, то есть к результатам экономической дея-

тельности. Второй подход применяется к возможностям, хотя, как правило, одно является причиной другого. Неравенство распределения доходов приводит к неравенству доступа к качественному образованию, здравоохранению, инфраструктуре, качественной еде и питьевой воде и другим возможностям. Ряд экономических исследований свидетельствует о том, что в большинстве стран мира региональное неравенство продолжает углубляться, следствием чего становится растущая урбанизация и миграция ресурсов, в первую очередь, человеческих, от периферии к центру. Возникающая в итоге централизация ведет к еще большему углублению неравенства. Согласно мнению большинства специалистов, только инклюзивный экономический рост может способствовать равномерному развитию регионов, в противном случае рост объемов производства может привести к еще большей поляризации.

Оценка аналитиков Всемирного банка свидетельствует, что в Армении неравенство регионального развития достаточно глубокое. Об этом свидетельствуют и некоторые макроэкономические показатели. Так, согласно официальной статистике, 36% населения страны проживает в Ереване, который занимает лишь 0,75% территории Армении. При этом, в каждом из марзов проживает менее 10% населения. Та же картина наблюдается с точки зрения плотности населения. Кроме того, в г. Ереван производится 54,5% годового ВВП страны (по состоянию на 2017г.). Картину неравенства отражают также и показатели бедности, заработных плат, ВВП на душу населения и другие. О неравномерности регионального развития в Армении свидетельствует также и доклад Азиатского банка развития, в котором отмечено, что большая часть инвестиций, государственных расходов и внешней торговли приходится на столицу, а северные регионы – такие, как Ширак и Лори, и вовсе не получают полноценной выгоды от экономического роста.

Каковы пути обеспечения равномерности регионального развития?

Аналитиками Всемирного банка отмечено несколько способов сокращения неравенства в Армении. В первую очередь, в целях обеспечения инклюзивности было предложено инвестировать в развитие человеческий капитал в наиболее бедных регионах. То же касается проблем доступности качественных медицинских услуг и различных услуг в области социального обеспечения, которых лишено большинство населения, проживающего за пределами столицы. В этом контексте многими специалистами отмечается целесообразность и эффективность инструментов фискальной политики, в частности, прогрессивного налогообложения. В целом, децентрализации развития способствует стимулирование деловой активности в регионах, для чего следует инвестировать в развитие отраслей, представляющих конкурентное преимущество каждого конкретного региона.

Ключевые слова: региональное неравенство, инклюзивный экономический рост, поляризация доходов.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Поступила: 08.07.2020г.
Сдана на рецензию: 20.07.2020г.
Подписана к печати: 30.07.2020г.

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ УДИВЛЕНИЯ: НА ПРИМЕРЕ НОСИТЕЛЕЙ АРМЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

К.С. Анумян, С.С. Мисисян

Российский университет дружбы народов
ORCID ID: 0000-0001-6125-4942
karpisanumyan93@mail.ru
Российско-Армянский университет
ORCID ID: 0000-0003-3779-8995
serine.misisyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Тема настоящей научной статьи находится на перекрестке важнейших дисциплинарных областей современной лингвистической научной мысли: эмотиологии, лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики. Данное исследование посвящено рассмотрению особенностей выражения эмоции в армянской и русской этнолингвокультурах. Актуальность исследования определяется его связью с когнитивно-коммуникативной парадигмой современных лингвистических исследований, основанной на учете преобладающей роли человеческого фактора во всех областях человеческой деятельности, в частности, в плане интерпретации окружающего мира. Авторами рассмотрены спорные вопросы взаимоотношения удивления со смежными явлениями. Результаты проведенного исследования в своей совокупности указывают на превалирование в эмоции удивления культурного составляющего, что проявляется как в различном количестве и семантике средств его объективации в языке, так и в специфике их дискурсивной активности, особенностях внутренней формы, метафорической и паремиологической интерпретации. На основе анализа конкретных примеров доказывается, что носители армянской и русской этнолингвокультур достаточно часто демонстрируют схожие выражения эмоции удивления, однако количественные показатели свидетельствуют о более высокой степени выраженности исследуемой эмоции в русской этнолингво-

культуре. При этом существенных различий в этнокультурном сознании, приводящих к коммуникативным барьерам при вербализации изучаемой эмоции, не выявлено.
Ключевые слова: эмотиология, удивление, этнолингвокультурная специфика, вербализация эмоций, эмоция удивления.

Различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание
и на чувства являются различными мировидениями.
Вильгельм фон Гумбольдт

Поскольку в основе мировоззрения и мировосприятия каждого народа лежит уникальная система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, изучение влияния этнического и социокультурного факторов на сознание носителя определенной этнолингвокультуры представляет особый научный интерес. Этнический и социокультурный факторы выявляются, в частности, в национально-этнических особенностях репрезентации и восприятия тех или иных эмоций.

Некоторые исследователи рассматривают эмоции как универсальную конструкцию, полагая, что большая часть эмоционального опыта основана на биологическом опыте. Тем не менее, эмоции не только биологически детерминированы, но также подвержены влиянию окружающей среды. Следовательно, при изучении многих аспектов эмоций обнаруживаются этнолингвокультурные различия.

Эмоция является сложным образованием, включающим универсальный, национально-специфический и индивидуальный компоненты, в которых находят свое отражение образы сознания, имеющие свою специфику в каждой конкретной этнолингвокультуре и определяющие выбор языковых единиц для репрезентации конкретной эмоции.

Национальные особенности эмоциональной сферы во многом зависят от экстралингвистических факторов. Совокупность уникальных для конкретной культуры эмоциональных выражений определяет специфику менталитета.

С точки зрения этнологии, лингвокультурологии и других смежных дисциплинарных областей современной науки установление причин расхождений в способах репрезентации тех или иных базовых эмоций является архиважной задачей. Любое исследование, посвященное объективации эмоций, должно иметь в своей основе четкое разграничение универсальных и национально-специфических компонентов языковой ментальности. Это – фундамент любого исследования, позволяющего говорить о специфике той или иной этнолингвокультуры, поскольку посредством определения границ уни-

версального и его природы, посредством сопоставления этнолингвокультур можно выявить их национальную специфику.

В процессе межъязыкового сопоставления способов репрезентации эмоций обнаруживается устойчивое соотношение универсального и идиоэтнического компонентов. Следует отметить, что понятийный компонент эмоции при этом носит универсальный характер, а национально-культурная специфика проявляется в других компонентах. Рассмотрим данный процесс на примере эмоции *удивления*.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу эмпирического материала, рассмотрим, что же представляет собой эмоция *удивления*, какую она играет роль в русской и армянской этнолингвокультурах. Начиная лишь с недавних пор, считается общепризнанной точка зрения, что при межкультурном общении первопричинами непониманий являются различия этнокультурного сознания коммуникантов, а не различия между языками, следовательно, вопрос межкультурных общений надлежит пониманию в качестве «проблемы общения разных национальных сознаний» [1].

Цель статьи – рассмотреть особенности выражения эмоции удивления в армянской и русской этнолингвокультурах, выявить культурную составляющую изучаемой эмоции, исследовать семантику средств ее объективации в русском и армянском языках, изучить специфику их дискурсивной активности, особенности внутренней формы, метафорическую и паремиологическую интерпретацию.

Основой изучения данной проблемы послужили научные работы российских и зарубежных ученых: В.И. Шаховского, И.А. Васильева, Л.Я. Дорфмана, Е.П. Ильина, З.З. Исхаковой, И.С. Карабулатовой, Е.Ф. Тарасова, К.Д. Ушинского, К. Изарда, Дж. Лакоффа, М. Джонсона и др.

Повышенное внимание к проблемам этнолингвокультурологии, наблюдаемое в научных кругах, объясняется, прежде всего, значительным повышением роли этнической принадлежности в речевом поведении носителей различных языков. «Интерес к языковой деятельности различных этнических образований обусловлен усилением позиций человеческого фактора в языке, свидетельствующего о смене базисной парадигматики» [2]. Изучением вопросов взаимодействия языков, а в частности, близкородственных, занимались такие ученые-исследователи, как Ф.Г. Фортунатов, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, У. Сафран, Х. Тололян, Г. Шеффер, К. Платт, Э. Скиннер, А. Бра, Р. Коэн, Р. Хетлаге, Т. Фаист, Р. Льюис, С. Хантингтон и др.

Для достижения поставленной цели были использованы методы сравнения, изучения и обобщения опыта, а также обзорно-аналитический метод,

включающий теоретический анализ литературных источников по проблеме исследования.

Изучение языковых контактов не только в виде результатов языкового взаимодействия, но и антропоцентрически ориентированной парадигмы представляет собой новый подход в лингвистике. Новым подходом также является сравнительно недавно возникшая в лингвистических учениях дисциплина – эмотиология – наука, изучающая эмоции (лингвистика эмоций), в рамках которой проводится данное исследование. «Эмоция *удивления*, как и любая реализованная в коммуникативном акте эмоция, чаще всего несет в себе большую долю экспрессии. Кроме этого – *удивление* в основном представлено проективно построенным текстом, то есть идиоматична. Следовательно, изучение языковых реализаций эмоции *удивления* с необходимостью требует обращения к тем аспектам языковых единиц, которые аккумулируют культурную информацию и отражают соотношение: “язык-человек-культура”» [3]. Общеизвестно, что изучением таких проблем занимается лингвокультурология. Как указывает С.Г. Воркачев, предметом лингвокультурологии «… является язык и культура, находящиеся в диалоге, взаимосвязи между собой. … Лингвокультурология занимается проблемами взаимосвязи языка и культуры, становлением языковой картины мира» [цит. по: 4].

Тем не менее, эмоция удивления, будучи одной из базовых эмоций, неоднократно становилась предметом изучения лингвистов. При этом до сих пор нет исчерпывающего лингвистического описания данной эмоции. Большая часть работ носит фрагментарный характер. Попытки создания идеографического словаря, или тезауруса, содержащего максимально полный перечень слов и выражений эмоции удивления, отличались рядом недостатков, таких как, например, недостаточная разработанность универсальных семантических критериев для классификации имеющегося материала, отсутствие экспликаций употребления и сочетаемости слов и выражений. Другим распространенным видом исследований являются описания отдельных языковых или речевых особенностей выражения эмоции *удивления*, которые, однако, также оказываются недостаточными ввиду отсутствия опоры на общее лексико-семантическое поле «Удивление».

Не существует также единого подхода к описанию вербализации эмоций в целом, так как, «всякий раз, как предпринимается попытка оседлать эмоции, вновь и вновь приходится удивляться тому, как трудно подвести их под какую-либо общую предметную область; запрячь в логику той или иной парадигмы…» [5]. Однако, основополагающими на данном этапе развития лингвистической науки являются два подхода – смысловой/прототипический (А. Вежбицкая, Л.Н.

Иорданская, А. Зализняк) и метафорический (Н.Д. Арутюнова, G. Lakoff, M. Johnson, Z. Kövecsés). Исходя из того, что ни один из вышеуказанных подходов не является исчерпывающим, наиболее продуктивным мы считаем их синтез, предложенный в работах Ю.Д. Апресяна и В.Ю. Апресян.

Удивление – одна из самых сложных в числе базовых эмоций. Одной из особенностей эмоции удивления является отсутствие противоположной эмоции. Эта особенность не дает возможности установить оппозиции, которые позволили бы выделить существенные для удивления параметры.

К спорным вопросам можно отнести проблему взаимоотношения удивления со смежными явлениями (любопытство, любознательность). В научной литературе принято выделять два подхода к решению данного вопроса. Представители первого подхода рассматривают удивление как безусловно-рефлекторную первичную реакцию, впоследствии приводящую к любопытству [6]. Второй подход примечателен тем, что в эмоции *удивления* выделяются две области: 1) *собственно удивление* и 2) *страсть к удивлению,* выражающуюся в эмоциональных значениях: *любопытство* (желание испытать удивление) и *любознательность* (стремление к познанию) [7].

И.А. Васильев, выделяя три стадии возникновения и развития эмоции удивления, рассматривает ее как сложную эмоцию, имеющую несколько областей [8]. Первая стадия – *недоумение*, возникающее при относительно малой уверенности в правильности прошлого опыта, в случае несогласования некоторого явления с этим опытом.

Вторую стадию ученый связывает с *«анормальным» удивлением*, являющимся следствием заострения противоречия, осознания несовместимости наблюдаемого явления с прошлым опытом.

Третья стадия – *изумление*, возникающее в случае абсолютной уверенности в правильности предыдущих результатов мыслительного процесса и прогнозирования результатов, противоположных возникшим. *Изумление* часто протекает как аффект с соответствующими физиологическими и психологическими реакциями.

Общеизвестно, что каждый язык обладает своей особенной системой обозначения реалий. При этом различия в языке отражают различия в национальной ментальности, более того, каждый язык характеризуется своей уникальной «картиной мира». Несмотря на то, что эмоция удивления универсальна, она несет в себе определенную культурную составляющую, которая по-разному выражается в плане содержании фразеологических единиц разных языков.

Учитывая лингвистические и психологические особенности выражения эмоции удивления, можно выделить следующие универсальные характеристики: «*удивление* – неопределенное амбивалентное эмоциональное состояние, поддающееся градации и имеющее короткий период протекания; *удивление* стимулирует процесс познания и может иметь заметное физиологическое влияние на человека» (выделено нами – К.А., С.М.) [9].

По словам В.И. Шаховского, «эмоция особенно четко акцентируется, когда она разворачивается визуально, через невербальные средства» [10].

Несмотря на некоторые различия в национальной ментальности, носители различных культур, благодаря существующим универсальным эталонам, адекватно воспринимают большинство адмиративов. В подтверждение приводим несколько эталонов экспрессии удивления, представленных в книге Е.П. Ильина «Эмоции и чувства» [6].

Таблица 1. Эталоны экспрессии удивления.

<table>
<tr><th>1-й эталон</th><th>2-й эталон</th><th>3-й эталон</th><th>4-й эталон</th><th>5-й эталон</th><th>6-й эталон</th></tr>
<tr><td>глаза широко открыты</td><td>поза застывшая</td><td>интонации восклицательные</td><td>взгляд вопросительный</td><td>глаза широко открыты</td><td>брови подняты</td></tr>
<tr><td>рот приоткрыт</td><td>растерянность</td><td>рот приоткрыт</td><td>лицо застывшее</td><td>уголки губ опущены</td><td>взгляд вопросительный</td></tr>
<tr><td>брови подняты</td><td rowspan="2">интонации восклицательные</td><td rowspan="2">всплескивает руками</td><td rowspan="2">уголки губ опущены</td><td>лицо застывшее</td><td rowspan="2">растерянность</td></tr>
<tr><td>на лбу морщины</td><td>поза застывшая</td></tr>
</table>

Интересно отметить, что длина словаря экспрессивных признаков удивления состоит из 11 суждений; из них чаще всего использовались следующие: «глаза широко открыты» – в 70% случаев, «брови подняты» – в 57%, «рот приоткрыт» – в 40%, «взгляд вопросительный» – в 30%.

Как в русском, так и в армянском языках под удивлением понимается эмоциональное состояние, вызываемое странностью или непонятностью, необычностью или неожиданностью, достигая высшей степени своего проявления в лексеме «изумление». Данное эмоциональное состояние в данных

языках обозначается также лексемами «ошеломление», «огорошивание», «ошарашивание» // «*շշմել*» [shshmel], «*ապշել*» [apshel].

В армянском языке, как и в русском, *удивление* выражается разными способами, в том числе прямым выражением с помощью частей речи: н-р, существительным *զարմանք* [zarmanq] // удивление (изумление); прилагательными *զարմանալի* [zarmanali], *զարմանահրաշ* [zarmanahrash], *զարմացած* [zarmats'ats], *շշմած* [shshmats] // удивительный, дивный, удивленный, ошеломленный; глаголами *զարմանալ* [zarmanal], *ապշել* [apshel] // удивляться, ошеломляться; междометиями *վա՜յ, վո՜ւյ, ա՜խ, պահո՜* և այլն [vay!, vuy!, ax!, paho! ev ayln] // вай! вуй! ах! ого! и т.д. Большинством из этих способов можно выразить как *удивление*, так и радость, страх, злость и др. Косвенно же выражается с помощью фразеологизмов: *Աչքերին չհավատալ* [Achqerin chhavatal]*; ականջներին չհավատալ* [akanjnerin chhavatal]*; աչք(եր)ով տեսածին չհավատալ* [achq(er)ov tesatsin chhavatal]; *ականջով լսածին չհավատալ* [akanjov lsatsin chhavatal]*; աչքով տեսածին* [achqov tesatsin], *ականջով լսածին չհավատալ* [akanjov lsatsin chhavatal]*; ինքն իրեն չհավատալ* [inqn iren chhavatal] // Не верить (не поверить) своим /собственным/ ушам (глазам)/ самому себе. *Մազերը բիզ-բիզ կանգնել* [Mazery' biz-biz kangnel]*; մազերը բիզ-բիզ ցցվել* [mazery' biz-biz ccvel]*; մազերը բիզ-բիզ տնկվել* [mazery' biz-biz tnkvel]*; մազերը բիզ-բիզ ելնել* [mazery' biz-biz elnel] // Волосы дыбом /встают, поднимаются, становятся/. *Զարմանք կտրել* [Zarmanq ktrel] // Сильно удивляться, поражаться. *Բերանը բաց մնալ* [Berany' bats' mnal]*; աչքերը ճակատին թռչել* [achqery' twakatin t'r'chel]*; աչքերը գագաթին թռչել* [achqery' gagat'in t'r'chel]*; խսկց. «աչքերը քյալլեն թռչել»* [xskc. «achqery' qyallen t'r'chel»]*; աչքերը դուրս պրծնել* [achqery' durs prc'nel]*; աչքերը կուլ գնալ* [achqery' kul gnal] (о сильном удивлении, усталости или при сильной боли) // Глаза на лоб (из-подолба) лезут /полезли, вылезут и т.д./ или Глаза вон лезут или Глаза вылезают из орбит /у кого/. *Զարմանքը շարժել* [Zarmanqy' sharjhel] // Удивлять, изумлять. *Զարմանքը տանել* [Zarmanqy' tanel] // Большое удивление. *Զարմանք կտրել* [Zarmanq ktrel] // Сильное удивление, изумление [примеры приведены по: 11, 12, 13].

«Самое важное в нашей жизни – это наши чувства, восприятие прекрасного, моральные поступки, духовное сознание. И ни одно из этих понятий не является чисто рациональным и объективным», – отмечают Лакофф и Джонсон [14].

О необходимости подробного изучения языковых средств выражения эмотивности писали многие лингвисты. Так, например, выдающийся ученый В.И. Кодухов еще в середине 90-х годов прошлого столетия отмечал, что

каждый автор стоит «... перед необходимостью адекватного отбора языковых средств для решения вопросов, связанных с определением идентичности человека (гражданской, национальной, социальной и даже половой)» [15]. Иными словами можно сказать, что для выражения своего отношения к окружающей действительности человек (как субъект) должен подобрать (осознанно или неосознанно) соответствующие языковые формы, а регулируют этот процесс отражения именно эмоции как психическое определение значения объектов мира для каждого индивидуума. Анализируя реальные проявления взаимоотношений трех составляющих (человек – мир – эмоции), З.З. Исхакова отмечает, что «... эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому более или менее типизированными. Таким образом, эмоции всегда имеют причину, субъект и объект» [16]. Ярко видна и взаимосвязь эмоции с когницией, ибо эмоции связаны с разумом: «в некоторой мере эмоциональность свойственна обычным состояниям сознания, и она предшествует когнитивным процессам» [17].

«*Удивление* – состояние, вызванное **сильным** впечатлением от чего-либо необычного, неожиданного, странного, непонятного» (выделено нами – К.А., С.М.) [18]. В русском языке важность придается силе воздействия. Удивление характеризуется как когнитивная эмоция, возникающая в неожиданной ситуации, являющаяся адекватной реакцией на отклонение от нормы.

Сложность и разноплановость эмоции удивления отражается также в способах передачи ее семантики. В устной коммуникации удивление выражается посредством лексического и синтаксического наполнения высказывания, интонации, мимики и жестов. Неустные способы передачи удивлений в основном выражаются описательно или с помощью паремий. В письменной коммуникации – с помощью графических средств и авторских ремарок, в которых отражаются особенности речи испытывающего эмоцию удивления человека и его поведения.

Как показывает языковой материал, прямых речевых актов (или прагматически построенной информации) при выражении удивления намного меньше, чем косвенных (т.е. проективно построенных) речевых актов.

Учитывая тот факт, что между концептуальным и языковым содержанием определенной лингвокультуры могут быть различия, можно прийти к выводу, что выражение эмоции *у*дивления, будучи способом репрезентации языковой «картины» мира, во многом зависит от национального мышления. Следует также отметить, что чаще всего человек какое-то решение принимает сначала под воздействием эмоций, и лишь спустя некоторое время пытается найти рациональное объяснение для принятого решения.

На основе анализа научной литературы можно заключить, что в научных кругах за последнее десятилетие возрос интерес к языковому аспекту исследования эмоций.

В подтверждение приведем статистические данные. Так, запрос в поисковой системе научных работ “Google Scholar” по ключевому слову «особенности выражения эмоции удивления» выдает 17 400 научных работ, из коих 11 400 опубликованы за последние четыре года.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что интерес в русскоязычной научной среде к исследуемой теме имеет тенденцию к росту.

Однако следует отметить, что в научной литературе по исследуемой проблематике наблюдается дефицит работ, посвященных этнолингвокультурному аспекту репрезентации изучаемой эмоции.

Перспективными представляются лонгитюдные исследований, учитывающие этнолигвокультурную специфику репрезентации эмоции удивления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Изд-во «Эйдос», 1996. С. 8.
2. *Карабулатова И.С., Карелина Л.Ф.* Украинская диаспора Тюменской области: история, язык, культура. Тюмень, Печатник, 2006. С. 7.
3. *Анумян К.С.* Лингвокультурологические особенности выражения удивления в коммуникации // «Методология андрагогического образования в контексте третьей модернизации Казахстана: тенденции, проблемы, пути решения»: материалы международной научно-практической конференции. Нур-Султан, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2020. СС. 65–66.
4. *Ламбарджян С.П.* Персуазивность в зеркале антропоцентризма / С.П. Ламбарджян. Ер.: «Лимуш», 2017. С. 26.
5. *Дорфман Л.Я.* Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М.: Смысл, 1997. С. 138.
6. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. С-Пб.: «Питер», 2001. С. 262.
7. *Ушинский К.Д.* Избранные педагогические сочинения в 2-х т. Т.1 / К.Д. Ушинский. М.: «Педагогика», 1974. 520с.
8. *Васильев И.А.* Эмоции и интеллект / И.А. Васильев, Ю.Е. Виноградов, А.А. Виноградова // Искусственный интеллект и психология. М.: «Наука», 1976. СС. 133–227.
9. *Мисисян С.С.* Основные структурные особенности семантического поля «удивление» в русском языке. Дис… канд. филол. наук. Ер., 2018. 139с.
10. *Шаховский В.И.* Голос эмоций в языковом круге homo sentries. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 116.
11. *Бедирян П.С.* Развернутый толковый словарь идиом армянского языка / П.С. Бедирян. Ер.: Изд-во ЕГУ, 2011.1408с. (на арм. яз.)
12. *Сукиасян А.М., Галстян С.А.* Фразеологический словарь армянского языка. Ер.: Изд-во Ереванского университета, 1975. 618с. (на арм. яз.)
13. Русско-армянский фразеологический словарь / Под ред. Р.Л. Мелкумяна и П.М. Погосяна. Ер., Изд-во Ереванского университета, 1975. 616с.

14. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. P. 188.
15. *Карабулатова И.С.* Провидческий дар В.И. Кодухова в решении проблем этноязыковой политики: воспоминания о разговорах с учителем // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XIX-ой Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова (г. Покров, 15–17 мая 2019г.) / Отв. ред. А.В. Пузырев. М.: МПГУ, 2019. С. 12.
16. *Исхакова З.З.* Гендерный дейксис [Эл. ресурс]: монография / З.З. Исхакова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. С. 51.
17. *Izard C.E.* The psychology of emotion. New York, Plenum Press, 1991. P. 69.
18. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. С-Пб.: Норинт, 1998. 1534 с. [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.gramota.ru/ (дата обращения: 02.04.2020)

ETHNOLINGUOCULTURAL FEATURES OF EXPRESSING THE EMOTION OF SURPRISE: ON THE EXAMPLE OF NATIVE SPEAKERS OF ARMENIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

K. Anumyan, S. Misisyan

ABSTRACT

The topic of this article is at the crossroads of the most important disciplinary areas of modern linguistic academic thought: emotiology, linguoculturology, psycholinguistics, ethnolinguistics. The study is devoted to the consideration of the features of expressing the emotion of surprise in Armenian and Russian ethnolinguocultures. The relevance of the study is determined by its relationship with the cognitive-communicative paradigm of modern linguistic research, based on the predominant role of the human factor in all areas of human activity, in particular, in terms of interpreting the world around us. The authors have examined the controversial issues of the relationship between the emotion of surprise and the related phenomena. The results of the study indicate a prevalence of the cultural component in the emotion of surprise, which is manifested both in the different quantity and semantics of the means of objectifying it in the language, as well as in the specificity of their discursive activity, the peculiarities of the internal form, metaphorical and paremiological interpretation. Based on the analysis of the specific examples, it is proved that the carriers of Armenian and Russian ethnolinguocultures quite often show similar expressions of the emotion of surprise. However, quantitative indicators indicate a higher degree of severity of the studied emotion in the Russian ethnolinguoculture. At the same time, there have been no significant differences in ethnocultural consciousness leading to communicative barriers in verbalising the studied emotion.

Keywords*:* emotiology, surprise, ethnolinguistic specificity, verbalization of emotions, emotion of surprise.

УДК 070:13

Поступила: 01.09.2020г.
Сдана на рецензию: 02.09.2020г.
Подписана к печати: 20.10.2020г.

ПОСТСОВЕТСКИЕ АРМЯНСКИЕ СМИ: ОТ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ К НЕЗАВИСИМОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

М.Э. Авакян

Российско-Армянский университет
marvolskaya@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье предпринята попытка дать оценку минувшим десятилетиям становления независимой прессы в Армении. В сфере научных и социологических исследований в силу краткости сроков и недостаточности фактологического материала объектом внимания ученых становились лишь локальные аспекты функционирования СМИ Армении: в частности, непростая судьба конкретных изданий и журналистов, освещение отдельных проблем, реакция изданий на те или иные политические и социальные события.

Ключевые слова: независимая Армения, новые печатные СМИ, партийная пресса, кризис.

1991–1994гг. определяются как начало профессионализации армянской независимой журналистики, характеризующийся значимыми изменениями, в том числе и в сфере СМИ. С одной стороны, активная политическая жизнь только-только провозглашенного независимого государства[1], а с другой – усилившаяся связь Республики Армения с многочисленной армянской диаспорой мира, а также все связанное с возрождением традиционных армянских партий и их «присутствием» в стране, – послужили мощным стимулом к восстановлению и усилению т.н. «партийной прессы». В частности, с 1991 года в стране начали выходить в свет несколько новых газет – органов политических партий, соответственно. Тенденции «независимой» журналистики начали проявляться и на национальном телевидении: «Система армянского телевидения значительно отличается от других телеструктур, существующих во всем мире: во многих аспектах мы заметно отстаем, и на то существуют определенные субъективные и объективные причины. Долгие годы государство владело монополией на телевещание. Но время вносит кор-

[1] 21 сентября 1991 года в Армении был проведен референдум о независимости.

рективы в самые, казалось бы, незыблемые структуры: в январе 1991 года была организована альтернативная студия **А1**. Создана она была силами энтузиастов, начинающих, как говорится, с нуля, без технического и иного оснащения. <…> Сегодня студию можно назвать профессиональной. **А1** совершенно независима – и в финансовом и других аспектах»[2][1]. На армянском ТВ была организована новая информационно-аналитическая передача «Айлур», которая родилась благодаря талантливой и прогрессивной работе журналистов новой волны, чего не наблюдалось в период 1989–1991 годов. Продожалась война в Карабахе, и в прессе по-прежнему преобладали пафосно-национальные публикации и антиазербайджанская пропаганда. Однако отличие «новой» прессы заключалась в том, что на смену публицистам-непрофессионалам, журналистам первой волны независимости пришли постоянные корреспонденты с постепенно растущим профессиональным журналистским уровнем. «Кто говорит, что мы все только и дерем глотки о политике! Чушь – мы взахлеб пытаемся просто жить, хотя бы и в словах. И с каждой рваной раной на теле страны уцелевшие счастливо вздрагивают – и долго-долго говорят об этом.

То, о чем рассказано в этом выпуске – не мольба об помощи – как вам это удается сделать? Попытайтесь прочесть иначе иначе, примерьте увиденное и услышанное к разным точкам на карте. Как бы ни развивались события, итог у всех неизменен – льется кровь[3].

Понимаете ли вы, что происходит! Агонирующая империя пытается продлить жизнь кровопусканием. Как ни прискорбно это признавать, услужливых, готовых на все рук в этой стране хватает. На этот раз они понадобились и в Закавказье. Что там происходит сегодня, догадываются многие по ту сторону гор, а здесь...здесь идет война. Взаправдашняя – такая, как в Афганистане. Только “наши” теперь давят танками своих же, а в “духах” теперь ходят армянские ополченцы.

Прошедшие сумасшедшие годы надежд наконец-то убили в народе в “доброго царя” и народных заступников от номенклатуры. Но не исчезла вера в людей, иначе,наверное, не было бы смысла делать этот выпуск»[4][2]. Известные еще с советских времен журналисты, пишущие, некоторые – на рус-

---

[2] *Авакян, М.* А I просит эфир // «Республика Армения», № 10 (545), 22 января 1993г.

[3] Как не провести здесь параллелей с сегодняшним временем, когда Азербайджан вновь, спустя 30 лет, развязал кровопролитную агрессию против армян, начиная с 27 сентября 2020 года, развязав очередную войну.

[4] Специальный выпуск Информационного еженедельника «Глашатай» (русское издание еженедельника «Муненик»), май 1991г.

ском языке, развернули активную деятельность в становлении свободной прессы Независимой Армении, среди них – Мгер Давоян, Аветис Серопян, Сергей Джанян, Арам Карапетян, Рузанна Петросян, Нелли Геворкян, Ашот Газазян, Ашот Арамян, Михаил Дилоян, Герман Авакян – известный фотожурналист, Мария Авакян и др.

Мы были свидетелями рождения многих изданий, имеющих очень короткую жизнь: орган партии Национального самопределения (АОД) на двух языках – «Свобода» (арм. вариант: «Ազատություն»)[5], которые просуществовали недолго; печатный органы «Армянского общенационального движения» (АОД) (арм. «Հայոց Համազգային Շարժում» (ՀՀՇ)) и др. Но и здесь журналисты, не умеющие молчать, писали о насущных проблемах: уроках истории[6] [3], Карабахской войне, социальных проблемах, вопросах беженства. «До чего мы дошли в результате развала Союза: ставшие независимыми, мы на деле оказались вынужденными вести кровопролитную борьбу, пытаясь доказать миру свою историческую принадлежность к тому или иному региону, брошенными на произвол судьбы, изгнанными с родных мест, в одночасье ставшими беженцами. Это слово, казалось, оставшееся в далеком прошлом, мы вспоминаем в связи с геноцидом 1915 года, великой Отечественной войной, неожиданно вовалось в нашу жизнь и очень быстро стало привычным. Но привычным ли?»[7][4]. Пожалуй, лишь газеты «Азг»[8] и «Еркир»[9], не ограничивавшиеся партийной тематикой, отличающиеся информативностью и высокой журналистской культурой, сохранили планку наиболее читаемых в Армении газет[10].

---

5 В самом начале газета «Свобода» привлекла в себе известных журналистов, представителей армянской интеллигенции.

6 См.: *Авакян, М.* Уроки Первой мировой войны или Севрский мир с Турцией // «Свобода», март 1996г.

7 *Авакян, М.* Сегодня время работает на нас, а вернее – на будущее // «Свобода», № 4 (35), февраль 1994г.

8 «Азг» – первая независимая газета в Республике Армения. В течение прошедших лет газета издавалась стабильно.С 1999 года «Азг» имеет сайт, который ежедневно обновляется. Интернет-версия газеты представлена на шести языках: армянском, русском, английском, турецком, арабском, персидском. Читают ее в 70 странах мира, ежедневно в среднем 2500 человек.

9 Газета «Еркир» – официальное издание Верховного органа Армении АРФ «Дашнакцутюн».

10 Дело в том, что главными редакторами только этих газет были профессиональные журналисты, когда-то работавшие в СМИ на Западе и ставившие во главу угла в первую очередь информацию, а не пропаганду. Они, не жалевшие партийных денег на покупку лент «Рейтер», «Франс-Пресс» и «Ас-сошиэйтед Пресс». В результате, из партийных газет только «Азг» и «Еркир» избежали славы «агитлистков».

Начавшийся в 1991 году экономический кризис привел к тому, что вплоть до 1994 года, т.е. в период Карабахской войны, пресса Армении находилась, практически, на грани выживания. Известно, что зимой 1992–1993гг. из-за блокады и жесточайшего энергетического кризиса был приостановлен выпуск почти всех армянских газет, кроме официальных «Айастани Анрапетутюн» и ее русского эквивалента «Республика Армения», а также спонсируемых из-за рубежа печатных органов зарубежных партий «Азг» и «Еркир»[11].

Это были очень тяжелые годы для Армении, впоследствие названные «темными»: в следующую же зиму, такую же суровую, как и предыдущая,1993–1994гг., многочасовые отключения электроэнергии привели к тому, что жители Независимой лишились самого популярного источника информации – телевидения, а влед за ним – и радио. Информационный вакуум могли заполнить лишь газеты: к тому времени некоторые из них начали выходить почти регулярно. Однако, как это не прозвучит невероятно, купить газеты могли далеко не все, и даже публичные библиотеки не имели в то время средств для подписки. Журналисты находились не в лучшем состоянии: они получали мизерную зарплату и гонорары[12]. После энергетического кризиса 1992–1993гг. последовало резкое подорожание газетной бумаги, что привело к тому, что к началу 1994 года в Армении практически не осталось изданий, основанных на самоокупаемости[13][5]. То есть «выжили» только те газеты, которые сумели найти платежеспособных спонсоров или учредителей, а также те немногие, которые смогли сохранить с лучших (советских) времен достаточный запас бумаги[14]. Как было уже отмечено, несмотря на то, многие газеты стали выходить в свет достаточно регулярно, приблизительно к 1994 году резко упал уровень популярности аудитории к печатным СМИ, и не только по экономическим причинам. Произошло резкое изменение социально-политического климата в стране, а вместе с ним – снижение социальной активности у неселения.

[11] Официальные газеты были перемещены в здание Президентского дворца, где имелось круглосуточное электроснабжение, а у газет «Азг» и «Еркир» были собственные источники электроэнергии.

[12] Достаточно вспомнить, что за статью получали несколько драмов, в зарплата составляла 100–150 др. (За 1994г. курс драма к российскому рублю упал на 1,32 руб. за 1 др. Максимальная стоимость драма за год была зафиксирована в первой половине октября и равнялась 11,34 руб., а минимальная – в середине сентября и составляла 6,76 руб.). В долларовом эквиваленте – 0,2144$).

[13] См.: Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. Ер., Кавказский институт СМИ, 2005.192с.

[14] Это были бывшие издательства и типографии ЦК КПСС и ВЛКСМ.

Так или иначе, как и в других странах постсоветского пространства, сегодняшнее состояние СМИ Армении резко отличается от советской прессы и от первых, неоднозначных лет становления независимости страны. Бросая ректроспективный взгляд на прошедшие десятилетия, можно сказать, что пройден значительный путь – от первых «кустарных» попыток воплощения свободного слова до уже вполне определившейся современной прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авакян, М.* А I просит эфир // «Республика Армения», № 10 (545), 22 января 1993г.
2. Специальный выпуск Информационного еженедельника «Глашатай» (русское издание еженедельника «Муненик»), май 1991г.
3. *Авакян, М.* Уроки Первой мировой войны или Севрский мир с Турцией // «Свобода», март 1996г.
4. *Авакян, М.* Сегодня время работает на нас, в вернее – на будущее // «Свобода», № 4 (35), февраль 1994г.
5. Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. Ер., Кавказский институт СМИ, 2005.192с.

POST SOVIET ARMENIAN MEDIA: FROM SOVIET PROPAGANDA TO INDEPENDENT JOURNALISM

M. Avakyan

ABSTRACT

This scientific article attempts to assess the past decades of the establishment of an independent press in Armenia. In the field of scientific and sociological research, due to the shortness of time and the lack of factual material, only the local aspects of the Armenian media's functioning became the object of attention of scientists: in particular, the difficult fate of specific publications and journalists, coverage of certain problems, the reaction of publications to certain political and social events.

Keywords: independent Armenia, new print media, party press, crisis.

УДК 010

Поступила: 31.07.2020г.
Сдана на рецензию: 19.08.2020г.
Подписана к печати:18.09.2020г.

СПЕЦИФИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.С. Ерицян, М.Р. Тадевосян

Российско-Армянский университет
hayoclezu18@mail, mary.tadevosyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена глобализационным процессам, которые, включая небывалый скачок в информационно-коммуникационной сфере и глобальную интеграцию экономических рынков, внесли ощутимые изменения в структуру медиа. С учетом возрастающего влияния информационных технологий на все социально-экономическое пространство, а также то, что информационные сфера и СМИ превратились в главное звено функционирования современного общества, нашу эпоху можно обозначить не иначе, как период «медийной глобализации». Изучению данных явлений и процессов посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: информационные потоки, СМИ, медийная глобализация, информационные технологии.

«Медийную глобализацию» можно определить как комплекс интегративных процессов в медиа, имеющих целью расширение информационного и коммуникативного пространства во всем мире, создание эффектов тотальности и стандартизации информационного сервиса в мировых масштабах. Медийная глобализация и сопровождающая ее монополизация рынков оказывают значительное влияние на жизнь многих людей, меняя поведение экономических субъектов на микроуровне и трансформируя макроэкономическую сферу. Последнее проявляется в становлении трансграничных предприятий, объединяющие крупные медийные холдинги и мультимедийные корпорации (которые стали настолько активным элементом функционирования современного социума, что весьма часто могут позволить себе миновать волю и решения своих правительств).

Известный теоретик проблем глобализации Роланд Робертсон не усматривает существенных отличий между самим процессом глобализации и его отражением в медиа. Для автора *реальная* глобализация и та, что *сформирована в сознании аудитории массмедиа* – это суть одни и те же процессы. Данный тезис позволяет сделать вывод о том, что глобализационные процессы

являются настолько всеобъемлющими и многогранными, что их нельзя рассматривать в отдельности без ущерба для понимания их смысла.

Глобализация в медиа – это единый, целостный и, в то же время, весьма сложный и многомерный процесс, привнесший в структуру информационных потоков совершенно уникальные черты. Особенности ИП в условиях глобализирующегося мира можно проследить на всех уровнях их «производственного» цикла.

1) *Глобальный контент ИП*. На уровне производства контента информационных потоков первый и важный этап, на котором проявляются веяния глобализации, – это источники информации. Например, деятельность сегодняшних СМИ невозможно представить без обращения к иностранным источникам новостей, без сообщений спутниковых телеканалов, без поисков сведений на просторах Интернета. Национальные информагентства, за неимением возможности содержать необходимый штат сотрудников за границей, вынуждены обращаться к иностранным информационным агентствам, поэтому ленты их новостей преимущественно состоят из сообщений весьма небольшого количества агентств – “Reuters”, “France-Presse”, “Associated Press”, «РИА Новости», «ИТАР-ТАСС». Национальными информационными агентствами весьма часто дублируется как форма подачи, так и контекст представления тех или иных событий. Таким образом, обеспечивается однотипность информационных потоков[1].

Явление информационной глобализации характеризуется 3-мя основными чертами. Первая – общая «повестка дня» международных событий, которая может легко отодвинуть на второй план вопросы национального характера, если последние не представляют важности для международных процессов, и выдвинуть на передовицу освещение тех событий, которые, возможно, для данного государства вовсе и не представляют реального значения. Несмотря на то, что любое СМИ работает на конкретную аудиторию, оио в своей деятельности опираются не некую общую «повестку дня», которая принимается/разделяется СМИ глобального распространения[2].

---

[1] Известный медиаисследователь У. Бек называет подобное явление информационной глобализацией и для подтверждения этого тезиса приводит пример выступления Бориса Ельцина во время путча 1991 года, которое транслировалось многомиллионной аудитории не российскими средствами массовой информации, а телеканалом CNN (и в трактовке CNN).

[2] Так, проведение саммитов стран «большой семерки» или же «большой двадцатки» (G20) становятся главной новостью не только в тех государствах, лидеры которых встречаются на полях данных заседаний. Объяснить то, почему СМИ стран «небольшой двадцатки» обращаются к освещению этих событий, несложно. Одни и те же источники информации, общие новостные структуры, формирующие глобальную повестку дня – вот причина подобного информационного «единодушия».

Вторая черта – влияние глобальной логики рынка на формирование общей «повестки дня». То, что одни события могут стать мега- и, соответственно, медиасобытиями, обусловлено законами рынка: в «новость номер один» превращается то, что легко продается. В этом смысле убийство Саддама Хусейна или Муаммара Каддафи ничем не отличается от концерта Билли Айлиш или финального матча Лиги Чемпионов. Производство хорошо продаваемого контента является по факту результатом универсального распространения «потребительского стандарта»[3]. Массмедиа создают подобный контент за счет привлечения в него элемента интриг, конфликта, скандала, сенсационности. Иными словами, глобальная информационная повестка дня, формируемая едиными источниками новостей, подчиняются законам глобального рынка.

Третья черта информационной глобализации – потеря странами и любыми иными локальными учреждениями национально-информационной независимости, которая в традиционных национальных государствах была важной составляющей политического суверенитета. Система мировой коммуникации, которая создается сетями информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) – Интернетом, спутниками, мобильной телефонией – простирается поверх национальных границ и законодательств. По этой причине, утеряв власть над потоками информации, правительства стран были вынуждены ослабить контроль и над культурным, и идеологическим суверенитетом. Хорошо ли это либо плохо – ответить сложно. Как и во всяком непростом явлении действительности, данный процесс может включать в себя как положительные, так и отрицательные моменты. Но касательно СМИ данная ситуация получила новый виток развития, поскольку возросло количество «агентов влияния», формирующих информационную картину дня. Данный список, безусловно, определятся интересами глобального рынка и запросами трансграничных компаний.

Стоит сказать, что за последние годы активного развития глобализационных процессов средства массовой информации и сами разработали методику по созданию глобального ориентированного контента. Данное руководство, наряду с применением общих источников информации, также предполагает: 1) заимствование наиболее эффективных медиаформатов и их адаптация на национальный лад; 2) заимствование успешных форм организации журналистского труда; 3) заимствование основных «эталонов» журналисткой культуры.

2. *Глобальное распространение ИП*. По справедливому замечанию многих исследователей, современные информационные потоки и есть самое яркое отражение глобализационных процессов. Объяснений тому несколько. Главное

---

[3] Термин Е.Л. Вартановой.

из них то, что явление глобализации наиболее полно реализуется именно в области медиа: благодаря возможностям телевидения, Интернета обеспечивается глобальность, оперативность и многочисленность. Информационно-коммуникационные технологии позволяют сегодня, практически, любому виду контента получить повсеместное и массовое распространение[4]. И в этом смысле понятие «глобальность» становится синонимом термину «неограниченность», означая одновременную доступность, практически, по всему миру[5].

Получается, что глобальная коммуникационная инфраструктура может быть применена в целях распространения контента любого типа и вида и не всегда, как мы могли убедиться, подобное распространение предполагает глобализацию по существу, оставаясь, безусловно, глобализацией по факту. Однако относительно таких видов содержания информационных потоков, как научная или художественная информация, возможности глобального распространения позволяют добиться создания принципиально нового вида контента, находящегося за рамками национальных культур и медиапрактик. Например, появление совершенно уникальных социально-коммуникационных платформ: виртуальные театры и музеи, онлайн-библиотеки и базы данных, которыми могут воспользоваться ученые и исследователи из разных стран мира, литературные интернет-форумы и т.д. И если BBC представляет мировой общественности свою национально-детерминированную точку зрения на происходящие события, то подобные онлайн-практики, сформированные ИКТ на основе личных и профессиональных интересов, создают принципиально иной медиаконтент, в котором наднациональное берет верх над национальной компонентой. И это понятно: такие явления, как литература, искусство, музыка, наука – атрибуты мировые.

Таким образом, глобальное распространение – еще одна черта современных информационных потоков – которое не представляется возможным

---

[4] Конечно, сохраняются определенные затруднения – низкая пропускная способность сетей, ограничения, связанные с их проникновением в разные районы разных континентов, вопросы электроэнергии, материальный достаток и просто навыки – но для многих людей, по крайней мере, для основной массы пользователей медиа, подобные ограничения не столь существенны, поэтому произведенный в цифровом форматеконтент может быть легко доступен в любой точке Земли – вне зависимости от времени суток, национальных границ и контекста.

[5] Необходимо, правда, признать, что часто таким образом мы упускаем из виду тот факт, что глобальное распространение отнюдь не предполагает и глобальной концентрации в содержании. Глобальность канала BBC вовсе не в его содержании: канал четко придерживается выбранной им политики освещения тех или иных событий и не позволяют себе возвыситься над мнениями политиков Соединенного Королевства. Но то обстоятельство, что BBC можно смотреть в различных уголках Земного шара, делает данный национальный канал явлением мирового масштаба.

без применения глобальных сетей, функционирующих на базе современных информационно-коммуникационных технологий.

3. *Глобальные технологии*. Еще со времен создания печатного станка все технологические новшества имели свой целью расширить спектр сетей распространения, ускорить процесс доставки информации до аудитории. XX век ознаменовал собой новую эпоху в медиа, продемонстрировав, что развитие технологий способствует не только расширению аудитории, но и позволяют улучшить качество медиапродуктов за счет слияния различных медиаканалов. Термин, которым можно определить характер и состояние современных массмедиа, – *конвергенция*, предполагающее объединение нескольких носителей медиа в один с целью передачи аудитории разнообразного содержания в цифровом формате.

Именно благодаря процессам конвергенции стало возможным появление такого типа предоставления контента, как гипертекст, в котором одновременно задействованы и аудиовизуальные, и текстовые форматы. Конвергенция способствовала и развитию широкого потенциала интерактивной связи. Современные коммуникационные сети предоставляют пользователям не только возможность в выборе содержания, но и позволяют вступить в дискуссию с редакцией и автором материала, а также самим создавать и распространять свои медиапродукты.

Конвергенционные процессы и переход на «цифру», помимо того, что сделали практически неограниченной доступность цифрового контента, также обусловили резкое возрастание и увеличение объемов информационных потоков. Количество поступающей информации стало превосходить объективные возможности ее восприятия человеком. И если на первых порах медиаисследователями, в особенности, на фоне долгого периода информационного дефицита (речь идет, прежде всего, о постсоветских странах) данное обстоятельство воспринималось радушно, то позднее стало очевидно: избыток информации, в свою очередь, вызывает т.н. «информационную перезагрузку». Читателям и пользователям сложно ориентироваться в этом обилии новостей, когда данные о последних событиях напрочь «перекрывают» или «стирают» предыдущие; способности поиска, обработки и запоминания информации также оказались очень изменчивыми[6]. Поток информации, хаотичность и фрагментарность, отсутствие какого-либо логического порядка и

[6] По этой причине одной из широко обсуждаемых тем сегодня в научной среде является проблема информационного голода, причина которого – именно в избытке информации: большинство людей не только не понимают, как оценивать имеющиеся возможности и альтернативу в выборе информации, но и не понимают их сколь-нибудь значительной доли.

структурирования в их подаче становятся еще одним средством и механизмом по манипуляции общественным сознанием.

4. *Глобальная экономика*. Согласившись с тем, что в основе глобализационных процессов находятся именно рыночные отношения, и приняв примат глобализации в области экономики, мы не можем не обратиться к деятельности трансграничных корпораций (ТНК). Ведь в свете современных глобализационных процессов деятельность ТНК связана как с образованием и развитием общемирового финансово-экономического пространства, значительным ростом международного бизнеса, мировой торговли товарами и услугами, прямых иностранных инвестиций, усилением трансграничного перемещения капиталов и людей, так и с активизацией глобальных информационных процессов (при существенном участием в них западных медиаконцернов)[7]. Радикальные изменения в сфере коммуникации и транспорта, модернизация и реформирование финансового рынка и организация производства через национальные границы формируют реальность, в которой предпочтения отдаются ценностям глобализма, в которой экономика отдельного государства становится частью глобальной экономики и в которой (при очевидном улучшении степени осведомленности потребителей медиапродуктов, создании новых форм и моделей распространения новостей) унифицируются стандарты информирования. С концентрацией в глобальных медиахолдингах финансового капитала усиливаются тенденции по коммерциализации, типизации и шаблонизации информационных потоков.

Австралийский медиаисследователь Джон Кин, размышляя о глобализации медиа, весьма верно подмечает: «модусы коммуникации структурируются властными отношениями… люди зомбируются системами медиа… собственность на средства коммуникации, принадлежащие крупным фирмам, блокирует порождаемые гражданами инновации и сужает плюрализм» [1]. Медиакритик обращает внимание на то, что быстрый «рост гигантскихмедиафирм приводит к еще одному декадентскому следствию: он предоставляет им возможности «приватизировать политику ради своей выгоды, подтасовывая, искажая и извращая правила представительного правления» [1]. Конечно, на это можно возразить, объясняя подобное устройством капиталистического производства, которое основывается на принципах рыночной экономики (конкуренция, максимизация доходов, спрос и предложение и т.д.), апеллировать тем, что, якобы, более эффективной системы выстраивания экономических отношений не существует, однако и тревоги критиков гипермонополизации медиа вполне понятны. Джон

[7] Как результат, темпы роста ТНК сегодня в несколько раз превосходят темпы роста мировой экономики в целом.

Кин приводит известные факты, сославшись на проведенное Беном Багдикяном медиаисследование: так, если в начале 80-ых годов XX века, к моменту проведения самого исследования, медиабизнес США регулировался около 50-ти крупнейшими концернами, то к концу 1980-х годов их число значительно сократилось – приблизительно 30-ть, к концу же века – уже 10, а на сегодняшний день – это т.н. «большая пятерка» медиагигантов: "Time-Warner", "Disney»", "News Corporation", "Viacom, Gannett"[8]. Далее следует «второй эшелон» монополистов в этой категории – это газеты, типа «Нью-Йорк Таймс», журнал, типа «Нэшнл Джиогрэфик», телесети, вроде ABC или CNN. Подобная концентрация массмедиа в руках отдельных лиц или групп, безусловно, предполагает, что при помощи общей стандартизации информационных процессов, установления политического контроля и идеологического давления над средой, которая привыкла к определенным «этнорелигиозным, этико-поведенческим и социокультурным стандартам» определяется общая картина мировых СМИ.

Частным следствием данного тезиса становится расслоение общества на тех, кто является постоянным зрителем телевизионных передач, кто регулярно читает газеты, попадая, таким образом, под влияние официальной пропаганды, и тех, кто большую часть времени проводит в Интернете, получая совершенно иные сведения о происходящих в мире событиях (а также тех, кто обращается к массмедиа все реже – их число, кстати, в последнее время постоянно увеличивается). Получается, что источник новостей, в соответствии с которым формируется информационный поток у конкретного читателя/зрителя, определяют специфику коммуникационной и деятельностной практики аудитории. А поскольку за каждым таким каналом информации стоят интересы тех или иных политиков/владельцев ТНК, то, соответственно, и аудитория этих каналов воспроизводит угодную им поведенческую модель.

Процессы медийной концентрации, предполагающие слияние и поглощение фирм, ведущие к образованию монополий на информационном рынке и, соответствующей унификации информационных потоков, являются прямым результатом развития капиталистической формы организации медиабизнеса и следствием глобализирующегося коммуникационного медиарынка.

5. *Медиареальность*. Глобализационные процессы в медиа, укрепляющие либерализацию рынков, выражают следующую культурную парадигму: лавинообразное увеличение информационных потоков, безусловно, расширяет образовательные и коммуникационные возможности аудитории,

---

[8] Здесь, безусловно, нельзя не сказать и о таких крупных игроках, как: Google, Яндекс, Facebook, Amazon, Yahoo – которые, по большому счету, сегодня и формируют законы рынка.

однако, при этом вовсе не обязательно содействует развитию творческой составляющей и продуктивности «человека медийного». Глобализация, являясь магистралью современной экономики, не отменяет поисков пути к гармонизации отношений между общим и частным, но, способствуя монополизации рынков, порождает конфликт интересов крупных игроков на рынке массмедиа и мелких медиакомпаний, конфликт интересов большого бизнеса и большой (глобальной) аудитории. Данная проблема может принять самый разный характер и, соответственно, проявиться во многих вариациях, нас же интересует следующая ситуация.

Деятельность глобальных медиаконцернов благоприятствует широкому распространению популярных символов и потребительских ценностей, последствием которого становится создание единого культурного (или же, возможно, псевдокультурного) набора идеалов, образов и представлений (в этом и проявляется одна из ипостасей «унифицированности» информационных потоков: набор подобных образов и идеалов весьма ограничен, так как он должен быть воспринят в разных национальных, религиозных, культурных и языковых средах). Последние, в свою очередь, приводят к формированию т.н. «медиареальности» или, как подобное обозначает французский философ Ж. Бодрийяр, «гиперреальности». Основа гипперреальности – симуляция, подмена действительности, когда отличить реальность от вымысла становится невозможным. Поток нескончаемой информации разрушает истинную действительность, облекая ее такими изображениями, которые не имеют своего оригинала – симулякры (термин Ж. Бодрийяра). В итоге, человек оказывается оторванным от действительности, поскольку живет и существует в условиях искусственно конструированной и созданной массмедиа «гиперреальности».

Формируемая средствами массовой коммуникации «медиареальность» выступает, одновременно, и следствием, и движущей силой развития глобальной рыночной системы[9]. Ведь произведенные медиапродукты призваны обеспечить для тех же ТНК как глобальный рынок сбыта, так и их глобальное восприятие «массовой аудиторией». В свою очередь, дезориентирован-

[9]Важно заметить, что«унифицированность» информационных потоков проявляется и в тесной связи символов «медиареальности» с коммерческими брендами, которые находятся сегодня в центре внимания маркетологов. Примеры таких брендов, как “Addidas”, “Nike”, “Coca-Cola” и т.д., демонстрируют, что продукты массовой культуры интегрируются в глобальный рынок не только при помощи рекламы, но также и двумя другими методами: 1) посредством встраивания мировых брендов в медиаконтент новыми моделями маркетинговых коммуникаций (например, product placement); 2) посредством конструирования вокруг продуктов массовой культуры, брендов образной системы ценностей, которые со временем могут перейти в разряд «жизненных» ценностей.

ная «массовая аудитория» – это именно та аудитория, которая может удержать и сохранить политическое и финансовое влияние политиков/владельцев транснациональных корпораций.

Итак, исходя из вышесказанного, мы можем заметить, что изначально процессы медийной глобализации амбивалентны[10]. С одной стороны, открытый, свободный, неограниченный доступ к информации, стирание границ, улучшение уровня взаимопонимания между разными культурами и цивилизациями, с другой – усиление позиций транснациональных корпораций и продвижение интересов определенных стран, несправедливость распределения благ. Вследствие чего приходится говорить об однотипности и односодержательности информационных потоков, потере самобытности национальными массмедиа. Но в то же время сближение методов и стандартов в медиа Запада и Востока, Севера и Юга вовсе не говорит о полной шаблонизации и унификации медийного труда и, соответственно, ИП. Процессы массификации идут рядом с процессами демассификации: мы становимся свидетелями диверсификации журналистского труда. Например, уникальной возможностью и шансом для многих медиакорпораций в условиях общей стагнации западных медиарынков стало расширение на Восток. Ни политическая и экономическая нестабильность, ни низкие доходы от рекламной продукции, ни невысокая покупательская способность населения стран Восточной Европы и постсоветского пространства не заставили западных инвесторов отказаться от этой идеи[11].

Вместе с тем, с развитием процессов медийной глобализации ряд специалистов отмечают, что современные информационные системы переходят на последний, четвертый уровень «осевого времени», этап неравновесных, хаотических состояний [2]. О концептах фантомности или неореальности, как основных характеристик информационных систем современного этапа

[10] Как, собственно, и глобализационные процессы в целом.

[11] Ведь под причиной внешней интернационализации (а на самом деле – «вестернизации») медийного бизнеса скрывалась реальная возможность распределить свои риски в нескольких регионах. Однако именно данными обстоятельствами отчасти было обусловлено становление такого явления, как «глокализации» (образован от двух корней “global” и “local’) – процесса совмещения глобальных и локальных бизнесинтересов, объединения общих достижений в рассматриваемой сфере с самобытными местными обычаями, которых нельзя лишиться: особенность коммуникативных практик такова, что любой язык создает необычный код коммуникации, потеря которого приведет к обеднению мировой культуры. Наиболее ярким примером «глокализации может служить немецкий концерн-холдинг «Бертельсман», деятельность которого связана с издательско-полиграфическим бизнесом и который, продвигаясь на Восток, смог, сохранив «немецкость» и приобщившись к местным традициям, стать успешным в своей отрасли и укрепить позиции во всем мире.

развития цивилизации в контексте массмедиа. говорилось не единожды. Естественно, подобные характеристики массмедиа оказываются тесно связанными со спецификой постмодернистских систем, разнообразием и хаотичной вероятностью информации. Подобная информация, будучи холономной, в новых информационно-коммуникационных системах кардинально перестраивает и время, и пространство: местности теряют свое культурное, географическое и истерическое значение и объединяются в «образные коллажи». «Время стирается в новой коммуникативной системе: прошлое, настоящее и будущее можно программировать так, чтобы они взаимодействовали друг с другом в одном и том же сообщении», – замечает М. Кастельс [3]. Получается, что особенности холономного миропонимания адекватны характеристикам современных медиа.

Наиболее полно этому состоянию массмедиа соответствует синергетическая парадигма, которая объясняет образование организаций из хаоса и представляет собой «необычную» теорию эволюции и самоорганизации сложных систем. Синергетическая концепция предлагает междисциплинарный подход, по этой причине она столь популярна и продуктивна в ряде социально-гуманитарных наук, и к ней, в том числе, нередко обращается теория журналистики. Синергетичным для современных массмедиа может являться:

1) функциональное состояние СМИ: сами журналистские коллективы редко точно определяют идеолого-просветительские цели, а основной целевой структурой, которая организует деятельность СМИ, является в основном коммерческая функция;

2) тематическое и проблемное поле современных СМИ практически ничем не регламентируется и может включать любые темы и объекты;

3) синергетична и форма журналистских публикаций, потому что жанровая система стала размытой, появились пограничные жанровые формы;

4) в качестве явления языковой и стилистической хаотизации можно наблюдать языковуюразностильность публикаций, ослабленное внимание к нормам русского литературного языка, расширение лексики медиа за счет сленговых новообразований, заимствований;

5) процессы хаотизации коснулись и самой профессии, что выразилось в размытости профессиональных критериев, необязательности специального образования [2].

Помимо прочего, синергетический подход к трансформации отечественных медиа может быть также применен в отношении того, как устроен медиабизнес в Армении, а он до сих пор находится на стадии становления.

Сложившуюся ситуацию с экономической точки зрения можно объяснить рядом системных проблем: комплекс учреждений массмедиа все еще не сформировался как индустрия, сам медиарынок недостаточно развит, нехватка компетентных и подготовленных специалистов и т.д. В подобной нестабильной обстановке, естественно, бизнес тяготеет к непрозрачности, происходят попытки монополизация рынка.

В связи с этим, медиаспециалисты отмечают, одним из приоритетов современных медиа должна стать «экономия синергии», которая предполагает, что, интегрировав воедино части, можно достигнуть такого качества, которое невозможно при отдельном их существовании. Успешным примером реализации синергии является модель, при которой наиболее топовые и «горячие» новости распространяются в режиме онлайн, обзорные и аналитические материалы публикуются в печатном варианте, а на электронной странице размещается архив издания, доступ к которому возможен за плату.

Если хаотизация в формах организации информационной деятельности может поспособствовать развитию креативности при создании медиапродуктов, то эти же явления в поле нравственно-этическом могут привести к упадку и деградации социума. И когда ряд экспертов отмечают, что для существования любой синергетической системы необходимо присутствие человеческого разума, который способен осмыслить окружающие явления, выбрать наиболее верный путь для развития человека и общества, они настаивают на парадигме т.н. «золотого сечения», когда позитивные и благоприятные моменты и форматы должны превалировать, чтобы не позволить системе распасться, а дать ей шанс для развития. Тот факт, что современный этап цивилизации именуется не иначе, как «информационным» и «массовым», объясняется «соотносимостью» массмедиа сегодняшнему холономному, динамичному этапу развития человечества. Принципы синергетики применительно к массмедиа предопределяют такие характеристики информационных потоков, как динамизм, открытость, нелинейность, дискретность, диссипативность, которые в условиях неравновесности формируют конструкции, начинающие впоследствии господствовать, становятся примерами для образца и центрами самоорганизации.

Так, динамизм проявляется в быстром и оперативном, постоянном обновлении информационного потока. Возможность моментального и молниеносного перемещения во времени и пространстве наилучшим образом осуществляется именно глобальными компьютерными и телетехнологиями. Подобное качество уже даже сложно называть «оперативностью», поскольку речь идет о практически одновременном восприятии произошедших собы-

тий. При этом мгновенное распространение сообщений является одним из верных способов манипуляции, ведь требование об оперативном освещении событий снижает степень достоверности распространенных сведений и становится оправданием в случае передачи неточных или «фейковых» сообщений. Главная цель, преследуемая манипуляторами, состоит в гарантировании «созерцательного», некритичного и «бессомненного» восприятия медиатекстов, что как посодействует успешному формированию необходимой им позиции по тому или иному политическому вопросу, так и позволит навязать потребительский и «разрекламированный» образ и стиль жизни.

Открытость системы (незамкнутость информационных потоков) – возможность в постоянном и всеобъемлющем обмене информацией с окружающей средой, «стирание» границ между разными жанрами, стилями, структурами. Изучение методов трансляции инфомационных потоков в массмедиа демонстрирует, что весьма важными для журналистского творчества становятся такие аспекты социокультурного действительности, как разрушение рубежей между разными культурами (массовая, классическая, субкультура), разными областями жизни (общественно-политическая и социально-экономическая, светская и личная, религиозная и научная), разным характером восприятием случившегося (трагический и сатирический, реальный и виртуальный)[12].

Еще один аспект открытости информационных потоков соотносится с базовой категорией культуры – аллюзивностью и проявляется в росте числа цитируемости, римейков, подражаний, что обусловлено вписанностью информационных потоков в единое глобальное информационное пространство. В СМИ начинают превалировать медиатексты, система доводов и аргументации которых строится на цитировании: с одной стороны, доводы представляются более значимыми и весомыми за счет обращения к авторитету и апеллированию к прецедентному тексту, с другой стороны, с увеличением количества «чужих голосов» уменьшается роль непосредственного автора в материале. Исследователь Т.В. Шмелева называет это явление «имитаци-

---

[12] Ярким примером открытой системой и образцов «размывания» границ служит медиахолдинг «Медиамакс», включающий в себя такие порталы, как: Mediamax.am, Auto.am, Banks.am, Bravo.am, Itel.am. То, как каким образом происходит процесс перераспределение информационных потоков между порталами (глубокие и аналитические статьи размещаются на сайте Mediamax.am, а материал развлекательного толка – на Bravo.am), создание мультимедийного контента, лонгридов, предполагающие слияние разных форматов и жанров, распределение доходов между порталами и т.п. – демонстрирует, что холдинг предлагает традиционные иновыемедиасервисы, обеспеченные тонкой внутренней синергией.

ей автора», разновидностью которого является замена позиции автора названием издания (ИА «Спутник Армения» обратилось…, газета «Аравот» попросила прокомментировать…) и считает подобное реализацией коммуникативной стратегии «уход от ответственности». М.Н. Саломатина же именует данное явление иначе, обозная его «цитатным мышлением», которому свойственны такие характеристиками, как фрагментарность, бессистемность и ситуативность: «Цитатное мышление делает прецедентный текст одним из способов осмысления новой информации: незнакомое, неясное помещается носителем языка в готовую и понятную схему, при этом нередко происходит упрощение, деформация или частичная потеря смысла. Рост прецедентности общения является одним из главных путей трансформации современной массовой коммуникации» [4].

В этом случае аллюзия проявляется как лингвистический отголосок на известный всем текст, культурный либо исторический факт, а реминисценция – как «маркер аллюзии», введение в материал словесных единиц другого теста. Например, в статье издания «КоммерсантЪ» под авторством А. Колесникова (апрель 2020г.) нашлось место аллюзии на известное произведение [5]: автор материала «Все пройдет как печенегов дым» использует в заголовке фрагмент из стихотворения С. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу», при этом немного его изменив и добавив в цитату слово «печенегов» как обращение к заявлению В. Путина о том, что Россия преодолеет пандемию коронанавируса на подобии того, как она справилась с побегами печенегов и половцев.

Таким образом, медиаматериалы приобретают такое свойство, как мультисюжетность: внезапное интегрирование в одном тексте актуальных сведений о тематических далеких происшествиях, фактах, лицах. Так, статья о смерти Ш. Басаева включает элементы спортивного материала: «В ночь с воскресенья на понедельник, в тот самый момент, когда Зидан провел решающий удар головой в грудь Матерацци, в Экажево, что в 5 км от Назрани, раздался чудовищный гром» [6].

Стилистические функции аллюзии состоят в том, что они служат одним из способов создания картины мира автора путем соотнесения нескольких текстов и реальностей. Изучение данного приема в медиа вызывает особый интерес в контексте исследования синергетической парадигмы, так как приводит к формированию исключительного смыслового уровня публикации и является одним из методов осуществления главных целей публицистики.

Итак, открытость и незамкнутость информационных потоков на уровне текстов приводит к становлению особого комплекса, в котором взаимо-

действие автора материала и аудитории ориентировано на обмен актуальными сообщениями.

Дискретность информационных потоков состоит в их дробности, корпускулярности, когда информация подается в форме ритмической пульсации, носит дискретный характер. Массовая культура лишилась центра, стала мозаичной. Не удивительно, что возник соответствующий термин – «клиповая культура» (определение, введенное Э. Тоффлером), культура, для которой свойственны процессы фрагментарного восприятия и интерпретации сообщений, коллажность и атомизированность образов, алогичность и разрозненность информации. «Клиповая культура», по мысли Э. Тоффлера, «принципиально новое явление, рассматривающееся в качестве составляющей общей информационной культуры будущего, основанной на бесконечном мелькании информационных отрезков и комфортной для людей соответствующего склада ума» [7]. Автор обращает внимание на отсутствие единых медийных моделей, которые растворились в пользу множественных некогерентных вспышек, фрагментов информации – клипов.

Процессы восприятия и репродуктирования в области массмедиа становятся многоуровневыми и многогранными, новости одних изданий или теле-, радиопрограмм накладываются на другие, порой противоположные и далеко несовместимые по смыслу. При всем при этом, современные технологии позволяют не только совместить их в моменте переключения, но и, одновременно, разместить на экране отрывки разных передач. Не так давно даже появился термин «многозадачное поколение» (“multitasking generation”), наиболее точно описывающий современное состояние медиакоммуникации: просмотр телевизионной программы при чтении текста на ноутбуке, прерывающийся время от времени ответами на SMS-сообщения, которые поступают на смартфон. Подобная форма коммуникации и стиль жизни формируют и новый тип мышления – т.н. «клиповое сознание», предполагающее совмещаемость и вместимость разных информационных рядов (реальность современной мультимедийной журналистики), сознание, по образному выражению Ф. Гиренока, «реагирующее только на удар». Поэтому возникло словосочетание «драйв-мышление» – мышление аудитории, постоянно «перескакивающей» с прочтения одной статьи на другую и ежеминутно меняющей картинку на экране телевизора, как только материал перестает быть интересным и приносить драйв читателю/зрителю. Как результат, подобное становится причиной потери способности к критическому и аналитическому мышлению и приводит к резкому уменьшению количества программ, рассчитанных на «умную» и интеллектуальную аудиторию.

Нелинейность информационных потоков состоит в том, что информация носит не строго регламентированный, системный, а беспорядочный, нелинейный и непредсказуемый характер. Колебаемость, следование за событиями и отклонение от них – это одна из важных характеристик современной журналистики и, соответственно, информационных потоков. Для эпохи постмодерна в целом присущ отказ от структурированности и иерархичности как проявление несогласия против тотального метода высказывания. Для нелинейного восприятия свойственно отсутствие пространственных и временных границ. В тестах СМИ сегодня можно географически соединить разные информационные пласты. Процессы глобализации и сопутствующее размывание национальных границ приводит к тому, что создаваемая средствами массовой информации национальная картина мира неизбежно дополняется другими картинами мира, разными пластами менталитета.

Неравномерное движение времени в холономных восприятиях может быть зафиксировано в медиа следующим образом. В одни периоды создается впечатление уплотнения времени, когда кажется, что за день было пережито очень много событий, а в другие периоды время тянется медленно и вечно. Ускорение и замедление времени обеспечивается в СМИ за счет большого количества произошедших событий.

В современных медиа достаточно хорошо выражена такая особенность восприятия, как возможность «остановить мгновение» – концентрация внимания на каком-либо событии, личности, политической фигуре и звезде шоу-бизнеса. И тогда все средства массовой информации бросаются писать, иллюстрировать, описывать и фотографировать объект со всех возможных сторон, делая его большой фигурой и не оставляя без внимания ни один уголок его личной жизни. В погоне за «шумихой» и сенсационной информацией журналисты отбирают экстраординарные факты и преступного, и криминального характера, фокусируются на различные рода скандалах, связанные с нарушением этических норм и общественной морали. При этом весьма часто отобранные подобные «сенсационные» факты, распространенные в СМИ с намеренным нарастанием эмоционального напряжения, формируют неверное целостное представление о той или иной общественной сфере.

Качество гиперболичности выражается в современных массмедиа одновременно с таким явлением масскультуры, как порождение кумиров. И сегодня чаще всего речь идет о кумирах интриг, скандалов. Когда вслед за одним кумиром в поле зрения попадает новый идол, который становится объектом всеобщего интереса и внимания, предыдущий же образ размывается в сознании и памяти. Причем, сконцентрированность на каком-либо

образе может носить как временный характер, так и «всегдашний», когда «идол» является постоянным ньюсмейкером на протяжении достаточного долгого периода времени[13].

Для медиасферы постмодерна характерно символическое архетипическое восприятие, которое в СМИ проявляется в виде мифотворчества, мифологизации событий и фигур. Процессы мифологизации стали типичным явлением в медиа: благодаря им многие сложные состояния для восприятия представляются унифицированными и стандартизированными, события сводятся к примитивным и типичным стереотипам. И даже всесторонний анализ и рассмотрение (в том числе и в авторитетных изданиях) не выходит за рамки одноплановых тезисов и концепций.

Диссипативность информационных потоков связана со способностью реализовывать при определенных условиях т.н. «диссапативные структуры», самоорганизовываться. Именно возможность огромного количества пользователей самоорганизовываться уже сегодня меняет принципы традиционной журналистики. Совершенно очевидно, что мы становимся свидетелями становления части активной аудитории от читателей/зрителей/слушателей к со-здателям медиасферы: от консьюмера через профессиональную площадку к просьюмеру. Доказательство тому – активное развитие различных интерактивных платформ коммуникации, блогосферы, обращение к мультимедийным возможностям СМИ. Х. Тоффлер назвал Сеть крупнейшим просьюмерским проектом: «Создание сети внесло особый вклад в изменение системы знания, в наше отношение к пространству и времени. Интернет кардинально изменил наш способ мышления и обучения, а также способ делать деньги, заниматься бизнесом, управлять экономикой и создавать богатство. Сейчас фактически закладывается основа для настоящего взрыва потребления в богатейших странах. Он обусловлен быстрым распространением знания, экспансией технологий, которые можно использовать в протреблении» [8].

Именно ввиду таких качеств Интернета, как мультимедийность, многоканальность, гипертекстуальность, интерактивность, осуществляется моделирование персонализированного, субъектизированного (в некотором смысле даже эмоционального) медиапространства, в котором массмедиа становятся ключевыми партнерами пользователей. «Впервые появились предпосылки и возможности функционирования масс-медиа не как системы массового информирования и манипулирования (которая существовала с мо-

[13] Например, СМИ, при этом и мировые, очень любят обращаться к фигуре В.В. Путина, он становится «завсегдатаем» медийных обсуждений.

мента создания СМК), но как системы и среды неиерархического коммуницирования медиа и аудитории», – замечает исследователь М.Г. Шилина [9]. Автор исследования констатирует важность обновления коммуникационной модели: рядовому пользователю предоставляется возможность в создании и распространении контента, что приводит к трансформации коммуникационной парадигмы (субъект-субъектной). Такая модель изменяет связку «медиа – пользователи», «просьюмер информации – консьюмер информации», поскольку получатель информации может стать и со-творцом, и со-автором медиапродукта.

Но и как любое явление действительности, данная модель имеет как положительные, так и негативные стороны. Основные преимущества очевидны и связаны с перспективами медиапользователей эпохи постмодерна как субъектов более самостоятельных и самодостаточных, легко ориентирующихся в сфере информационных технологий. Участие пользователей в создании медиаконтента, с одной стороны, усиливает авторские функции, с другой – активирует процессы дифференциации и сегментации аудитории, поскольку потребление медиаконтента мультимедийных СМИ очевидно персонализировано и интерактивно. Однако отказ от иерархичности, характерный для постиндустриального общества, переопределяет и ряд негативных моментов участия пользователей в конструировании медиапространства. Только лишь участие аудитории в данном процессе не улучшает современную ситуацию в системе медиа. Ведь в большинстве случаев интересы пользователей ограничиваются их участием в сегменте интертеймента и в гораздо меньшей степени – в сфере аналитической и публицистической журналистики, т.е. невостребованным остается именно тот сегмент качественного контента, который, собственно, и нуждается во внимании и коррекции со стороны аудитории. Таким образом, даже получив возможность в выборе содержания, аудитория все же чаще всего обращается к образцам массовой журналистики, что, конечно же, не гарантирует изменений в медиасфере и снижает требования к качеству медиапродукта. Полагаем, что со-участие аудитории не приведет к решению проблем современных массмедиа и не отменит потребности в профессиональных авторах, однако в этом случае необходимо констатировать о трансформации понимания категории «авторства». Но в то же самое время, безусловно, мы не можем не считаться с явлением «со-участия пользователей», мы живем при эпохе, когда «к традиционным коммуникациям прибавляется массовая коммуникация» и создается площадка для становления «персонализированных медиа» [10].

Таким образом, все вышеозначенные характеристики информационных потоков делают их адекватными современному состоянию информации в мире и могут рассматриваться в качестве основных признаков информационных потоков в условиях глобализации и эпохи постмодерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин. М. : Изд. дом «ВШЭ», 2015. 346с.
2. *Свитич Л.Г.* Феномен журнализма. М., 2000. С.С. 74, 200, 198, 210–211.
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 352.
4. *Саломатина М.С.* Прецедентность современного дискурса как следствие когнитивной глобализации // Человек в информационном пространстве: межвуз. сб. науч. тр. / Под науч. ред. Н.В. Аниськиной: в 2-х т. Вып. 9. Ярославль, 2010. Т. 1. С. 120.
5. *Колесников А.И.* Все пройдет как печенегов дым // «КоммерсантЪ», 09.04.2020г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4317297 (дата обращения: 06.05.2020г.).
6. *Кравченко С., Раскин А.* Ликвидация с вариациями // Русский “Newsweek”.17 июля 2006г.
7. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
8. *Алексеева А.* Новая волна богатства // М.: «Эксперт». 2008. № 2.
9. *Шилина М.Г.* Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций // Медиаскоп. 2009. Вып. 3. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/%D0%BC%D0%B5% (дата обращения: 30.07.2020г.).
10. *Кастельс М.* Медиабизнес, медиаконвергенция и конвергенция в журналистике // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир-Россия-Урал: мат-лы XIII Всерос. науч.-практ. конф. Гуманитарного ун-та: доклады: в 2-х т. Екатеринбург, 2010. Т. 2. С. 272. С. 270.

SPECIFICITY OF INFORMATION FLOWS IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

S. Yeritsyan, M. Tadevosyan

ABSTRACT

Globalization processes including an unprecedented leap in the information and communication sphere and the global integration of economic markets have made tangible changes in the structure of the media. Taking into account the increasing influence of information technologies on the entire socio-economic space, as well as the fact that the information sphere and the media have become the main link in the functioning of modern society, our era can be defined as the period of “media globalization”. This article is devoted to the study of these phenomena and processes.

Keywords: information flows, mass media, media globalization, information technologies.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 1174

Поступила: 11.05.2020г.
Сдана на рецензию: 25.05.2020г.
Подписана к печати: 04.06.2020г.

AT THE INTERSECTION OF THE EUROPEAN HIGHER EDUCATION AREA AND BRICS: THE WAY FORWARD

G. Poghosyan

Global Bridge Educational Complex
garik.poghosyan2011@gmail.com

ABSTRACT

While BRICS countries do not formally have a common area of higher education modeled on the European Higher Education Area (EHEA), official attempts have been made to deepen cooperation in this domain. Nevertheless, authors studying the EHEA tend to omit recommending formulas and pathways derived from the European experience of building a common expanse of higher education for the BRICS members (Brazil, Russia, India, China and South Africa). Thus, we have aimed to study the case of Armenia – a country undergoing integration into the EHEA, through the lens of the feedback and perceptions of eight local education experts with substantial experience in higher education and/or educational management, international programs to advance the discussion of the suitability of the European model for BRICS.
Keywords: BRICS, EHEA, integration, higher education.

Introduction

This article attempts to draw conclusions applicable to the possible establishment of mechanisms of formal integration of the systems of higher education of BRICS countries looking into the perceptions of advantages and shortcomings of the European Area of Higher Education based on insights collected from the Armenian educational expert community. The existing format of university-level cooperation or common projects among the BRICS members is no match for the level of integration that the European Area of Higher Education has achieved. However, as we will see, a substantial number of examples as well as educational expertise illustrates the applicability of the European model in the mentioned area on the one hand and the still untapped potential of the latter on the other. Thus,

analyzing expert feedback and insights in a bottom-up manner – individual rather than institutional – we will make use of the case of Armenia as a fount of formulas and generalizations, a reflection of Armenia's experience in the European Higher Education Area, and suggest their application in the BRICS countries in the context of the suitability of the former for the latter. The selection of Armenia stems from the following considerations. First, Armenia has been integrating into the European Higher Education Area [1]. Furthermore, as a developing nation, its example can offer lessons for other developing nations, such as BRICS, regarding the supranational system of higher education as well as the integration of systems. Lastly, against the backdrop of significant differences among the higher educational systems of the BRICS Members, Armenia is an example of a post-Soviet transition to a new model of higher education and can hence provide crucial insights for other nations and systems in actual or potential transition. Even though the "internationalization of higher education", "collaboration in the leading universities" and the aim to "improve the quality of education" were embraced in the Moscow Declaration of Education Ministers of BRICS in 2015 [2], there is significant work lying ahead before the level of cooperation among BRICS countries in the field of education will reach that of the European Higher Education Area. To be precise, each participating European country commits to "reform its own higher education system or systems in order to create overall convergence at European level", something that implies a significantly higher level of integration than merely strategic cooperation or setting long-term primary goals [3]. In a similar fashion, the Bologna Declaration sets ambitious goals of competitiveness and internationalization by stating that it is their aim "to create a European space for higher education in order to enhance the employability and mobility of citizens and to increase the international competitiveness of European higher education", which goes so far as to allude to common citizenship. In a final stroke, European countries aim to construct not only a common educational realm with a high degree of competitiveness and harmonization but see the use of institutional autonomy and capacity as building blocks for such a transition in that they take "full respect of the diversity of cultures, languages, national education systems and of University autonomy – to consolidate the European area of higher education.". By contrast, the declarations and commitments of the Ministers of Education of BRICS countries are as a rule much more low-key and less ambitious, probably as a result of a number of strategic, geographic and political factors that come into play. In the New Delhi Declaration [4], for instance, BRICS ministers just aim to "identify a nodal institution within each country and create an institutional network" let alone involve all of their institutions of higher learning. Further, they intend to merely

“share information on higher education systems, approval and recognition processes” to name but a few. Thus, the chief objective of the present article is to derive workable lessons of integration of the system of higher education into supranational networks from the case of Armenia for BRICS countries due to a general lack of such comparative studies. This is addressed in the following chapter. Then, the results of an open-question survey of eight Armenian educational experts are discussed. A couple of recommendations are made in the Conclusion.

Methodology

As discussed earlier, the aims and objectives of the present research paper are to draw lessons for BRICS countries regarding the integration of the higher education system of developing nations into a larger, supranational higher education area. For the purpose of collecting professional views, several questions were submitted to experts in the field of higher education administration, postgraduate programs, international student exchange and/or teaching in institutions of higher learning electronically; the responses were typed and returned electronically to generate generalizable data. The experts were explicitly informed that any quotes would be anonymous. In total, eight experts were contacted to respond to the enquiries in the form of a survey. All the experts are based in Armenia and their perspectives reflect their experiences largely in Armenia and, in some cases, abroad (through exchange programs). Some or all of the following criteria were taken into consideration:

- Teaching experience;
- Involvement in or awareness of higher education;
- Educational qualifications (a degree in teaching or a PhD);
- Knowledge of Armenia’s integration in the European Higher Education Area;
- Knowledge of or participation in student and scholar exchange programs.

The combined total work experience of all the experts is 93 years. While all of them hold advanced university degrees, including multiple degrees as well as foreign qualifications, four of them hold PhDs. Five of the experts have extensive teaching experience at the university level. Three of the experts have experience in educational management while one of them worked in the Ministry of Education of the Republic of Armenia for seven years.

In line with the purposes of the paper, an attempt was made to address the following issues:

- To what extent are experts in the field of education satisfied, approve of or have benefited from Armenia's integration into the European Higher Education Area?
- What are their individual perceptions as well as common ideas regarding the advantages, shortcoming or prospects of such integration?
- How is the integration of the systems of higher education perceived in the realm of opportunities, development and politics?
- What lessons can be drawn concerning the possible integration of the systems of higher education among BRICS countries?

In the following chapter the discussion of the results leads to both generalizations and recommendations. For the purpose of individualized analysis of the data collected, Expert 1, Expert 2 etc. are assigned as substitute names as the names of the experts shall not be revealed for reasons of anonymity.

Bologna Process in Perspective

Even though the European Higher Education area has been at the forefront of scholarly and political attention as demonstrated in the rest of this chapter and much attention has been heeded to various aspects and dimensions thereof, there is very little, if any, reference to the applicability and suitability of the European model of educational integration for other blocs of countries undergoing integration, much less, if any at all, to the arguably largest intercontinental bloc – the BRICS countries. *The Bologna Process: It's Impact in Europe and Beyond* [2] seems to be the exception that proves the rule, at least to the extent that our research has revealed. However, despite the fact that the authors offer a detailed analysis of several relevant issues arising from the investigation of the Bologna process, such as harmonization of national systems of education, credit transfer and quality insurance, as well as a cursory reference to the attempts made by West African, South-East Asian and American states to initiate integration, the authors do not go to great length providing a list of formulas stemming from the European experience that can be applied to other regions and blocs. Interestingly, they highlight the externalization of the European experience by stating that, "while in the initial 1999–2003 period the focus was mainly on intra-European cooperation, since 2005 the Bologna countries have demonstrated increasing interest in cooperation and policy dialogue with higher education systems around the world" [5]. Moving on, the authors offer an exhaustive but brief exposition of the cases that were various types of replicas of the European predecessor. For example, Southeast Asian Ministers of Education Organization's Regional Centre for Higher Education and Development, Inter-American Organization for Higher Education, the

Latin American and Caribbean Common Area of Higher Education, to name but a few. In the final analysis, even though certain comparisons are made, they are largely confined to the discussion of similarities of the processes inspired by Bologna or represent an outline of the impact of the Bologna process, such as the conclusion that "…although too seldom acknowledged, it has been of enormous benefit to European countries that they have started to address many higher education challenges together" [6]. Thus, it is true that the mentioned authors have done a brilliant work of exposing in no uncertain terms the effectiveness and the impactful character of the Bologna process but they have not suggested any specific formulas from the European experience that can or should be applied elsewhere in the world.

In a similar fashion, and arguably in a further departure from the comparative externalization and applicability assessment, other authors examining the internationalization of issues derived from the Bologna process have shed light on certain aspects of universal cooperation that are invariably tied to generalizations or gauging the effectiveness of European policies themselves rather than an evaluation of their suitability and prospects and possible implications of their adoption by other systems of integration. To be specific, international mobility and cooperation are highlighted as, "European higher education institutions have also been focusing on international strategies and cooperation agreement to attract international students from all parts of the world" [7]. Nevertheless, no attempt is made to either assess or predict the effectiveness of the same format of brain circulation in other regions of the world, let alone specifically BRICS countries. As the authors go on to indicate the enhancement of successful internationalization of the Bologna process, it is safe to assume that the possible transfer of the experience and internalization in other regional or educational contexts is largely ignored. Paradoxically, even as the authors discuss the African higher education integration modeled on the Bologna process in the context of the internationalization of the European pathway, they draw particular attention to the historical, evolutionary similarities of the European and African endeavors, the political features of the African experimentation and the overall logic of integration founded on the twins of a common response to contemporary challenges and an inspiration-driven imitation of the experience. Not surprisingly, it is argued that the embryo of the African model of integration was formed when the "African Ministers of Education discussed and emphasized the need for regional higher education harmonization strategy for the revitalization of the sector and for making African institutions competitive in the global knowledge system".

Within the logical boundaries of the preceding analysis, the Bologna Process Implementation Report-2018 specifically deliberates the internationalization efforts. In contrast to a broader internationalization agenda, however, the discussion is an evaluation of practices within the European constraints rather than a universal cross-cultural comparison. Thus the report is limited to, with regards to internationalization, the relevant strategies of institutions of higher learning, the financial contours of the internationalization process, academic mobility and funding and some other aspects.

As follows, this article, based on a bottom-up analysis of expert perspectives derived from a survey, aims to take a step further and, founded on the principles of universal applicability of educational experiences in similar settings and circumstances, to extract practical formulas to be applied in other areas of integration. For the purposes of this article we have aimed at BRICS countries based on the reasons expounded in the Introduction. In this fashion, the article attempts to establish a link between the Bologna Process and the BRICS countries in terms of the applicability of the lessons of the integration of the systems of higher education of the former in the latter. The bottom-up approach, which essentially relies on the experience and expertise of a select group of individuals, aims to externalize, contextualize and internationalize the human dimension of educational integration.

Bottom-Up Analysis

Overall, experts tend to agree that the integration of the systems of higher education has a multi-layered significant role in a multitude of fields, including but not limited to professional development, technological and scientific advancement, cultural awareness and understanding, personal growth and political considerations. A more detailed look reveals different levels of trust and slightly varying attitudes due to personal experiences. For example, five of the experts explicitly referred to their own involvement in international exchange and professional development schemes as largely positive and longitudinally impactful, one of them mentioned “formal” learning as the foundation for their professional growth while two assessed the influence of the exchange programs on their professional lives as negative due to lack of transparency and accountability of selection processes and relevant decision-making. The same two experts were the only ones who also referred to the prospect of losing well-qualified professionals as a result of integration and accompanying exchange schemes. Among the advantages of the integration of the higher education system of the Republic of Armenia into the European Higher Education Area specifically mentioned by the experts were the mobility of

beneficiaries, career advancement opportunities, integration into multi-disciplinary programs, accessibility of international education, competitive edge of the participating country in general as well as the participants in particular. Moreover, five of the experts specifically mentioned the strategically important benefits extracted by the host societies of various exchange schemes, such as tapping into the professional talent pool of the third country, the development of their own economies, enhancing cultural diversity, improving bilateral political relations with a specific country, peer-to-peer learning opportunities, and soft power. Interestingly, one of the experts could not provide feedback regarding the evaluation of the possible impact of the exchange schemes on host societies as, according to them, the exchange scheme benefit the same professors only. Another expert highlighted that countries are in pursuit of their political or economic interests or are forced to integrate. Thus, while most of the experts straightforwardly described integration and exchanges as advantageous for both smaller countries-beneficiaries and those that provide with funding, a significant minority was more ambivalent or restrained in their positive evaluations largely due to personal experiences in the Armenian context. In the following paragraphs we have extracted the most salient illustrations and tenets that the experts have put forward as the main features of the processes relevant to the present article. As mentioned earlier, the responses have been anonymized in the form of Expert A, Expert B, etc., and the pronoun "they" has been used to replace gender-specific pronouns. In addition, we have divided the experts into two sub-groups: Group A is mostly positive and refers to the developmental and professional edge the integration endows with, and Group B, which mostly refers to the assets of such integration not being utilized productively, lack of transparency, institutional incapacity and similar controversies and shortcomings.

Expert A emphasized that the integration into the EHEA leads to "adjustments not only in the political but also political, economic, socio-cultural and similar spheres." Further, the expert established the link between strategic policies and the institutional transformation emphasizing the significance of political decision-making. In line with this reasoning, Expert A mentioned the unprecedented opportunity for Armenian professionals to do research abroad, learn from professional exchanges and foreign experience becoming the "the planner of one's own continuous professional development." On a more personal level, the expert noted that their involvement in international exchange programs and participation in international conferences and seminars as well as research projects were instrumental in finalizing their PhD in Armenia. With regards to the disadvantages of forgoing the integration into the EHEA altogether, the expert stressed that "it might not

be a major concern for those countries whose systems of higher education have undergone a long period of development…and have adopted such traditional attitudes and have such national characteristics that not only do not fall behind countries with exemplary educational systems on the international level but also are capable of having a dominating status internationally." In a nutshell, Expert A believes the integration displays its significance on individual, national and international levels, is more important for smaller countries or those that fall behind the leaders in the field of education, key to professional success and autonomy and provides multiple opportunities and has political, cultural, economic dimensions in addition to the educational domain. More importantly, the expert highlighted the possibility of major countries leading in the sphere of education to become forces to integrate themselves ("capable of having a dominating status internationally").

Expert B starts off with an important note: they believe the Armenian educational system has been integrating into the common European area in such a way that has benefited both sides in terms of an "up-to-date vision for the development and modernization of education on the part of Armenia." Interestingly, Expert B suggests in no uncertain terms that Armenia prevails qualitatively in specific fields, such as IT technologies, construction engineering and some others. Their claim leads to important conclusions, such that attaching great weight to the educational system and capacity of developing nations in the post-Soviet area and perhaps beyond. In a similar line of reasoning, the expert mentions the importance of engaging the intellectual potential of Armenia from a European perspective. In other words, the discussions of the issue leads to such political and strategic undercurrents as strategic human resource management or, perhaps to a lesser degree, controlled labor mobility and intellectual property. Along with the mentioned ideas, the expert raises the issue of professional development for Armenian professionals. In their words, while there were trainings at various levels in Soviet times, today the situation is very worrying for Armenian academic circles in this sense, something which indicates one of the most important dimensions of the process. Following up on this, the expert highlights another area in education that begs attention in Armenia in this context. More specifically, the expert proposes that the available professions and specializations be related to the demand side of the economy as well as stem from internationally competitive considerations rather than stereotypical inclinations of the population to favor traditionally highly regarded professions. Thus, the expert suggestions shed light on both the strengths of higher education in Armenia and its serious shortcomings paving the way for a more profound discussion of the role of integration into larger educational areas that create opportunities.

Expert C depicted the Armenian experience of integrating into a supranational higher education area, namely EHEA, mostly in positive terms. To begin with, they mentioned the exchange of expertise and soft power dimensions of such a cooperation. Interestingly, even though Expert C views the exchanges of professionals as mutually beneficial, they also draw attention to the fact that they smaller countries are not "capable of creating and developing competitive and forward-looking educational and scientific products on their own.'' Further, they stressed the importance of international students for the purpose of obtaining economic benefits. To be precise, they mentioned student towns "living at the expense of students" with reference to the tuition fees, scholarships, living expenses and similar investments that the presence of students generates. In a similar vein, the expert described international student mobility as a cause for cultural exchange. Not surprisingly, the expert was largely positive with regards to their own experience and specifically highlighted the networking dimension of their engagement with exchange programs.

Expert D presented a multi-dimensional assessment of international mobility and integration in the educational domain. First, they referred to the opportunity to participate in exchange programs as a way in which professionals from developing countries "acquire competitive and up-to-date knowledge with the possibility of investing it in their home countries at later stages." Moreover, the expert highlighted the opportunity of taking part in world-class research projects, something that reinforces a similar line of reasoning we encountered in previous expert evaluations. In a sharp departure from economic and educational dimensions, the expert exposed the political nature of integration and mobility judging that the host countries aim to "develop their relations with a specific state." From the perspective of obtaining advantages, the expert referred to the flexibility and scientific potential to talk about the prospects of achieving tangible results. For instance, the expert elaborated on their educational experiences both in Armenia and abroad claiming that each of the stages of their academic trajectory – both in Armenia and abroad – had an impact on their professional and academic career.

Expert E summed up the positive aspects of international integration and mobility in a three-dimensional way: "becoming familiar with international educational trends; the exchange of the best educational practices; financial flows." They portrayed the international mobility in terms of broadening horizons and improving the financial conditions of students. As a follow-up, they claimed the prospects of integration involve "the integration and localization of international educational practices." Interestingly, they described their own experience as having had a positive influence on their "managerial capabilities" as well as concerning

"novel ideas." With regards to potential losses against the background of exclusion from regional cooperation, they mentioned system-related issues and alienation from educational trends.

Expert F concurred with previous views regarding new opportunities for professionals becoming internationally competitive and, in a novel line of reasoning, becoming integrated in multidisciplinary programs. However, in contrast with earlier largely positive views, they referred to the transparency and fairness of exchange opportunities stating that, "the same faculty members are sent abroad." They then elaborated on the idea saying that if the selection process is fair, other faculty members, after many unsuccessful attempts, can go overseas and then "make a positive contribution to both their universities and their home country." Regarding their own experiences, the expert stated they have relied on self-improvement for professional development and that "every growth is a personal initiation." Lastly, the expert associated the brain drain from Armenia with unfair competition in a reaffirmation of their previous views. Thus, the expert made several crucial references with regards to the transparency of international exchange and the consequences associated with it.

In a quite similar way, Expert G raised the issue of "not cooperating with anyone until you have established yourself." The expert alluded to the lack of capabilities on the Armenian side and, rather rhetorically, called for reading books, not integrating. On a more personal level, the expert said they had experienced more instances of frustration in terms of engagement with common educational areas. In response to the question regarding the advantages of integration for all the sides involved, they stated that each and every country has its specific objectives, either political or economic, or such integration is "forced upon them." Against the backdrop of their general analysis, the expert pointed out that Armenia is not integrated into the common European area at all as "it is necessary for universities to fulfill themselves before creating a common area with precise objectives." Interestingly, in their assessment of the benefits of integration and mobility, the expert highlighted that participants benefit on an individual basis if "he or she is lucky enough to appear in a normal environment, in a faculty with real scientists and traditions."

Expert H tends to attach great importance to the cultural and international dimensions of integration and mobility. First, they point out the importance of accessibility of international education and the accompanying professional development opportunities. As expected, the expert draws a conclusion that both the sending and receiving parties of exchange programs benefit in cultural and educational terms: while smaller countries have an opportunity of benefiting from various

scholarships and funding opportunities, host societies enhance their cultural diversity. Additionally, the expert finds the intercultural dialogue and broadening one's horizons worth mentioning along with ample economic growth opportunities that international student mobility fosters. The expert concludes this line of thought with a formula: "well-educated citizens-powerful economy." The expert asserts that currently there are a myriad of programs available for Armenian professionals and identifies four main reasons why the number of participants in exchange programs is growing: economic stability, raising awareness of such programs, the importance various professionals attach to it and the increasing number of multinational organizations.

To conclude, the experts have mentioned a big number of incentives and merits that the integration of the system of higher education on a regional, multinational or global level provides. Even though some experts have also noticed the shortcomings or inefficiencies or the ill-preparedness for Armenia for a full transition and integration, positive remarks have conspicuously prevailed.

Conclusion

In the final analysis, we believe it is safe to assume the lessons the case of Armenia provides with regards to integration in the field of higher education are both largely informative and indicative of a number of advantages of transitory integration processes, especially from the perspective of either smaller partners with very limited capabilities or developing nations, as Armenia can be taken as an example of both. Based on the analysis of the discussion of the results, we deem it possible to draw the following conclusions:

1) Integration into multinational structures reflects the educational, societal as well as scientific, political and economic dimensions of such international cooperation, is multi-layered and progressive in evolutionary terms. Countries benefit from both receiving and instituting powerful supranational mechanisms targeting international student and scholar mobility, research projects and harmonization of standards and procedures.

2) The political dimension of the integration of the national systems of higher education creates opportunities for both bigger and more powerful voices and smaller nations that generate intellectual and scientific, as well as diverse cultural waves for the continuous aggrandizement of the educational capabilities of the host society. Meanwhile, host societies are major stakeholders in the process: the continued inflow ensures continued dominance benefiting the smaller participants in terms of access to new technologies, cutting-edge research and general educational trends internationally.

3) At the individual level, however, the shortcomings of transparency of various projects, especially professional development and scholarly mobility schemes, can potentially harm the atmosphere of trust excluding at least some of the potential of the talent pool.

4) There seems to be a general consensus that integration reveals more tangible benefits than loss of underused intellectual resources and frustration.

Based on the generalizations above, we believe the following recommendations can be made for BRICS countries in the context of the chief objective of this article, namely the applicability of the European integration tools in the field of higher education derived from Armenian experience:

A. All participating countries can seek benefitting from harmonization, mobility, and common scientific and educational projects. Consequently, negotiations between parties can be more effective if the expectations of individual states are formed based on the perceptions and insights of their respective expert communities and individuals targeted by mutually beneficial programs rather than institutional policy-makers. It is also advisable to preclude any shortcomings in the implementation of common schemes to minimize the negative reverberations of perceived or real failures on the individual level enhancing the effectiveness of inclusion and engagement.

B. As the discussion of the results of the present article suggests, partnerships can be made along the lines of perceived benefits of educational integration. To put it differently, educational integration itself can have explicit and clear-cut political, economic, cultural, scholarly contours and blocs rather than be a separate domain with perceivably unintended socio-political and socio-economic consequences. This widens possibilities of partnerships in the sphere of multi-national cooperation.

REFERENCES

1. Armenia: European Higher Education Area and Bologna Process http://www.ehea.info/page-armenia
2. *Curaj A., Deca, Ligia, Pricopie, Remus (Eds.)* European Higher Education Area: The Impact of Past and Future Policies, 2018, Springer International Publishing, P. 47, 107.
3. *Crosier D. and Parveva T.* The Bologna Process: Its Impact in Europe and Beyond, Paris 2013, UNESCO: International Institute for Educational Planning, 72, 80.
4. Espacio Europeo de Educacion Superior: The Bologna Declaration: An Explanation http://www.eees.es/pdf/bolognaEUA.pdf
5. The European Higher Education Area in 2018, Bologna Process Implementation Report, April, 2018, Education, Audiovisual and Culture Executive Agency, P. 242-245 https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/sites/eurydice/files/bologna_internet_chapter_7_0.pdf

6. University of Toronto, BRICS Information Centre; BRICS Official Documents and Meetings; Third Meeting of BRICS Education Ministers, Delhi Declaration, New Delhi, March 29, 2012 http://www.brics.utoronto.ca/docs/120329-delhi-declaration.html
7. University of Toronto, BRICS Information Centre; BRICS Official Documents and Meetings; Third Meeting of BRICS Education Ministers, Moscow Declaration, November 18, 2015 http://www.brics.utoronto.ca/docs/index.html

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И БРИКС: ПУТЬ ВПЕРЕД

Г.Г. Погосян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье речь идет о том, что, хотя страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) формально не имеют общего пространства в сфере высшего образования по образцу высшего образования Европейского пространства (ЕПВО), официальные попытки углубления сотрудничества в этой области все же предпринимаются. Тем не менее авторы, изучающие ЕПВО, склонны представлять рекомендательные формулы и пути, вытекающие из европейского опыта построения общего пространства высшего образования для членов БРИКС. Таким образом, нашей целью является изучение примера Армении – страны, проходящей интеграцию в ЕПВО, сквозь призму обратной связи и восприятия восьми местных экспертов, имеющих значительный опыт в области высшего образования и/или управления образованием, международных программ для продвижения научной дискуссии о пригодности европейской модели для БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, ЕПВО, интеграция, высшее образование.

УДК 1174 Поступила: 17.08.2020г.
Сдана на рецензию: 19.08.2020г.
Подписана к печати: 27.09.2020г.

BLENDED LEARNING. THEORETICAL BASIS: DEFINITIONS, MODELS AND A FRAMEWORK

A. Mardoyan

Shirak State University Named after Nalbandyan Foundation
mardoyanargine@gmail.com

ABSTRACT

In this article different definitions and models of blended learning (BL) are discussed alongside the benefits and challenges of this educational approach. The described BL models can be used at different stages of adoption of ubiquitous computing in classrooms and outside. Each model's productive fulfillment is considered based on the goals, resources, competences and attitudes of the learning environment. The article also discusses professor Badrul Khan's Blended Learning Framework which is a solid underpinning for contribution and integration of the blended learning practice into higher education institutions. It has multiple dimensions and had been coherently designed to describe the level of maturity and comprehensive efficiency of BL and education. A subject of the article is of considerable interest as it is a preliminary necessity to conduct research on understanding the term *blended learning*, its models and frameworks before choosing and implementing the commensurate one.

Keywords: blended learning, blended models, learning framework, hybrid learning, rotation, pedagogy.

Introduction

ICT-based (information and communication technology) education is a relevant and state-of-the-art approach for higher education institutions for providing swift, sustainable and competitive access to quality education. The term *quality* refers to an accurate concurrence of faculty and student goals which must be intertwined in at least a single middle-term activity framework. Innovations in teaching, learning and management have given birth to an essential availability of e-courses and materials. Furthermore, learning and teaching applications allow fast capacity building for faculties and collaborative schemes for implementing methodologies and contents as well as achieving excellent results with less fraction of resources traditionally required for university education.

Open source education platforms with dynamic study tools and modular samples can be implemented easily with a significant improvement of student's performance and levels. The Internet has changed timing, access to knowledge and learning processes. Many of restrictions are abolished; students are empowered to manage their time schedules and pacing. Faculty are mainly free to choose different pedagogical approaches, teaching methods and tools for tracking and assessing progress, and all this needs to be adapted to individual progress.

However, many higher education institutions have contributed to blended learning courses, because it has been experimented by faculty interested in using both online and traditional strategies to improve student learning outcomes. When educational institutions have not clearly defined and strategically adopted blended learning, they are not likely to reliably know the extent to which BL has been adopted institution-wide in order to meet standards, goals and outcomes in course, program and institution levels. It is rather an intricate task to implement a BL model, concurrently adhering learning tools with learning goals and objectives, as well as resources of blended education system so as to be measurable, attainable, quality-oriented and quiet flexible to be rearranged and redesigned in accordance with the vision of institution and contemporary needs of national and international community.

The paper includes the following sections. First, the influential definitions of blended learning are introduced. This is followed by the description of contemporary BL models examined in Christensen institute [1]. Secondly, professor Badrul Khan's Blended Learning Framework is presented as a maturity model for building learning and teaching strategy [2]. Finally, recommendations and conclusions for the topic are suggested.

Blended Learning Definitions

The term *blended learning* has gained considerable currency in the late 1990s as a description of particular forms of teaching with technology. Blended learning is also known as hybrid learning, multi-mode learning and integrated learning. In the past decade different scholars have tried to define blended learning, but there is no conceptual consensus so far. At an operational level the lack of consistency in the definition of blended learning can also cause confusion in the implementation and make it difficult to benchmark good practice. It is important to clarify what is meant by blended learning in the local context for higher education institutions to evaluate their maturity level of blended learning practice and to continue to improve quality. Up to now various definitions of blended learning have been developed from the aspect of goals and components, while others have men-

tioned a different mode of knowledge change and cooperation. According to Stephan Hrastinski, a prevailing number of scholars have been citing two definitions by Graham, as well as the definition of Garison and Kanuka [3].

Graham defines blended learning as follows: “Blended learning systems combine face-to-face instruction with computer-mediated instruction” [4].

Garrison and Kanuka have defined blended learning as “the thoughtful integration of classroom face-to-face learning experience with on-line learning experience” [5].

The framework demonstrated by Graham is more than simple combination of face-to-face and online instruction. He defines three components to be blended: learning activities, students and instructors. In addition, he argues that blended learning varies based on different goals and pedagogical competence, access to knowledge, social interaction, personal agency, cost effectiveness and simplicity of revision [6].

Learning environment approaches foster such issues as interaction, constructivism, communication, learning communities, learning enhancements, cognition and performance support, as well as synchronicity. Added value constructs deal with elements such as enhancement, presence, access, reusability, transformation, replacement and process emphasis. Graham uses this approach to define enabling blends that increase access enhancing blends that incrementally improve pedagogy, and transforming blends that create fundamental paradigm shift [7].

The second definition, given by Garrison and Kanuka, indicates that the simplest form of blended learning is a mixture of physical classroom activities and learning activities supported by online technologies. However it is not clear as to how much or little online learning is inherent to blended learning; in fact Kanuka mentions that this is only a rough indirect measure that may be misleading [8]. Blended learning represents a fundamental reconceptualization and reorganization of the teaching and learning dynamics starting with very specific contextual needs and contingencies (discipline, developmental level and resources).

In this respect, no two blended learning designs are identical. This introduces the great complexity of blended learning. The core issue and argument is that when we have profound understandings of Internet properties, as well as knowledge of how to effectively integrate Internet technology with the most desirable and valuable characteristics of face-to face learning experiences, a significant shift occurs in terms of the nature and quality of educational experience. At the heart of this argument is the quality and quantity of the interaction and the sense of engagement in a community of inquiry and learning, achieved through the effective integration of internet communication technology. Kanuka especially notes that much of the satisfaction

and success of blended learning experience can be attributed to the interactive capabilities of Internet communication technologies [9].

A closer examination reveals the ability of asynchronous Internet communication technology to facilitate a simultaneous independent and collaborative learning experience, namely community of inquiry. That is learners can be independent of space and time yet together. Community provides the stabilizing, cohesive influence that balances open communication and limitless access to information on the Internet. Communities also provide the condition for free and open dialogue, critical debate, negotiation and argument – the hallmark of higher education [10]. Blended learning has the capabilities to facilitate these conditions and adds an important reflective element with the rich dynamic of fast-paces, spontaneous verbal communication in a face-to-face learning environment where educational possibilities are multiplied.

A community inquiry is described as "the ideal and heart of higher education" and "shaped by purposeful, open and disciplined discourse and reflection" [11]. It is based on three types of presence: cognitive, teaching and social presence. From the presence of this framework, a community of inquiry is regarded an ideal higher educational experience no matter whether education is conducted face-to-face, online or blended.

In blended learning online and face-to-face learning are equally important. Researchers at Chlayton Christensen Institute have identified the parameters of blended learning that improve the quality of education:

- personalization;
- learning based on skills;
- creation of environment of high achievements;
- student's personal responsibility for his or her own learning results [12].

We would like to briefly mention that at first sight hybrid learning and blended learning seem the same, but that is not the case. Blended learning utilizes the best online tools to support a teacher-led classroom, but learners are also encouraged to explore and follow their own paths with computer based modules: it focuses on the combination between offline and online learning, whereas hybrid learning focuses less on technology and more on the most effective way to deliver a course to learners, which is different for every educational institution.

Among the main advantages of blended learning are the following:

- the opportunity for each student to grasp the necessary knowledge and skills in a convenient format;
- providing effective learning management tools;

- planning and conceiving what training needs should be met and what results it will bring;
- reducing the time and financial costs of learning;
- technology and teaching enrich and complement each other;
- learning is possible regardless of time and place;
- individual control over training;
- natural familiarization by students of learning and communication facilities;
- priority of the student's independent activity;
- organization of group learning activities and flexibility of educational trace;
- integration of online and offline educational and methodological reusable content;
- collection and customization of instruction and assessment (including software which automatically collects student data and measures academic progress; student logins and work times are also measured to ensure accountability).

Today some disadvantages of blended learning are as follows:

- lack of learners and faculties (teachers) knowledge and/or readiness to learn;
- ineffective use of learning technology tools can waste resources;
- group work difficulties with management in online setting;
- high technology set up and maintenance costs;
- contradictions between faculty or teacher perception of blended learning and that of the learner.

Completing the section, we can argue that blended learning can have different meanings to different people. However, there seems to be a golden thread connecting definitions - the use of technology.

We believe that ICT contribution in education needs to be pedagogically driven. The definition that we favor is "blended learning is learning as a result of a deliberate, integrated combination of online and face-to-face learning activities that serve to achieve desired learning outcomes".

Models of Blended Learning

Depending on the authoritative definitions written above, many different learning models have been suggested. We would like to emphasize that all the models have commonly focused on physical or surface-level characteristics rather than pedagogical or psychological characteristics. In addition, we can stress that it

is futile to determine special rules for their implementation. Below we have given a brief description of the most common BL models.

Next to the definition of Garrison and Kanuka the determination of Watson, who described blended learning as a major segment of a continuum between fully online and traditional face-to-face categories, is not less engrossing:

1. “fully online curriculum with all learning done online and at a distance and face-to-face component;

2. fully online curriculum with options for face-to-face instructions, but not required;

3. mostly or fully online curriculum with selected days required in classroom or computer lab;

4. mostly or fully online curriculum in computer lab or classroom where students meet every day;

5. classroom instruction with significant, required online components that extend learning beyond the classroom and beyond the school day;

6. classroom instruction integrating online resources, but limited or no requirements for students to be online;

7. traditional face-to-face setting with few or no online resources or communication” [13].

The Christensen Institute has studied emerging blended learning models that are neither mutually exclusive nor collectively exhaustive. Staker and Horn present 4 models of blended learning that they argue categorize most blended learning programs (Figure 1) [14].

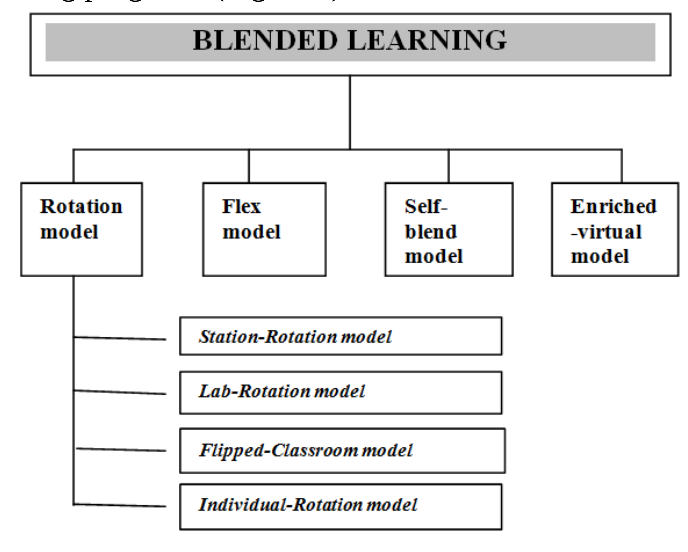

Figure 1. Blended learning models [15].

1. ***Rotation*** model, where students rotate between learning modalities one of which is online learning. Other modalities include full-class instruction, group projects and individual tutoring. Within the Rotation model four sub-models are defined:

a) ***Station-rotation*** in which within a given course or subject students rotate on a fixed schedule or at the teacher's discretion among classroom-based learning modalities. The rotation includes at least one station for online learning. Other stations might include activities such as small-group or full-class instruction, group projects, individual tutoring and paper based assignments. Some implementations involve the entire class alternating among activities together, whereas others divide the class into a small group or one-by-rotation.

b) ***Lab-Rotation*** is similar to Station Rotation. However, students rotate to a computer lab for online learning activities instead of staying within the same classroom.

c) The Flipped-Classroom model is primarily focused on the use of Internet resources when doing homework: students are invited independently to master a certain theoretical material, and hence in the classroom they are involved in an active discussion of the problems of the course topic clarifying the key questions.

d) ***Individual Rotation*** is a model in which within a given course or subject students rotate on an individually customized, fixed schedule among learners' modalities, at least one of which is online learning. An algorithm or a teacher sets individual student schedules. This model differs from others, because students do not necessarily rotate to each available station or modality.

2. The ***Flex*** model where content and instruction are delivered primarily online and students move on an individually customized schedule. The teacher or other adults provide face-to-face support as needed through activities such as small-group instruction, group projects and individual training.

3. The ***Self-Blended*** model where students take one or more online courses to supplement traditional course and the teacher-of-record in the online teacher. Students self-blend some individual online courses and take other courses at a brick-and-mortar campus with face-to-face teachers.

4. The ***Enriched-virtual*** model where students split their time between attending a campus and learning remotely in an online setting. This model differs from the Flipped Classroom, because in enriched-virtual programs students seldom attend the campus every weekend. It differs from the self-blended model because it is a whole-school experience, not a course by course model [16].

Teachers or faculties may implement more than one model or pull components from the models they find most effective to create something unique for the needs of the students. When choosing and implementing a blended model we have to take into consideration some significant factors: the unique institutional culture, the level of integration of blended education and the extent of influence at learning outcomes.

A Framework for Blended Learning

Implementation of blended learning in an educational environment requires a carefully picked framework. The ultimate aim of the framework is to outline certain factors, their relationship and boundaries and that impact on the implementation of blended learning.

In this section of the article world-renowned consultant in the field of blended learning and educational technology, author and professor Badrul Khan's framework is presented as more suitable for higher education institutions with different levels of embedded blended learning concept. Bodrul Khan's Octogonial blended learning framework had been designed for developing flexible learning environments and fulfilling meaningful e-learning experiences. Various dimensions of the framework can provide guidance in the design, development, delivery and evaluation of flexible, open and distance learning environments (Figure 2).

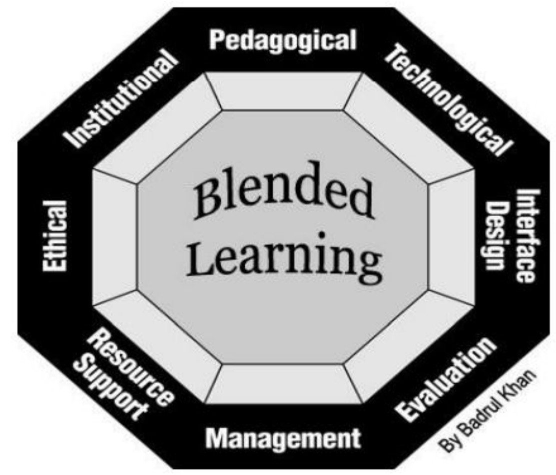

Figure 2. Khan Octagonal blended learning framework [17].

1. The ***pedagogical*** dimension of e-learning refers to teaching and learning. This dimension addresses issues concerning content analysis, audience analysis, goal analysis, media analysis, design approach, organization, methods and strate-

gies of e-learning environment (tutorials, games, modeling, debate, simulations, case studies, role-playing, etc.).

2. The ***technological*** dimension of the e-learning framework examines issues of technology infrastructure (technology, standards, metadata, learning objects) in e-learning environments. This includes infrastructure planning, hardware and software.

3. The ***interface*** design refers to the overall look and feel of e-learning programs. The interface design dimension encompasses page and site design, content design, navigation and usability testing.

4. The ***evaluation*** for e-learning includes both the assessment of learners and evaluation of instruction and learning environment.

5. The ***management*** of e-learning refers to the maintenance of learning environment and distribution of information.

6. The ***resource support*** dimension of the e-learning framework examines the online support and resources required to foster meaningful learning environments.

7. The ***ethical*** consideration of e-learning relates to social and political influence, culture diversity, bias, geographical diversity, learner diversity, information accessibility, etiquette and legal issues.

8. The institutional dimension is concerned with issues of administrative affairs, academic affairs and student services related to e-learning [18].

The dimensions of framework are interrelated and interdependent. Among all dimensions the pedagogical seemed to be especially emphasized. Its solutions influence the technological and resource support dimensions. Effective pedagogy underpins the use of technology to enhance student learning outcomes. This requires improvement of the staff's and students' digital literacy. The importance of a robust and reliable technical infrastructure is also recognized to be critical in transitioning to enhance blended learning. Another major challenge is how to develop an innovation culture including the ethical dimension that truly values and enhances people right across the institution to embrace the transformative potential of a blended education.

A key strategy is that higher educational institutions incorporate their blended frameworks into their mission statements and goals to ensure sustainability and proceeding improvement. Khan's model is comprehensive enough to adapt to emerging developments in subject areas, maturity levels and incentives in favor of the quality of education.

Recommendations and Conclusions

Blended learning is not a simple learning method combining virtual and physical learning. It could be further defined as the learning mode integrated with various hybrid factors, such as learning environment, brain acquisition mechanism, learning effective factors (motivation, satisfaction, discouragement and frustration), learners and teachers.

Although the concepts of teaching and learning have been employed interchangeably in various definitions proposed by researchers, we believe that learning is a personal and individual experience for learners, which should be understood as a separate concept from pedagogical arrangement in discussion related to blended learning. Therefore teaching is the design and facilitation of blended learning activities. Considering the intricate educational environment we define the term blended education as the formal scope of blended learning practice that is determined by policies and conditions related to the organizational support of blended learning.

However the value of terminology is open for discussion. We believe that an overarching definition of blended learning can be useful, whereas others suggest that the variety of interpretations allow novelties to happen. As technology-mediated learning becomes ubiquitous, blended learning will not be a transient term and will not soon lose its relevance to us.

Consequently, the choice of an appropriate blended learning model for a higher education institution must be based on the content and maturity level of the blended learning framework. It is undeniable and quiet evident that a framework is a subject of preliminary development. The content of a framework allows assessing whether an institution's internal and external environmental properties and dimensions are mature enough to implement one of the above examined models. Moreover, in a particular maturity level a certain learning model can be fulfilled.

Understanding of a blended learning conceptual basis, as well as determining measurable and relevant blended learning framework dimensions leads to the aim of successful implementation of this educational approach.

REFERENCES

1. *Khan B.H.* A framework for Web-based learning. In B. H. Khan (ed.) Web-based training. Englewood Cliffs, NJ: Educational Technology Publications, 2001. PP. 75–98.
2. *Hrastinsk S.* What Do We Mean by Blended Learning? Article in TechTrends. February 2019. https://www.researchgate.net/publication/330935647_What_Do_We_Mean_by_Blended_Learning.
3. *Graham C.R.* Blended learning systems: Definition, current trends and future directions. In C. J. Bonk & C. R. Graham (Eds.) The handbook of blended learning: Global perspectives, local designs. San Francisco: Pfeiffer (2006). PP. 3–21.

4. *Randy D. Garrison, Heather Kanuka* Blended Learning: Uncovering Its Transformative Potential in Higher Education / The Internet and Higher Education 7(2): 95–105 April 2004 https://www.researchgate.net/publication/222863721_Blended_Learning_Uncovering_Its_Transformative_Potential_in_Higher_Education
5. *Graham C.R.* Blended learning systems: Definition, current trends and future directions. In C. J. Bonk & C. R. Graham (Eds.) The handbook of blended learning: Global perspectives, local designs. San Francisco: Pfeiffer (2006). PP. 3–21.
6. Blended learning: A dangerous idea? Patsy Moskal, Charles Dziuban, Joel Hartman, The Internet and Higher EducationVolume 18, July 2013. PP. 15–23 http://uws.edu.au/__data/assets/pdf_file/0020/530336/Reading7_BlendedLearning-ADangerousIdea.pdf
7. *D. Randy Garrison, Heather Kanuka*. Blended Learning: Uncovering Its Transformative Potential in Higher Education / The Internet and Higher Education 7(2): 95-105 April 2004 https://www.researchgate.net/publication/222863721_Blended_Learning_Uncovering_Its_Transformative_Potential_in_Higher_Education
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. *White J.* Blended-Learning Trend Watch: Models on the Rise. **September 27, 2018.** https://www.christenseninstitute.org/blog/the-blended-learning-models-that-can-help-schools-reopen/?_sf_s=blended+learning
12. *Hrastinski S.* What Do We Mean by Blended Learning? Article in TechTrends. February 2019. https://www.researchgate.net/publication/330935647_What_Do_We_Mean_by_Blended_Learning
13. *Staker H., & Horn M. B.* Classifying K-12 Blended Learning. Mountain View, CA: Innosight Institute.2012. http://www.christenseninstitute.org/wp-content/uploads/2013/04/Classifying-K-12-blended-learning.pdf
14. Ibid.
15 Ibid.
16. *Khan B.H.* A framework for Web-based learning. In B. H. Khan (ed.) Web-based training. Englewood Cliffs, NJ: Educational Technology Publications, 2001. PP. 75–98.
17. *White J.* Blended-learning Trend Watch: Models on the Rise**.** September 27, 2018.
18 https://www.christenseninstitute.org/blog/the-blended-learning-models-that-can-help-schools-reopen/?_sf_s=blended+learning.
19. https://www.christenseninstitute.org/

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, МОДЕЛИ И СТРУКТУРА

А.С. Мардоян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматриваются различные определения и модели смешанного типа обучения, а также преимущества и проблемы этого образовательного подхода. Описанные модели смешанного обучения могут использоваться на разных этапах компьютеризации в процессе обучения в аудитории, и за ее пределами. Продуктивная реализация каждой модели предпо-

лагает, что она основывается на целях, ресурсах, компетенциях и отношениях в учебной среде.
В статье также обсуждается структура модели смешанного обучения, разработанная профессором Бадрулом Ханом, которая может служить надежной основой для внедрения и интеграции практики смешанного обучения в учреждениях высшего образования. Модель имеет несколько измерений и была последовательно разработана для описания уровня зрелости и всесторонней результативности смешанного обучения и образования. Предмет статьи представляет значительный интерес, так как предварительно необходимо понимать термин «смешанное обучение», исследовать его модели и структуры, прежде чем можно будет выбрать какую-либо из них и реализовать *его в вузе*.
Ключевые слова: смешанное обучение, смешанные модели, структура смешенного обучения, гибридное обучение, педагогика, ротация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

М.Э. Авакян – к.филол.н., доцент, гл. специалист Департамента науки РАУ

А.Г. Аветисян – к.э.н., доцент, преподаватель кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода РАУ

А.А. Аветян – соискатель, преподаватель кафедры Управления, бизнеса и туризма РАУ

К.С. Анумян – аспирант кафедры Иностранных языков филологического факультета РУДН

А.А. Арутюнян – студент кафедры Управления, бизнеса и туризма РАУ

П.А. Енгоян – аспирант кафедры Теории и истории политической науки ЕГУ

С.С. Ерицян – д.фил.н., профессор кафедры Журналистики РАУ

А.О. Лазарян – магистрант кафедры Математического моделирования в экономике ЕГУ

А.С. Мардоян – дипломированный специалист, преподаватель кафедры Бизнеса и администрирования фонда «Ширакский государственный университет имени М. Налбандяна».

Т.Л. Мартиросян – соискатель, преподаватель кафедры Гражданского права и гражданско-процессуального права РАУ.

К.А. Мирумян – д.филос.н., профессор, преподаватель кафедры Политологии РАУ

С.С. Мисисян – к.филол.н., ст. преподаватель кафедры Русского языка и профессиональной коммуникации РАУ

И.Н. Нерсесян – аспирант кафедры Теории права и Конституционного права РАУ

Г.Г. Погосян – магистр политологии, преподаватель учебного центра “Global Bridge Educational Complex”

Р.А. Мелконян – соискатель кафедры Уголовного и уголовно-процессуального права РАУ

А.Г. Рубенян – аспирант кафедры Экономики и финансов РАУ

Ж.А. Тадевосян – аспирант кафедры Политологии РАУ

М.Р. Тадевосян – преподаватель кафедры Журналистики РАУ

В.И. Тигранян – к.э.н., и.о. доцента кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода РАУ, ассистент кафедры Макроэкономики АГЭУ

А.А. Харатян – к.э.н., доцент, преподаватель кафедры Математического моделирования в экономике ЕГУ

С.Ш. Цагикян – д.ю.н., профессор, преподаватель кафедры Уголовного и уголовно-процессуального права РАУ

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Политология

Юриспруденция

Экономика и менеджмент

Филология

Журналистика

Проблемы образования

Главный редактор РНИ *– М.Э. Авакян*

Редактор *– Ш.Г. Мелик-Адамян*

Корректор *– Н.И. Маргарян*

Компьютерная верстка *– А.С. Бжикян*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:

0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 10) 27-70-52(внутр. 42-02)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Заказ № 38
Подписано к печати 13.11.2020г.
Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 11,4 п.л. Тираж 100 экз.